

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXXI

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407-0898

Обложка работы архимандрита Зинова (Теодора)

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко –
главный редактор, Латвия
Протоиерей Владимир Зелинский, Италия
Андрей Десницкий, Россия

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2022

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной. Аминь.*

НАЙТИ В СЕБЕ ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО

«Найти в себе истинное христианство» – этот призыв, обращенный отцом Александром Менем к узкому кругу участников, основанных им подпольных Малых групп, – более 30 лет тому назад, – не только не утратил своей значимости, но, кажется, вышел на первый план, если так можно сказать, среди сегодняшних «задач». Представляется, что именно в этом – основной нерв духовного бытия христианина, не дающий уйти в сетования на неудовлетворяющую церковную действительность, в негодование по поводу поведения иерархии, невежества и отсталости основной массы духовенства, или погрузиться в этакую спячку равнодушия – поскольку «ведь от меня ничего не зависит...»

Отец Александр убежден, что как раз зависит! Не будем забывать, что он служил, проповедовал, писал книги (изначально – без всякой надежды на их публикацию) – при другой политической, церковной, исторической ситуации, когда, например, за создание Малых групп и катехизацию несовершеннолетних ему грозила уголовная ответственность, согласно существовавшему законодательству тоталитарного режима в СССР.

То, что христианство может быть истинным и «псевдо» стало понятно достаточно давно. На протяжении нескольких веков (с 1605 г. до середины XX века) насущной духовной пищей для всей Европы была книга немецкого лютеранского богослова, епископа Иоганна Арндта «Об истинном христианстве»¹. Также этот

¹ Арндт Иоганн. Об истинном христианстве // пер. с нем. игум. Петра (Мещеринова) – М.: Эксмо, 2016 г. – 1008 стр. (Прим. ред.)

многотомный труд, с 1735 г., когда вышел в свет его первый славяно-русский перевод и до начала XX века, неоднократно переводился и издавался в России и был востребован не только в кругах образованных, но и среди крестьян. Святитель Тихон Задонский, советовавший читать эту книгу лютеранского епископа, наравне с Библией, сам в 1776 г. закончил свои 6 томов книги «О истинном христианстве».

Если очень кратко, буквально, в двух словах сказать, о чем нам говорит книга «Об истинном христианстве», то самое насущное – это о необходимости создания внутреннего человека и о воплощении в жизни христианина заповедей Христовых.

Об этом говорят и материалы «Христианоса-XXXI», в которых авторы ставят вопросы, порой, мучительные, рожденные окружающей нас исторической, политической, церковной (все взаимосвязано) действительностью, острым кризисом всех сфер жизни.

Как быть христианином? Заканчивается история христианства или только начинается? Есть ли будущее у Церкви, и многие ли из нас останутся в Церкви?

И, если антихрист давно уже распоряжается в нашем мире как дома (по мысли одного из авторов альманаха), то, может быть, мы стоим в преддверии конца всего?..

«Конец мира может наступить сейчас, когда мы с вами беседуем, но какой смысл строить свою жизнь на испуганных домыслах об этом? Научиться жить в начале христианской эры куда разумней и отважней» (прот. А. Мень).

Помимо обычных рубрик альманаха, в этом номере мы еще и «Поздравляем!». О том, кого и как – в самой рубрике.

*Редакционный совет
Альманаха «ХРИСТИАНОС»*

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

*Священник
Владимир Зелинский*

*Во время международной конференции по наследию
матери Марии (Скобцовой) и отца Александра Меня.
Рига, Латвия, 2000 г.*

Фото В. Минченко

ПОХВАЛА МАСТЕРУ

Альманах «Христианос» имеет честь и радость поздравить не только многолетнего автора и переводчика, члена Редакционного совета альманаха, но просто – опору семьи, старейшину нашего уникального духовно-творческого сообщества, задуманного отцом Александром Менем, создаваемого не одно десятилетие, с Божьей помощью и жертвенными усилиями многих людей (от них же первый есть он!) – отца Владимира Зелинского со славным юбилеем, с его 80-летием!

Кредо «Христианоса» гласит: «...Особенно значима для нас жизнь христиан нашего времени...» – сквозь судьбы наших героев видит Альманах и пути христианства и Церкви, и историю, и проблемы дня сегодняшнего.

Но не менее значима для нас и жизнь наших авторов, они тоже наши герои, и в их судьбах, в их творчестве продолжается та связь поколений, связь времен и событий, причастность к которым пролагает путь к вечному измерению бытия.

И отец Владимир, чье участие в Альманахе воплощено в 33 текстах (в некоторых номерах опубликовано по несколько его статей и переводов), торжественно объявляется главным Героем международного проекта «Христианос», а его труд и в Альманахе, и в изданных нами совместно книгах, и участие в конференциях делают его по праву заслуживающим звания «Мастера»!

Если вспомнить, сколько лет мы знакомы, то получается огромный совместный путь.

Разнообразна географическая карта наших встреч: Петербург, Новгород, Москва, Рига, Милан, Брешия, Париж, Страсбург.

И нерасторжима наша связь через родство со многими людьми: Ириной Алексеевной Иловойской, подвижниками из «Жизни с Богом» – Ириной Михайловной Посновой, о. Антонием Ильцем, о. Кириллом Козиной; Натальей Леонидовной Трауберг, Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, о. Георгием Чистяковым, Валентином Яковлевичем Курбатовым, Малой сестрой Клер Латур, о. Сергием Гаккелем, о. Рене Маришале, о. Бернаром Дюпиром. А у истоков, у корней этого «генеалогического» древа – отец Александр Мень.

И тепло семейной дружбы, и память о наших застольях и в Италии, и в Латвии, и взаимная молитвенная поддержка вызывают чувство благодарности Богу за нашу Встречу!

Многая и благая лета дорогим о. Владимиру и Наталье!

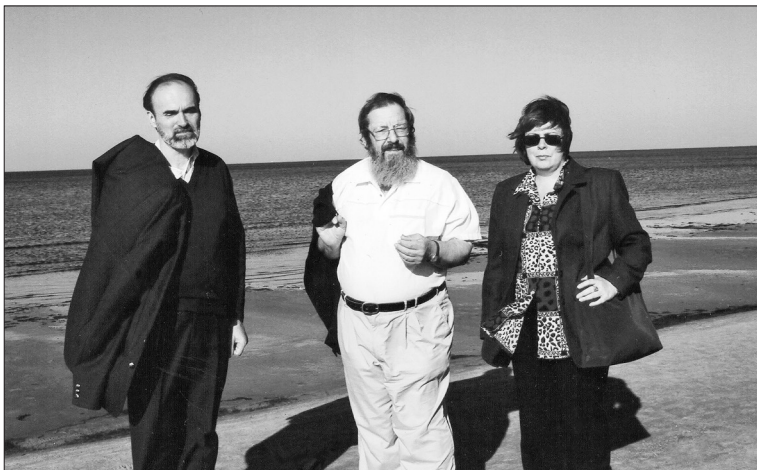
*С любовью,
Василий Минченко
Наталия Большакова-Минченко*

*Рига, Латвия
2022 г.*

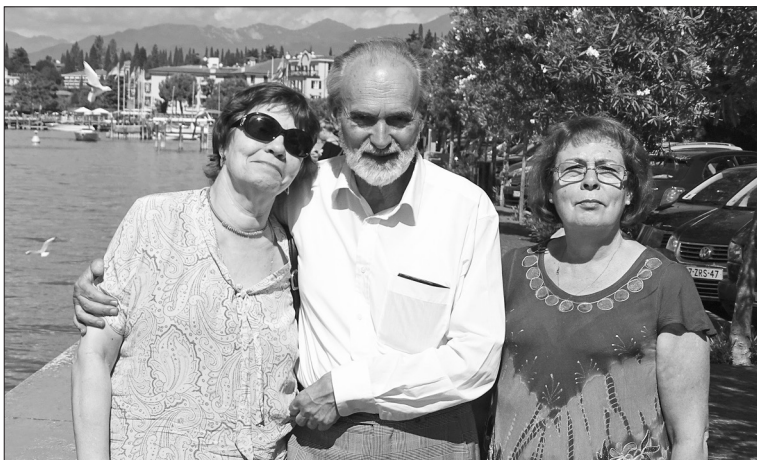
*Рига, Латвия. Слева направо:
свящ. Владимир Зелинский, Ирина Языкова,
Наталия Большакова, свящ. Сергей Гаккель.*

Фото В. Минченко

*Юрмала, Латвия. Слева направо:
Свящ. Владимир Зелинский,
свящ. Сергей Гаккель, Наталия Большакова*

Фото В. Минченко

*Озеро Гарда, г. Сирмионе, Италия. Слева направо:
жена о. Владимира – Наталья Костомарова,
отец Владимир, Наталия Большакова.*

Фото В. Минченко

Иеромонах Иосиф (Киперман)

СЛОВО ОТЦУ ВЛАДИМИРУ ПРО ОТЦА ВЛАДИМИРА

Поскольку мне выпала честь поздравить Вас, дорогой отец Владимир, с знаменательной датой Вашего восьмидесятилетия, то я отнёсся к этому весьма серьёзно, а потому начал с молитвы. Попросил я у Господа, чтобы Он помог мне сказать слово отцу Владимиру про отца Владимира, то есть про моё понимание пути Вашего и восхищения, которое он во мне вызывает. Это восхищение начинается от сознания того, что Вы принадлежите к поколению, идущему непосредственно вслед за «шестидесятниками», перед которыми я благоговею с тех пор, как повзрослев, в последних классах школы стал читать журнал «Новый мир», в котором они печатались. Используя образ горы, взятый у святого Иоанна Креста, скажу, что путь русской дореволюционной интеллигенции был восхождением от материализма не только к идеализму, но более того, к онтологизму, восприятию Бытия во всей его глубине – от уровня физического до духовного. Потом наступило «падение в плоть», ограничившее жизнь советских людей материальной действительностью, и только поколению «шестидесятников» удалось разбудить душу в человеке. А ваше поколение, как бы стоя на их плечах, пошло дальше до той высоты на горе, где случился обрыв, чтобы продолжить путь интеллигенции к истокам Бытия. Потому история Вашей жизни мне так напоминает историю жизни отца Сергия Булгакова с той разницей, что он, будучи

«левитского» происхождения, перешёл с пути своих предков, на путь образованного класса интеллигенции с её увлечением материалистическим марксизмом и потом вернулся на Путь Истины. А Вы вышли на этот Путь из самых глубин повсюду царящего атеизма, т.е. из изначально гораздо худшей позиции, и смогли не только достичь уровня духовности поколения русской послереволюционной эмиграции, но и пойти дальше, достичь той высоты, лучше скажу, той глубины веры, которая открылась после всех революций и войн поколению, оказавшемуся в плену диктатуры богоборцев. Свидетельствуя о ней, Вы так замечательно сказали: «Верить означает не утверждать что-то о Боге, но искать Лица Божия сердцем и “всем разумением твоим”».

Моё поколение смотрело с великим уважением на своих старших товарищей, поскольку нам посчастливилось тоже поучаствовать в том движении мысли и духа, в котором Вы жили, чуть-чуть почувствовать ту атмосферу, о которой Вы написали: «В 70-е годы образовалась негласная община, вытесненных на обочину системы. Воздух ее давно рассеялся, но о нем можно сказать словами Федотова, “блажен тот, кто когда-либо им дышал”». Это движение в итоге и привело Вас к тому поворотному моменту жизни, которым явилось святое Крещение. Далее Вы уже находились под непосредственным водительством Божиим. Ваш путь стал ещё выше, но в то же время и более понятен мне, призванному Господом в середине семидесятых, и начавшему идти уже проторенным путём духовных предшественников. От того мне так близки вот эти Ваши слова: «А после крещения я прочел немало книг по аскетике: и русских мыслителей, и кого-то из Отцов.

Но обращение или возвращение, как я его называю, берется не от книг. Это событие освобождения твоего внутреннего человека, задавленного внешними его страстями, предвзятыми мнениями, эгоцентризмом, средой, историей, бытом. Душа распахивается, пусть на минуту, и Господь входит в нее и говорит: “Я здесь с тобой и был с тобой всегда, но ты не видел и не слышал Меня”. И Он становится реальной, чем ты сам. Такая минута пронизывает всю жизнь».

«Дней лет наших – семьдесят лет, а при большей крепости – восемьдесят лет; и самая лучшая пора их – труд и болезнь, ибо проходят быстро» – сказал в древности Израильский царь Давид (Пс 89). А в современном Израиле люди, поздравляя с Днём рождения, желают друг другу жить «до ста двадцати». Вы обогатили христианский мир духовными мыслями необыкновенной глубины, наполнив ими целые книги. Думаю, что Вы бы могли сказать словами апостола Павла: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение. Если же жизнь во плоти *доставляет* плод моему делу, то не знаю, что избрать. Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас. И я верно знаю, что останусь и пребуду со всеми вами для вашего успеха и радости в вере...» (Флп 1:21-25). Вот, и я желаю Вам оставаться ещё долго с нами для совместной радости в вере, так как знаю, что Вы ещё имеете, чем нас порадовать из того духовного богатства, которое Вы скопили за многие годы и которым так щедро делились до сих пор. Так что, дай Бог, до ста двадцати!

Коринф, Греция
2022 г.

Свящ. Владимир Лапшин

**ОТЦУ ВЛАДИМИРУ ЗЕЛИНСКОМУ –
К ЕГО 80-ЛЕТИЮ**

Когда-то, очень давно, наверное, в середине 80-х годов прошлого века, мне в руки попала книга «Приходящие в Церковь». Первое, на что я обратил внимание, было имя автора – Владимир Зелинский. В начальной школе я учился вместе с хулиганистым парнем – Володей Зелинским. И вот вдруг такая книга. К сожалению, тогда я почему-то ничего не смог узнать об авторе. А потом как-то и сама книга, и имя автора ушли из моей жизни. И только много позже, уже в конце 90-х гг. я вновь встретил это имя.

В альманахе «Христианос», где и я участвую по сей день, стали публиковаться статьи и переводы Владимира Зелинского. Публикации эти – на самые разные темы – всегда были очень интересными, глубокими, для меня лично – важными: и об о. Александре Мене, и о русском богослове Борисе Бакулине, о котором я ничего не знал, и об о. Анри де Любаке, об Оливье Клемане, о Папе Иоанне Павле II; и на темы Св. Писания, и о единстве христиан и т.д. Из статей Зелинского многое узнал и о нем самом.

Я узнал, что он – православный священник, который служит в Италии, и что по возрасту он никак не может быть тем, с кем я вместе учился.

Но что еще важно, стали появляться книги отца Владимира, – одна за другой. Книги весьма необычные, порой захватывающие, порой кажущиеся очень сложны-

ми. А потом – первая личная встреча, когда в один из своих приездов в Москву, о. Владимир пришёл к нам в храм Успения, в Газетный переулок. Затем ещё. Ну и, конечно, презентация книг отца Владимира в нашем храме, его рассказы о приходе в Брешии, о жизни православных в Италии.

А затем – пандемия, теперь изоляция России из-за войны в Украине. И личные встречи прервались. Но я всё ещё надеюсь на милость Божию и на то, что Господь как-то управит вновь встретиться со ставшим дорогим и близким нам человеком, служителем Христовым.

Дорогой отче, поздравляю тебя с днём рождения и желаю тебе новых свершений!

*Москва, Россия
2022 г.*

Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон

**ПОЛВЕКА НА СЛУЖБЕ ИСТИНЫ:
К 80-летию ОТЦА ВЛАДИМИРА ЗЕЛИНСКОГО**

«К свободе призваны вы, братья»

Гал 5:13

Бежав от опасностей брежневского режима в конце 1972 года, я оказался в Париже и погрузился в поток христианской церковной жизни, в первую очередь православной. Среди последней привлекла меня церковь с загадочным именем – L'Eglise Orthodox Catholique de France – Православно-Католическая Церковь Франции, – основанная некогда русскими – братьями Ковалевскими, – которые, раскопав забытую средневековую гальскую литургию, обогатили ее Златоустом и пустили в обиход, между прочим с благословением св. Иоанна Максимовича. Помню первое впечатление, когда я вступил в собор на бульваре Бланки в тот самый момент, как три священника сходили с амвона в народ, чтобы перед пением «Верую» преподать целование мира. Меня поразили их вид: с острыми французскими бородками и закрученными усами из алтаря в светлых пасхальных облачениях выходили три мушкетера.

Но в этой заметке речь пойдет не о них, а о Д'Артаньяне, кто вот уже «10, 20 лет», да нет, уже полвека спустя, отбиваясь направо и налево своим пером, защищает не какие-то подвески королевы, а Слово, и защищая его, отстаивает в нем «нашу и вашу свободу». Отец Владимир Зелинский, ибо о нем пойдет речь в связи с

его юбилеем, – филолог и философ, овеществивший в себе эти две любви: к слову и мудрости. Эти две любви, приведшие его к абсолютному источнику и того и другого – Иисусу Христу Слову Божьему и Премудрости Божией, вот уже полвека удерживают его в этом исповедании.

Как помним, Иисус на вопрос Фомы назвал Себя: «Я есмь путь, истина и жизнь» (Ин 14:6), что в духе о. Владимира можно понять, что в Нем обретается полнота идентичности слова и того, что им называется, а потому пути от слова к вещи, которые в тождественности своей избегают исчезновения в потоке хроноса, восходя к вечности. Ведь слово – это еще и дар Адаму в момент его сотворения-рождения. «Человеку – до грехопадения, – писал о. Владимир, – был дарован и мир невидимый, чтобы он мог извлекать из него первоначальный лик тварей, запечатленный в имени, помысел или замысел Божий о словесной сущности вещей. Вещи выявляют свою словесную природу, предоставляя человеку, первенцу из людей, Адаму, неистребимому в нас, досказать главное – образ каждой вещи, приоткрывающийся в имени». Отсюда и энергия слова, дарованная нам еще до всякого воплощения Своего, Тем, Кто от начала есть «Слово Божие» (Ин 1:1). Не это ли имеет в виду Зелинский, утверждая: «Имя – точка, в которой мы пересекаемся с миром, окружающим нас, место встречи меня и Сотворившего всех нас, ибо Он всегда выбирает язык, который нам более всего внятен, тот, что глубже всего врезается в нашу память и мерцает со дна»¹. Потому и наше «слово, силою которого

¹ *Зелинский Владимир, прот.* Заметить Христа в Творении // Точка пересечения с миром – М.: Никея, 2022. С. 99.

всякое произнесенное, откликающееся Творцу имя общается с сущностью вещи, заключает в себе энергию “исповедания” вещей, которое совершается через нас. Имя – путь, который ведет нас к началу всего сотворенного (Богом или человеком), обладающего своим языком, желающего выговориться через нас»².

Для того, чтобы убить вещь, оторвать ее от источника жизни, ее надо прежде всего оболгать, и человекоубийца оказывается изначально еще и лжецом, и отцом лжи (Ин 8:44). Тотальное нашествие на человека с его свободой начинается с того, что он лишается возможности, а затем и способности, называть вещи своими именами. С этим Владимир Зелинский столкнулся и начал осознать, не случайно вскоре после своего обращения и крещения, в советской действительности, выстроенной на оболгании вещей, питающейся запретом называть вещи своими именами, и навязывающей это оболгание всему населению, заключенному «в коммунистическом лагере». Христианин Владимир Зелинский начал свою борьбу за возвращение имени со своей первой статьи, переделанной из книги, «Идеократическое сознание и личность», писанной еще в самиздате. С нее он начал свой анализ феномена двоемыслия идеократического сознания в тоталитарном обществе, где все вокруг в советской ноосфере было переименовано, и вещи/события и правдивые слова о них лежали в разных колодах. Но истинная колода была загнана в подполье. Книга Зелинского в машинописи пропала во время одного из обысков, когда КГБ вывез из его квартиры весь архив, мешки книг и рукописей. По счастью он

² «Исповедание вещей», там же. С. 88–89.

успел сократить ее до самиздатской статьи³ и пустить в оборот под псевдонимом Дмитрий Нелидов. Эта книга и статья были одной из первых философских попыток изнутри осмыслить феномен тоталитаризма, в котором личность под угрозой смерти, тюрьмы, психушки, наконец, безработицы, оказывалась отлученной от главного искусства, данного человеку от Бога: называть вещи своими именами. «Бесчеловечность тоталитарного государства, – утверждал Зелинский-Нелидов, – держится не только на голом насилии, но и на массовом идеократическом сознании, замкнутом в себе». Однако, просто констатировать факт, всеми испытанный, было недостаточно, понадобилось детальное объяснение, показывающее как идеология, отнимающая имена у вещей, тем самым лишает человека вместе с его языком и его свободы. Это лишение обеспечивается перерезанием пуповины, соединяющей его с божественными истоками бытия. Сама бесчеловечность системы, как автор указывал, вытекала из неверной модели человека, из «специфического смешения духовной слепоты со злой волей к власти». «Идеократическое сознание предполагает отречение от личности, отречение, при котором со свободой уже нечего делать, при котором свобода считается каким-то неприличием, бесчинством». И здесь-то автор и показывает целительную силу правозащитного движения, которое стало формой проявления

³ Статья эта была напечатана дважды: по-русски в сборнике «Самосознание» сост. П. Литвинов, М. Меерсон-Аксенов, Б. Шрагин – Нью-Йорк: изд. Хроника, 1976; и по-английски: «The Political, Social and Religious Thought of Russian “samizdat” – an anthology, ed. Michael Meerson-Aksenov, Boris Schragin, Belmont, Mass: Nordland Publ. Co. 1977.

человеческого в той среде, где природа человека была извращена и подавлена. С этой статьи, как обосновывающей теоретически движение за права человека в СССР, так и диагностировавшей методы обезчеловечивания, я думаю, и начался у него христианский поиск того, что он стал называть: «Открытием Слова» или «Наречением Имени», причем уже не только в постсоветском, российском, православном, но и в глобальном контексте, где человеку пусть не насильственно-тоталитарными методами, но средствами массовой информации навязывается искусственный язык, язык «пост-правды», где вещи снова перестают называться своими именами. Открытие Слова, обретение слова, возвращение Имени становится задачей уже всего человечества в глобальном масштабе, ибо щупальцы лжи как всемирная паутина не знает границ. Здесь о. Владимир обращается уже *Urbi et Orbi* к Христовой Церкви как таковой, которой вверено Слово. «Всякий шаг, даже малый, в сторону ГУЛАГа, Холокоста, диктатуры моноречи, сегрегации людей по поставленным на них клеймам, любой идеократии, воплощенной в империи или же укрывшейся под видом безграничной свободы и насыщения инстинктов, должен бы встречать в Церкви немедленный отпор. Ибо он ведет в конечном итоге к служению смерти и отцу лжи»⁴.

«Скажи им таинство свободы» – приводит о. Владимир Зелинский в качестве эпиграфа к главе «Православие и свобода» слова А. Хомякова, столько раз цитированные, и столь же часто забываемые⁵. Далеко не первый раз русская Церковь вытаскивает из своих

⁴ *Зелинский Владимир, прот.* Заметить Христа в Творении // Богословие ГУЛАГа – М.: Никея, 2022. С. 299.

⁵ Там же. С. 275.

запасников Хомякова, чтобы поманить им западных христиан в периоды своего унижения и бесправия. Но стоит только потерявшему свою идеологию государству опять поманить её и заключить в объятия своей бюрократии, как Хомяков снова упрятывается в запасник, и чуть-чуть хлебнувшая свободы паства снова загоняется в футляр монастырских стен, средневекового своего феодального канонического «права», непробиваемого иосифлянского обряда. «Елико отстоят востоцы от запад, удалил есть от нас беззакония наша» (Пс 102:12) – поем мы Господу, и как бы не услышать нам в ответ: «как далеко восток от запада, так удалили вы Мою истину от Моей свободы». На это у нас всегда готов ответ: а верность тому, что мы так любим называть «святоотеческим преданием»? Но ведь «предание, – как напоминает о. Владимир, – не только позади, но и впереди нас»⁶. «Человек в футляре» – это ведь не один лишь чеховский персонаж. Предание может храниться в футляре, но творится то оно всегда в свободе. «Где Дух Господень, там свобода» (2 Кор 3:17), напоминает нам павловские азы о. Владимир, снова и снова настаивая: «Там, где нельзя удержать свободой во Христе, никого не удержишь в вере и верности законом, угрозой, плеткой. *Милости хочу, а не жертвы* – и уж слепого жесткого принуждения менее всего»⁷.

Вспомним слова Господа после воскрешения Лазаря: «И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. Иисус говорит им: РАЗВЯЖИТЕ ЕГО, ПУСТЬ ИДЕТ. (Ин 11:44) Сегодня детская психология утверждает,

⁶ «Православие и свобода», там же С. 287.

⁷ «Свобода Христа, Открытие Свободы, Испытать Свободу», там же. С. 277, 285.

что вредно пеленать младенца, дескать тормозит и сдерживает развитие. Во времена Иисуса и Лазаря пеленали мертвецов. Так обыкновенно погребали иудеи (Ин 19:40). Когда Господь воскрес, пелены его были найдены лежащими аккуратно сложенными в сторонке (Ин 20:5-7). Ибо жизнь – это свобода, и как еще Бергсон указывал, выражается она прежде всего в свободе движения, передвижения. «Развяжите его, пусть идет!» – это первое условие, чтобы ответить на Его призыв «следуй за Мной!» – ибо Сам Господь ходит только путями свободы.

Развяжите его, «русского человека, православного, да и западного, христианина, всякого человека в мире сем», *«развяжите его, пусть идет»*, – вот постоянная, на всех регистрах от политической мысли, до богословской полемики, до духовных медитаций о свободе во Христе, – весть писаний о. Владимира Зелинского. Напоминая, что «предание не только позади, но и впереди нас», он знает, о чем говорит, ибо сами его писания наполнены как преданием церкви, так и преданием отпочковавшейся от нее западно-русской культуры, равно как и преданием духовной мудрости человечества. Пересыпанные цитатами из русских поэтов, мы находим у него ссылки и на восточных отцов, и на Августина, на западных и русских богословов, буддийских и исламских мистиков, и гуманитарных политиков прошлого века таких как Даг Хаммаршельд, для тех, кто не помнит, – генсека ООН.

В его преломлении церковное предание оживает, омолаживается, заговаривает на глобальном наречии языке поэзии и современной мысли. Зелинский ведь сам

мыслитель, начитанный в русской и европейской философии. Свои размышления о ней, вместе и благодарные и критические, он оставил в своих философских портретах⁸, где он вступает в диалог с теми, кто помог ему сформировать свое собственное мировоззрение. Это Вяч. Иванов и М. Гершензон, Чаадаев, Блок, Бердяев и Лев Шестов, Семен Франк и Яков Голосовкер, который когда-то пытался его сделать своим секретарем. Здесь и великие немцы: Гегель и Хайдеггер, и два православных француза, Оливье Клеман и Лев Жиле, преемником и собеседником которых в области православной духовности он выступает. Отец Владимир развил новый жанр: из произведений уже отошедших богословов и писателей он выстраивает свои диалоги с ними, как будто они никуда не ушли: ведь размышления их не умерли с ними, а продолжают жить, порождая все новые побеги живой мысли. Диалог о вере и передаче духовного опыта не уходит тонкой струйкой в песок, а наоборот вбирает в себя все новые ручейки, стремится в будущее предание уже полноводным потоком. У Зелинского авторы не умирают, но с завидной находчивостью, которой он их наделяет, неустанно обращаются к нам⁹. Поток предания не засыхает. Могут задать провокационный вопрос: уж не провозглашаю ли я о. Владимира «Отцом Церкви»? На этот отвечать не буду, но что можно сказать наверняка: он – Сын Её. «Христос есть то Слово, что однажды было рождено Матерью, и то, которое Церковь рождает в нас, – исповедует он сам. – Ей передается вечное

⁸ *Зелинский Владимир*. Священное ремесло: философские портреты – СПб.: Алетейя, 2017.

⁹ См. «Беседа с Оливье Клеманом: словно Вы живы» в *Священное Ремесло...*

материнство. Церковь всегда пребывает в родах...» Многие из нас, даже внутри церкви, недоуменно пожмут плечами, и я даже не буду перечислять все возражения или даже возмущения по этому поводу, каждый может назвать их сам и для себя, и для других. Но разве о. Владимир не знает их? «То, что называют “парадоксом Церкви”, – отвечает он, – заключается прежде всего в том, что она несет в себе присутствие Воплощенного Бога – оно затаптывается и забрасывается грязью, по нему ходят, “не изув сапоги”, и, в то же время, она не грязнится, не тускнеет и не теряет своей бесстрашной, беззащитной святости. Церковь не раз видели и видят по сей день разлагающейся, дряхлой, дотягивающей последние дни, ее не раз хоронили, и по сей день на ее похоронах справляют лихие поминки, но к каждому новому поколению она обращает свое отчаянно помолодевшее лицо. Присутствие Божие, которым она живет, пытаются то и дело укрыть и запрятать, чтобы оградить от профанации, от надругательства, заключить в идеальный образ, но все покрывала, если они не соединятся с этим Присутствием, в конце концов истлевают от его жара»¹⁰.

Конечно, он не закрывает глаза на то, что наша православная трусость по отношению к миру и чуждым нам верованиям будет и далее сжимать «наш сакрализованный островок и все толще будут становиться стены монастырей, не пропускающие вопли избиваемых и растаптываемых, все дальше будет жизнь, текущая где-то в стороне от нашего священного золотого потока»¹¹. Потому сегодня в отстаивании свободы

¹⁰ «Парадокс Церкви», *Заметить Христа в Творении*. С. 230.

¹¹ «Церковь сострадания», там же. С. 232.

он видит новую миссию Церкви, может быть ей еще не вполне знакомую и освоенную. «Говоря, что свободу следует открыть сегодня как “страну миссии”, я разумею внутреннее освобождение от тех идеологий и словесных паутин, которые мы создаем в себе. Один из уроков нашей эпохи состоит в том, что человек, целиком отпущенный на свободу, отдает себя в услужение идеологий, которые он создает, и мощи знаний, навыков и ремесел, которые он осваивает... Он незаметно для себя оказывается жертвой своей свободы и той власти над миром, которую он приобретает»¹².

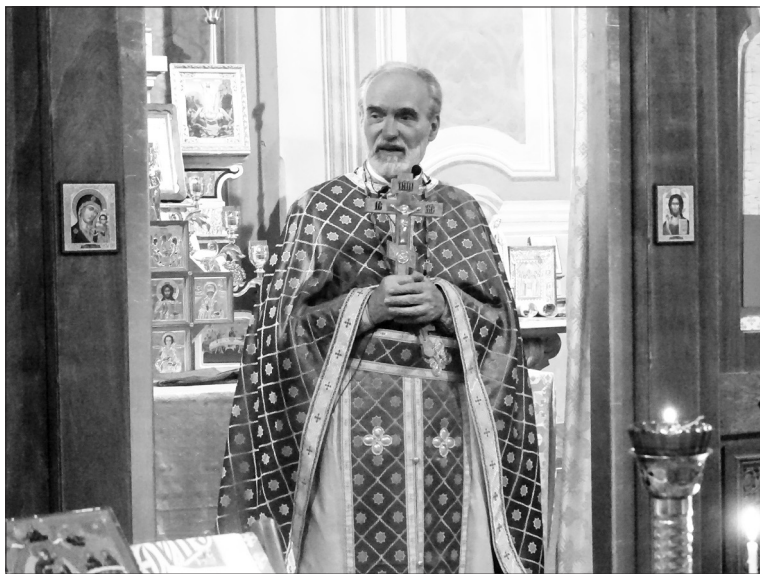
Отец Владимир – гуманист внутри православия: для него человек совсем не должен «звучать гордо». «Подлинное искусство быть человеком заключается в том, чтобы стать малым. Стать как зерно горчичное, обрести нищету и пройти ее до конца»¹³.

Легко сказать! Не остаются ли эти слова не более чем заклинаниями кабинетного мыслителя, побоящегося выглянуть наружу? Не похоже. Ведь о. Владимир все эти пятьдесят лет стоит не в строю, а совершенно отдельно, оставаясь во всем самостоятельным. С *Перестройкой*, так и не сумев вытребовать от КГБ свой архив, он уехал с женой на Запад и осел в Италии преподавателем русского языка в католическом университете, став старостой маленькой православной общины. Не имевшая собственного церковного здания община не могла содержать и священника, тот ее оставил, и

¹² «Страна миссии», «Беззащитность человека перед самим собой», там же. С. 330–331.

¹³ «Искусство быть человеком», там же. С. 237.

община разбрелась. Владимир Зелинский сам решил стать священником и начал свою миссию, имея лишь благодать рукоположения и полученный в приданное к ней антиминс. На свои скромные доходы от преподавания и переводов богословских книг на русский язык, которые он делал вместе с женой, Наташей Костомаровой, для скромных эмигрантских изданий, он сам приобрел церковные утварь и облачения. Годами они с матушкой, исполнявшей функцию просфирни, регента и псаломщика, возили эту церковь на себе, точнее на стареньком «фиате», испрашивая всякий раз нового разрешения послужить в какой-либо из пустующих католических церквей, без всякой уверенности, что таковая найдется и разрешение на служение в следующее воскресенье будет получено. Помню и сам участвовал с ними в таком походном богослужении, когда, подъехав к какой-то часовне, пришлось ждать полчаса, пока о. Владимир ходил за ключами в ожидании сторожа, а потом впопыхах расставлять иконы, превращая католическую часовню в подобие православной. Но так постепенно вокруг него и Наташи собралась небольшая община, в основном, из пожилых эмигранток из Украины и России, осевших в Италии на грошовых заработках. Несмотря на то, что о. Владимир Зелинский – видный на Западе православный богослов, с книгами, написанными и вышедшими на французском и итальянском языках, на то, что он известная фигура на европейских богословских конференциях и на то, что католические теологи, включая кардиналов, оставляют самые похвальные отзывы о его книгах, это никак не повлияло ни на

*Свящ. Владимир Зелинский во время литургии в церкви
Всех скорбящих Радость, в г. Брешиа (Италия)*

Фото В. Минченко

его благосостояние, ни на обеспечение его церковного служения.

Только после пятнадцати лет мытарств по разным церквям, католический женский монастырь, где осталось всего несколько старушек, выделил ему пустующую часовню для постоянного пользования, до тех, впрочем, пор, пока сам монастырь еще существует. Там он водрузил откуда-то добытый настоящий иконостас, превратив часовню в постоянно действующую православную церковь. Пару лет назад в ней стал служить вторым священником итальянец, профессор католического богословия и биоэтики, обращенный о. Владимиром в православие. Вот «отцом» этой маленькой

церкви «Всех скорбящих Радость», церкви, которую они с матушкой Натальей буквально сами родили и выкормили, о. Владимира можно назвать с полным основанием.

Пожелаем же ему в его 80-летие и матушке «Многая лета»!

*Нью-Йорк, США,
2022 г.*

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Протоиерей Дмитрий Сизоненко

Священник храма Феодоровской иконы Божией Матери в г. Санкт-Петербурге.

ХРИСТИАНСТВО ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

*Некоторые размышления, вызванные последней лекцией отца Александра Меня «Христианство»
(8 сентября 1990 г.)*

«Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы ещё неандертальцы духа. Потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас исторически называем историей христианства, – это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его». (Прот. А. Мень. Лекция «Христианство».)

В качестве отправной точки для размышлений хотел бы напомнить прощальные слова Христа: Вы слышали, что Я сказал вам: «иду от вас и приду к вам» (Ин 14:28).

«Иду» – то есть «ухожу», покидаю вас и вместе с тем «прихожу», глагол употреблен в форме настоящего времени, эрхомай, грядю к вам.

Очень часто возникает вопрос, есть ли у христианства будущее. Здесь прежде всего следует задуматься, что мы имеем в виду, когда произносим слово «христианство». Евангелие? Церковь? Христианство в его социальном или культурном измерении? Чаще всего этот вопрос возникает, потому что христианство находится под угрозой исчезновения.

Если христианство и Церковь рассматривать не только как социальный институт, то вопрос можно перефразировать: Есть ли будущее у Христа? Важно не забывать, что по своей сущности Церковь – это воскресший Христос, который возвещается миру через проповедь Евангелия и преподносится христианам в таинствах Церкви. Если христианство, это Христос, то слова отца Александра Меня звучат как глас Божий, вопиющий в пустыне, как пророчество, к которому следует прислушаться.

Время Церкви, время, в которое мы с вами живем – это промежуток между «уже» и «еще не». Условно говоря, решающая победа уже одержана, исход войны уже предreshен, но до окончательной победы еще предстоит пройти путь, еще предстоит проявить чудеса героизма и пострадать. В этом драматическом напряжении между «уже» и «еще не» заключен залог величия и подлинного счастья. Бог *уже* одержал победу, «Христос воскрес» – это победная песнь, но *еще* остается отрезок пути.

В Евангелии от Иоанна Христос говорит, «гряду», возвращаюсь, будет невероятный праздник, но отныне ваша жизнь – предвосхищение этого праздника, теперь ваш черед потрудиться. Чтоб праздник состоялся, нужно возвестить Евангелие всем народам и культурам. Проповедать Евангелие – не как доктрину, преподнести его не как книгу, а как Весть о Воскресении, как Весть, которая воскрешает тех, кто ее услышал.

Когда речь идет о будущем исторического христианства, обычно выдвигаются четыре гипотезы.

Первая: историческое христианство исчезает, а вместе с ним и «Христос веры». Об этом всерьез говори-

ли еще в XVIII веке. Сегодня невооруженным глазом можно увидеть, что христианство исчезает. Для этого не нужны воинствующие атеисты (в СССР атеизм только усилил духовную жажду, кровь новомучеников была семенем новой жизни). Сегодня христианство просто уходит, ретируется, вытесняется на периферию жизни.

Вторая гипотеза: христианство ассимилирует, растворяется в таких великих достижениях, как уважение к человеческой личности, гуманное отношение к обездоленным. О бедных сегодня заботятся политики и благотворительные фонды. Для очеловечивания мира больше нет необходимости в христианстве. Остается лишь нелепое выражение «христианские ценности». Даже с точки зрения «духовности» – христианство оттесняется модой на различные мистические учения. Христос воспринимается как один из великих религиозных деятелей человечества, учитель мудрости, но лишь «один из...».

Третья гипотеза: христианство продолжается, нужно лишь реставрировать прошлое. Отвоевать утраченные позиции, опираясь на административный ресурс, реституировать недвижимость и музейные ценности. Административный ресурс весьма эффективен лишь для достижения краткосрочных целей. Он позволяет продвигать Церковь – как социальный институт, как источник власти и авторитета, православие – как духовные скрепы. Это можно делать под соусом консерватизма или модернизма, то есть адаптируя архаические формы к современной реальности. Консерватизм и модернизм в данном случае – две стороны одной медали, споры между ними – как раскачивание маятника

от одной крайности к другой, но всегда в одной и той же плоскости. Попытаемся выйти из плоскости в трехмерное пространство и поставим вопрос более радикальным образом: если понимать христианство как слышание Евангелия, разве оно уже исчерпало свой ресурс?

Слово «Евангелие» – задолго до того, как оно стало обозначением четырех книг в каноне Нового Завета, имело другой смысл. Для апостола Павла это была не книга и даже не учение, а весть. Нередко это слово заменяют выражением «радостная весть» или «благая весть». Но перевод ничуть не приближает к пониманию смысла. В слове «евангелие» есть приставка «ев-», как в слове «эйфория», поэтому филологи иногда называют ее эйфоризантной приставкой. Это не просто приятная новость, это весть, которая у слушателя вызывает приступ эйфории и приводит к метаморфозе. В посланиях Павла и Иоанна оно употребляется в значении «Весть о Воскресении» и «воскрешающая Весть», как «слово о Жизни» и «слово, порождающее в Жизнь». И теперь переходим к четвертой гипотезе.

В самом деле, что-то ветшает, неумолимо клонится к своему закату и умирает. Как виноградные ветви, которые перестают приносить ожидаемый от них плод (Ин 15). Отмирает, прежде всего, христианство как религиозная система, как «христианизм», как все прочие «-измы», характерные для нового времени (идеализм, марксизм, материализм ...). Что-то умирает на наших глазах; и мы не знаем, как глубоко это умирание коснется нас самих.

Разумеется, нынешний кризис христианства – составная часть всеобщего духовно-интеллектуально кри-

зиса. В реальности многие проблемы РПЦ МП – это проблемы российского общества.

Когда мы произносим слово «конец» – это значит «настал “капут”», всё кончено. Важно понимать, что в устах Христа оно имеет совершенно другое звучание. Когда Христос говорит «настает конец», он своих учеников ставит не у финишной черты, а на старте, на пороге нового мира, на пороге нового человечества. К худшему? К лучшему? Никто не знает; но многое в наших руках.

В своей последней лекции отец Александр Мень обращается к истории. Евангелие породило историческое христианство, средневековое христианство, о котором Новалис размышляет в терминах: «Европа, или христианский мир». Затем наступает Новое время; в эпоху великих географических открытий и покорения Америки на смену «христианскому миру» (christendom) приходит новая форма, которая в европейских языках и называется «христианизмом». Вероятно, его дни и в самом деле сочтены. Для обозначения новой реальности, необходимо новое слово, в котором будет Христос и не будет абстрагирующих «-ство» и «-изм».

Царство Христа (или Евангелие) не ограничивается рамками Церкви, как социальной институции, или рамками христианства, как типа цивилизации или культуры.

Очень трудно расстаться с вековыми предубеждениями, чтобы понять простую вещь: то, что мы привыкли называть «христианством», в том числе в богословии, в огромной степени относится к западной цивилизации, и в совсем крошечной мере – к самому Евангелию. Мы привыкли называть христианство «религией», но само

это слово никогда не употребляется ни Христом, ни апостолами. В известном смысле христианство – анти-религия.

И здесь возникает вопрос: может ли Евангелие сегодня прозвучать в своей новизне, как во времена апостолов? Как увертюра перед поднятием занавеса над сценой истории мира, как первое слово, слово *Начала*, которое открывает новые пространства жизни?

Здесь великий парадокс, ведь Евангелию две тысячи лет, и там, где оно было проповедано две тысячи лет назад и даже всего лишь одну тысячу лет назад, его плоды успели залежаться, подгнить, оно состарилось...

Но быть может есть ресурс его «новизны» в том, что по-прежнему остается «неслыханным»? Неслыханным в обоих значениях слова: что еще по-настоящему не было услышано и что превосходит пределы человеческого понимания (у ап. Павла: что ухо не расслышало, что глаз не увидел). Неслыханное. Новое. То, что расширяет горизонты духа.

Борис Пастернак говорил, что талант – это новость, которая всегда нова.

Не в этом ли смысле Ириней Лионский говорит о Христе: «Воплотившись, Сын Божий принес с собой всё новое». «Принеся Себя, Христос принес всё новое» (*Contra Haereses* IV.XXXIV.1). Принес с Собой неуывадаемую новизну.

Новизна Христа требует от нас таланта и творческой изобретательности – вот истинное призвание интеллигенции. Не в том, чтобы объединяться в виде племени и создавать еще одну субкультуру. Одно из этимологических значений слова «интеллигенция» – интеллидженс, разумение. Евангелие, христианская вера нуждается в

разумении, в рефлексии, в творческом осмыслении. Поэтому Церкви жизненно необходима интеллигенция, чтобы Церковь могла осознать себя и чтобы Церковь могла осуществить собственное призвание – сообщать Евангелие миру, а это требует творчества.

По словам Гельдерлина – «Человек в этом мире живет как поэт, поэтически».

Если это правда, то христианин живет в этом мире как христианин – поэтически. То есть творчески, сохраняя способность видеть окружающий нас мир в сиянии Христа, то есть в свете новой истины и новой красоты. Христианское призвание в своей основе является поэтическим, поскольку в Септуагинте Бог Творец мира назван Поэтом.

Чаще всего мы оказываемся в плену слов, употребляем их в узком словарном значении. Это существенно ограничивает нашу свободу, наш ум становится неумным статистом, пленником общепринятых значений, расхожих смыслов. А поэт создает язык, поэтому поэзия обладает рациональностью, которая бесконечно превосходит научную рациональность и поэтому она лучше всего подходит для языка Божественного откровения. Как известно, лучший язык богословия – язык псалмов и литургических гимнов.

Евангелие – самое драгоценное, его мы знаем меньше всего. Оно остается не услышанным. Его ресурсы понимания остаются незадействованными.

«Я ухожу» – означает я ухожу в смерть. Вы больше не будете ощущать мое присутствие с вами физически. Для учеников это утрата и лишение.

«Я прихожу» – мы воспринимаем как «я вернусь», когда-то однажды, потом. Но Христос говорит о другом.

Иоанн здесь прибегает к своей излюбленной фигуре речи, к хиандису, когда двумя словами обозначается одна и та же реальность (родиться от воды и духа, поклоняться в духе и истине, аз есмь путь, и истина, и жизнь. То есть родиться от воды, которая и есть Дух и т.д.). Чаще всего это похоже на оксюморон, поскольку одну и ту же реальность выражают два взаимоисключающих слова: я ухожу и я прихожу. Это сказано о смерти, которая на самом деле является Воскресением. Воскресший Христос будет присутствовать посреди учеников каким-то новым образом, это не сравнится ни с чем, что ученики испытали до сих пор.

«Где двое или трое соберутся во имя Мое», – осязаемым знаком присутствия Христа будет любовь, агапе, братская любовь, милость, то есть бережное и заботливое внимание друг ко другу. Новая способность слышать друг друга.

Церковные проблемы, которые мучают христиан, которые возбуждают СМИ, вероятно, нужно решать. Скорее всего, если их никто не будет решать, никакой катастрофы не случится. Но когда Евангелие перестает быть словом Жизни и словом, которое дает жизнь, воскресшую жизнь, услышанным словом, все остальные «решения» оказываются напрасны.

Но всякий раз, когда Евангелие услышано двумя или тремя как Слово, которое «дает», создает новую реальность, как предвосхищение воскресшей Жизни, – христианство только начинается.

*Санкт-Петербург
2021 г.*

Священник Владимир Зелинский

НАСЛЕДИЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ И ЕГО ТРИ ПОСЛАНИЯ

Пока будут живы духовные чада, прихожане, друзья или просто люди, однажды встретившие о. Александра, а многие из них, я думаю, совсем еще не старцы, поток воспоминаний о нем не иссякнет. Все они вместе и каждое по отдельности создают образ «доброто-го пастыря» в том евангельском смысле «доброты», с тем акцентом на милосердии, какое это слово имеет в русском языке, и какое оно имеет в греческом - kalos, сочетание красоты и гармонии. Оба эти смысла сливаются в понятии «прекрасный», причем в очень разных его проекциях: замечательный пастырь, отличный писатель, обаятельный собеседник, любящий духовный отец... Впрочем, все эти общие, стершиеся слова не передают неповторимого стиля его личности.

Так возникает словесная икона, и, я думаю, она уже в общем сложилась, не из одних только письменных свидетельств, но, прежде всего, из опыта людей, когда-то соприкоснувшихся с о. Александром. Призвание, скорей даже служение иконы – передавать духовный опыт того, кто на ней изображен, тем, кому открывается, кто способен воспринять ее облик, ее послание. Речь, конечно, не об одном о. Александре; всякий человек в глубине своей носит в себе икону, она заложена в нем от начала, она родилась в мысли Творца, задумавшего сотворить для Себя именно это человеческое существо. Однако совсем-совсем немногие выявляют в жизни

замысел Божий о своей личности, дают раскрыться этой иконе так, чтобы ее могли увидеть другие. Реализованный замысел как образ не связан жизненными сроками; напротив, он имеет свойство открываться тогда, когда человека уже давно нет, когда он оставил все видимое, познаваемое, образное пространство нашего земного мира и ушел в невидимое. И вот в иконе то невидимое и благодатное окликает нас. Оно проявляется само собой, выступает из толщи лет, из духовного опыта, который обретает видимые черты. Вот и о. Александр из дали, хоть и не столь далекой, измеряемой чуть больше, чем 30 годами, прошедшими со дня его гибели, приходит к нам в мир и смотрит на нас сегодня. Он что-то нам говорит. И мы стараемся слышать его послание, адресованное из прошлого в сегодняшней день и в завтрашний.

Не могу притязать на то, что был его духовным сыном или даже постоянным прихожанином, хотя знал о. Александра 22 года: от апреля 1968, когда впервые встретил его в доме Льва Михайловича Турчинского в Пушкино, тогда я не был даже крещен, до мая 1990 года, когда он внезапно посетил издательство «Жизнь с Богом» в Брюсселе, где я в те недели жил и работал. Не имея визы (Шенгена тогда не было), он вырвался туда из Германии вместе со своим другом-шофером. Ранним утром я неожиданно встретил его в коридоре. Помню, как мы бродили с ним по Брюсселю, заходили в книжные магазины (и я рад, что смог подарить ему пару книг), а вечером, когда стемнело, совершили большую прогулку по близлежащим улицам. Разумеется, эта поездка предполагалась одной из многих последующих. Помню еще, как о. Александр рекомендовал Ирине

Михайловне Посновой, директору издательства, где вышли его книги, переиздать докторскую диссертацию ее отца, проф. Михаила Поснова, о гностицизме II века, что и было потом вскоре осуществлено. Однако многие разговоры остались недоговоренными, а дела недоделанными, за что потом Ирина Михайловна, осталась на меня в справедливой обиде, ведь о. Александр приезжал только на один день. Но в мае 1990 года никак нельзя было предвидеть 9 сентября.

Та встреча оказалась последней; особенность ее состояла еще и в том, что о. Александр никуда не торопился, и время его не было отмерено по минутам. Он был наконец самим собой. До этого вечера я бывал в Новой Деревне, хоть и не регулярно, но в сумме получается довольно много, исповедовался, причащался в его храме, беседовал в его сторожке, обменивался письмами, даже приезжал к нему в Семхоз, чтобы работать в его библиотеке, в то время как он с невиданной мной скоростью что-то печатал на машинке. Рассказываю все это не для того, чтобы подчеркнуть особую свою близость, она была такой же, как, наверное, и с сотнями людей.

Однако если начну вспоминать все наши встречи с о. Александром, то едва ли смогу добавить что-то существенное к его уже сложившемуся образу. У меня иная цель - попытаться прочесть послание, которое он оставил Церкви. Отец Александр – человек-послание. Я верю в то, что Христос каждому веку, каждому поколению и даже каждому человеку отправляет Свое письмо, запечатанное в его опыте, в перипетиях его жизненного пути, как и в бремени времени, в котором ему выпало жить. Мы его распечатываем, это письмо,

и читаем в меру своей зречести. Читаем по-новому то, что вечно и неизменно, но и вечно обновляется.

Он был историком религий. История была для него медленным, промыслительным путем Радостной Вести, пролагавшей себе дорогу через предварительные неполные откровения, скажем, от первоначального языческого магизма к единобожию. Этот путь продолжается, магизм не ушел из нашего опыта, он все время просачивается в нашу жизнь, даже вполне церковную, стараясь взять реванш. Одно из посланий о. Александра, не хочу сказать, что оно было центральным, – в том, что человек живет в истории и должен в полной мере осознать свою обусловленность ею. Евангелие как слово Божие, вложенное в человеческие слова, существует в мире меняющихся слов и понятий, но Христос вчера, сегодня, завтра – Тот же. Мы и не только мы, но и многие поколения до нас, сталкиваемся с противоречием между неизменностью Сына Божия как Воплощенного Слова и историчностью, иногда слишком человеческой, культурной определенностью форм этого Его Откровения.

Из такого противоречия часто вырастает открытый или скрытый протест, против которого подымается другой, отстаивающий полученное наследие с его сакральностью; так возникает болезненное противостояние между архаистами и новаторами, имеющими с каждой из сторон своих идеологов, и даже весьма ученых. Для одной части народа церковного необходимо постоянно возвращаться к чистоте первоначального христианства, освобождая его от явно обусловленных, иногда тяжелых облачений прошлого; для других, никакие это не облачения, а само присутствие Божие, сохраненное Преданием вплоть до наших дней. Так проблема кален-

даря, как и языка, если взять первые, лежащие на поверхности примеры, стала причиной разделения, которое все углубляется; для одних это - ветхая одежда для вечно молодого вина, для других – священное наследие Церкви, запечатленное Духом Святым.

Отец Александр, насколько я могу представить себе его сегодняшнюю позицию в этом споре, который станет еще более острым, не спешил бы принимать в нем участие. Он был всегда на стороне мира не потому, что предпочитал компромисс и уж не потому, конечно, что был убежден, что кроме юлианского календаря и церковно-славянского языка никаких иных видимых средств для передачи Откровения в России быть не может, но потому, что само Откровение по Божественному снисхождению своему соглашается войти в те исторически сложившиеся сакральные слова, образы, формулы, концепты, ментальности, структуры, которые каждый народ на определенном этапе когда-то создал, к которым привык и хочет их сохранить. Откровение бесконечно больше любой из этих форм, но оно и милосердно, оно дружелюбно, оно согласно на этот «кенозис», на божественное «истощение», чтобы быть с нами такими, каковы мы есть здесь и сейчас в нашей истории, при этом оно остается неизменным во все дни до скончания века. Принципом о. Александра было доверие к вести Христовой в любом из ее облачений, хотя к пышности и массивности их он иногда позволял себе относиться со своей всегда мягкой улыбкой.

Отсюда вытекает и другой принцип пастырского служения о. Александра, оставленный им для нынешнего и последующих православных поколений: «Быть всем для всех, – по апостолу Павлу, – чтобы по крайней

мере спасти хотя бы некоторых». Каждый человек, в том числе и священник, конечно, в той или иной мере поневоле замкнут в своем малом «я». А «я» каждого из нас - это очень сложная конструкция, она складывается из стольких разных пластов. Взгляните на себя и подсчитайте, чего там только нет: и наша роль в обществе, и опыт, и память, и характер, и страсти, и сны, и мечты затаенные, и совести укоры, ну и здоровье или нездоровье, потому что «я» – не только душа и разум, но и тело со всеми его желаниями, вплоть до того, как и что на тело надето и растет на голове. И все это, ускользая от наблюдения, образует панцирь, который отделяет нас от других. «Я» каждого - целый мир, огражденный от других и им противостоящий. У нас может быть общий язык с нашим ближним, общее исповедание, принадлежность к одной социальной группе, отчасти похожий опыт, но круг ассоциаций, запас ключевых слов, информационный багаж чаще всего совершенно разный. Послание о. Александра, вслед за Павлом обращенное к апостолам будущего – приглашение стать не собой, а другим, т.е. войти в «я» другого, в личность каждого, но не стать для него панцирем, оберегающим свое «я», но пастырем с Благой Радостной Вестью. Ведь и сама Весть тоже обладает своим богочеловеческим «я», своим характером, но для того, чтобы в него облечься, надо отрешиться «ветхого человека». Разве «блаженства», которые мы поем на литургии, не передают нам тайны богочеловеческого лица?

Пастырское искусство – аскетическое. «Отвергнись себя и возьми крест свой», – говорит Иисус. «Свой крест» - не всегда испытание, дурная судьба, болезнь, бедность, которые касаются только меня, но и крест

другого, ближнего, который к тебе обращается. Вот, чем был одарен о. Александр, отвергнувшись себя, брать крест чужой, иной, часто очень дальней от него души. Становиться всем для всех, ну, скажем, матерью или отцом, потерявшими ребенка (чему я был свидетелем), вдовцом, задыхающимся в своем одиночестве, брошенной женой, не знающей зачем ей теперь жить, или начитанным юным интеллигентом, совопросником века сего, но запутавшимся в жизненных и богословских проблемах и желающим получить на них ответы все и сразу, или, наконец, ребенком с изумлением вопрошающим, взирая на мир: «Откуда явилось все это?». Он не просто умел понять чужую точку зрения или жизненную позицию, но найти потайной ход в чужую жизнь, внося в нее дыхание Христово. Говорят, он был пастырем для интеллигенции; и да и нет, потому что пошли его хоть к чукчам, никакого языка не знающим, кроме чукотского, он бы тот язык выучил, вник бы в их душу, понял бы ее изнутри и сумел бы найти в ней место и для Евангелия. Есть много пастырей-учителей, хорошо знающих, как и чему учить, и умеющих это делать, немало старцев, сообщающих волю Божию, но совсем, думаю, мало, тех, кто готов собственную личность предоставить как питательную среду для возрастания во Христе личности другого. В этом, наверное, разгадка его феноменального пастырского, не хочу сказать, успеха, но мастерства.

Разгадка – в отречении от «ветхого человека» в себе. «Ветхий человек» – в той или иной мере нарцисс. Он озабочен собой, занят, не замечая того, своими отражениями. Отец Александр был ему противоположностью. Он умел судить себя очень строго.

«Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор 9:22).

И еще одна вещь, которая соединяется для меня с образом о. Александра, это спонтанная, данная от природы любовь к жизни, ощущение уникальности и преходящести ее, как дара Божия, который в любую минуту может быть отнят. «Жизнь коротка, – говорил он в последние годы, – и на пороховой бочке можно просидеть всю жизнь». Ему это не удалось, гибель пришла раньше естественного конца. Но ему удалось другое: наполнить свою жизнь такой интенсивностью, которая, переливаясь через край, вливалась в других. Наша память о нем, и сам факт, что мы все время возвращаемся к ней, это тоже преломление полученной от него энергии. Энергии доброты и доверия, которая его переполняла. Той энергии, в которой все мы нуждаемся, которой нам не хватает, к которой мы тянемся.

Повторю: ощущение дара жизни, из которой ни одна капля не должна пролиться впустую, сочеталось в нем с острым ощущением ее скоротечности, словно в тесном соседстве с близкой смертью. Помню, как он говорил мне, и не только мне, конечно, что рассчитал все свои дела и замыслы до 60 лет, ибо больше ему не будет отпущено. Я не возражал, но удивился: почему 60, когда люди дольше живут даже и с хроническими болезнями. Но у него была интуиция: не больше 60, а с ней не спорят. Но вот из той же интуиции, из того же ощущения полноты жизни выросло его убеждение, отныне навеки соединившееся с его образом. Это вовсе не предсказание, это скорее видение и вместе с тем доверие к тому, что путь Благой Вести еще далеко не пройден. Христианство вовсе не исчерпало себя за

2000 лет, оно не равно ни одной из его видимых форм и образов, которые становятся для нас святынями; в нем живут еще непроснувшиеся силы, и весть Христова еще продолжит свой путь, еще откроет неожиданные грани. Конец света может наступить и сейчас, когда мы беседуем, этого мы не знаем, и все же христианство только начинается, ибо в нем всегда будет таиться и созреть жизнь, которой еще предстоит проснуться. Потому что семена его рассеяны повсюду, оно может прорасти неожиданно и там, где не ждешь, пробиваться через все окаменевшие в нас святыни, вновь и вновь открываясь будущему.

Вот три послания, которые я воспринимаю, вслушиваясь сегодня в личность и духовное наследие о. Александра Меня: Весть Христова живет и в истории, облекаясь в человеческую плоть культуры, ментальности, философии каждого времени и освящая их, и все же они – не одно и то же, мы должны различать их. Апостольство или провозглашение этой вести людям требует отрешения от нашей ограниченности, нашей обусловленности временем, которое мы проживаем, от нашей замкнутости в себе. Пастырь, а о. Александр был именно таким пастырем, призван стать всечеловеком, в котором всякий наш ближний мог бы узнать себя и встретить Христа. Потому что весть Его неисчерпаема, и это главное, и она будет раскрываться нам впредь и впредь.

В последней лекции о. Александра «Христианство», произнесенной 8-го сентября 1990 г. – накануне убийства – есть такие слова: «Христос призывает человека к осуществлению божественного идеала. Только близорукие люди могут воображать, что христианство уже

было, что оно состоялось в четвёртом ли веке, в тринадцатом ли веке или ещё когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимым, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается».

Прошло более 30 лет со дня мученической кончины о. Александра, а христианство, и особенно, православие, — то, которое есть, как и то, которое обещает быть, по-прежнему в центре дискуссий, как доброжелательных, так и критически раздраженных. Со многими интонациями, в разных контекстах в них проговаривается: это наш дом, в котором живем, и не готовы его менять, но почему-то бывает нам в нем иногда тесно. Наша встреча со Христом, у кого она была, наш опыт «хождения перед Ним», в это церковное пространство, как оно было обустроено веками, целиком не вписывается; или дом должен расшириться или что-то должно сузиться в нас. Тех же, кто жалуется, что ему тесно, можно поставить на место обличением, окриком, сарказмом или, в конце концов, указать им на дверь; все это имеет свою традицию, свои приемы, свои клички в адрес недовольных и либеральных, все это было в прошлом, есть сейчас и могло бы продолжаться долго.

Неожиданный удар, придавший этим дискуссиям трагическую остроту, нанесла война. Не столько непосредственно сама война с Украиной, сколько прямая поддержка ее Святейшей властью. И не столько даже поддержка войны на самом верху, сколько долгая традиция церковно-государственных отношений, вновь

оказавшаяся «предметом пререканий». И не столько сама эта традиция, сколько искренняя, истовая солидарность с войной значительной части духовенства и большинства прихожан. А, может быть, даже не сама по себе воинственность, сколько неслышимый и вдруг озвученный войной спор между сердцем, услышавшим и принявшим Слово Божие, и церковным исповеданием в его строгих сложившихся рамках. Спор вышел из своего смутного, нечленораздельного ропота и заставил задуматься: что это за вера у нас, в которой наши антифоны, гимны, покаянные молитвы, красоты богослужения, высоты богословия, советы духоносных старцев вполне могут жить в любовном согласии с имперством, державностью и каким-то беспечальным равнодушием к насилию, да и вообще нечувствием чужой боли. Словом, невосприятием человечности другого.

«Ах, война, что ты сделала, подлая, стали тихими наши дворы...», – пел некогда Окуджава. Дворы наши стали теперь очень шумными, даже скандальными; война расколола православную ойкумену условно на русский мир и мир, как оказалось, совсем, совсем не патристический, не русский. «Русский мир», как лозунг агрессивного православнодержавия, освящавшего любое государственное действие, делавшего его тотчас и церковным, существовал, впрочем, всегда. Ересь филетизма, осужденная на Константинопольском соборе 1872 года, оставалась хронической болезнью Восточных Церквей. Ее особенно и не лечили, в стадии неострой она была как бы нормой для всех поместных Церквей, кроме тех, кто был в меньшинстве (как в Польше, Чехии, Соединенных Штатах, Западной Европе и т.д.). Но

вот внезапно из хронической она перешла в стадию острого воспаления, переродившись в сознание святой, врожденной своей правоты, в ликование о том, что мы одарены особой, по сравнению с другими, благодатью, и Волга у нас привольно течет, и рожь колосится, и танки быстры, и Достоевский у нас возвестил тайну русской души, каковой нет ни у кого, – и все это вместе, «сварено в одном крепком бульоне»... И многим показалось, что православие наше, шагая к победе, не заметив того, провалилось в яму. Сверху яма устлана благоухающей листвой, какой украшают наши храмы на Троицу, но под зеленью и благоуханием оказалось болото, которое засосало то, что мы привыкли считать христианским, откликающимся на слово «совесть».

Если когда-то в храме Святой Софии, согласно сказанию, посланцы князя Владимира, не могли отличить неба от земли, то теперь мы дали понять, что не умеем отличать землю от неба. Многое земное и даже кроваво земное норовит облечься в небесное, райское. Однако еще задолго до всякой войны сколько раз приходилось слышать, что в храмах наших, конечно, благодать, и закон любви поется на восемь гласов, но вот все межчеловеческое, общительное, братское всегда куда-то задвинуто, а то и затоптано. И в прошлом, советском, и в нынешнем, светском, отношения между людьми могли быть часто более простыми, естественными, менее унижительными, чем в ограде Церкви. В храме царит табель о рангах так, как нигде не царит, и владыка-епископ бывает круче всякого феодала, а когда иначе, то это скорее исключение, а настоятель – владыка меньший над всеми служащими в его пространстве. Там повседневно почти крик и хамство – правило, а выражение:

«ну ты, бабка, иди, чего встала», в адрес той, кто ему в бабушки годится, никого не удивляет, и старший никому не подотчетен и никому свои действия объяснять не обязан. То здесь, то там мы встречаем какую-то недочеловечность, доходящую иногда до полного расчеловечивания, считающегося, в общем, нормой, с которой все свыклись. Вот пример, буквально вчерашний. Германия, православный храм, приходит украинка, у нее только что под бомбами погибли дети, она и слова не может вымолвить на исповеди от боли, а настоятель, видимо, горячий сторонник «спецоперации», резко ей: «В глаза смотри! В глаза не будешь смотреть, не допущу до причастия». Один пример, другой, третий, четвертый, словом, система. Кажется, это какая-то другая культура, где говорят о любви, но совершенно иной любви, отвлеченной от той, что среди людей под любовью понимается. Нет, о любви, как таковой, речи нет, это цивилизация спасения, первейшее условие которой – умение терпеть, как бы тебя ни унижали.

Не стоит застревать на жалобах, издевках, обличениях, мы их уже достаточно слышали. Но не припомню, может быть, по малой начитанности, чтобы кто-то спросил: да почему так? От плохого характера, грубости, непросвещенности, от того, что, как Пушкин писал, они, попы, «еще не принадлежат хорошему обществу»?.. Не ответ. Если же идти вглубь, не задерживаясь на поверхности, ибо такого рода примеры всегда могут быть случайны, нельзя не заметить, что этот принцип разделения двух реальностей, мирской и сакральной, повседневной и высоко богодухновенной, как бы друг от друга не зависимых, внедрен в самую основу нашей религиозной жизни. Он окрашивает собою все наше

существование в Церкви и начинается уже с языка (хрестоматийный пример, но все более актуальный и так, по сути, еще не осмысленный), т.е. с решительного разделения живого и условно-священного. Идет и все усиливается спор сторонников того и другого. «Руссисты» ссылаются на лакуны в понимании, «церковно-славянцы» настаивают на сакральности литургического текста. Так, для преп. Софрония (Сахарова), как наиболее авторитетного учителя духовной жизни, повседневный русский, относится к падшей житейской области, а церковнославянский язык принадлежит сфере Божественных имен, можно сказать, сошедших с неба. «Мы категорически убеждены в необходимости употребления сего языка в богослужениях; нет вовсе нужды заменить его языком повседневности, что неизбежно снизит духовный уровень и причинит неисчислимый ущерб» (*Видеть Бога как Он есть*).

Да, преподобный автор, по-своему, прав, но этот небесный, полупонятный большинству язык возносит к Божественным Именам таких людей, как сам святой Софроний, а для других он эти смыслы и имена как раз прячет. А тезис о том, что каждый, если захочет, может выучить, никого заставить выучить так и не может, и восприятие, если не известных слов литургии, то канонов, тропарей, коленопреклоненных молитв Пятидесятницы, остается – столетиями! – на уровне скорее мелодии и ритма, интуитивных догадок и ассоциаций, чем Божественных Имен, освоенных разумом. Это исповедание, выражимое на горячем языке святых и холодном ученых - не для тех бесчисленных прочих «бабок», которые могли бы выучить, но так и не выучивают. Рождаются, молятся, как умеют, умирают поколение

за поколением, так Божественных Имен касаясь лишь краем разума. Они остаются сами по себе, не проникая в сознание, почти не будя сердца, не освещая нравственный смысл; они взывают, скорее, к умилению, чем ведут по жизни. Как в *Хозяине и работнике* Льва Толстого, замерзающий Василий Андреич вспоминает слова церковной службы, там они все были на месте, хороши и важны, но вот с этой смертельной метелью не имели никакой связи. Небесное само по себе, а земное, здешнее – своим путем, они в обычном человеке как-то мало соприкасаются. «Правило веры и образ кротости...» в тропаре свт. Николаю Чудотворцу, никакой кротости не добавляет и никак не отводит нас от благословений кровопролития. Там – духовное, здесь – преступное, которое тоже хочет облечься в высокое, и так возникает невероятное смешение. Исчезает убийство, насилие, политический расчет, укрывшись за евангельским словом «Болши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положит за други своя» (Ин 15:13), и одно не имеет никакой связи с другим. Божественные глаголы становятся на место реальности, просто заменяя ее, уходя от того прямого языка, который называет вещи своими именами. Реальное облачается в ирреальное; так, вертикаль власти в иерархии церковных служений с ее повседневным диктатом и хамством от высшего к низшим (патриарх – епископ – благочинный – настоятель – второй священник – староста – диакон – уборщица), запросто освящаются догматом о иерархичности Церкви, выдавая себя чуть ли не за лестницу Иакова.

«Заповедь новую даю вам: да любите друг друга...» Сегодня, как и во времена былые, эту заповедь мы встречаем среди беженков из христианской страны. Как

на нищенку, на эту заповедь не обращают внимание, ей указывают на дверь, она вечно цитируема и систематически гонима. Гонима кем? Вот этим принципом сакральности с верхнего церковного этажа и гонима. Уже очень давно ее, заповедь о любви, заменила, подмяла под себя или, скажем, перевела на свой жесткий язык анафема. Из инструмента защиты правой веры, какой она была у ап. Павла, она выросла, разрослась в министерство обороны с его боевым отрядом, всегда готовым к атаке. Анафема действовала когда-то как щит и меч правой веры, не разбирая средств: пытала, мучила, жгла, отправляла в бессрочную ссылку, но даже и не касаясь тела, просто отсекала кого-то из числа ближних, даже из списка живых. Есть даже такая книга «Криминальная история христианства» Карлхайнца Дешнера, она насчитывает 10 толстых томов.

«Главное, что требуется от каждого человека – это никого не осуждать», - говорит преп. Варсонофий Оптинский, суммируя опыт монашеского стяжания душевного мира. Вспомним и о молитве за врагов, на которой всегда настаивал преп. Силуан Афонский. Но прожила ли Церковь хоть один день, не осуждая своих врагов, покусившихся на ее сакральность? Сакральность догмата, сакральность богословия, богослужебного круга, обряда и языка, календаря, сакральность царства земного, царя, монархии, всего этого космоса освященной неподвижности, возвышающейся над землей, в который был вписан всякий индивид, как крупица полиса, как бы ради его, человека, спасения. Уход из него, всякое отклонение от этого космоса означал смертный грех, который, в отличие от других грехов, не мог быть прощен, потому что он не только

лишал грешника гражданства в небесном отечестве, но и, заражая других, нес угрозу их спасению. Христианство словно разделилось на милосердное, христово, живущее во внутренней клети души, трудящейся над своим очищением, несущее людям добро, и внешнее, институциональное, крепко стоящее на земле и отстаивающее на ней свое место данной ему властью. Эта державная или Константинова модель, так ее называют (в ней стирается разница между Западом и Востоком), просуществовала много веков. При этом имперскость и аскетический подвиг, молитвенность и жестокость как-то уживались, а иногда и дополняли друг друга во имя заповеди любви... Это длилось веками, последний еретик был повешен в Валенсии в 1826 году. В Испании и Португалии это называлось тогда аутодафе – актом веры.

Актом веры, но уже иным, чисто внутренним, было монашеское призвание, которое, каким бы радостным оно ни было, всегда предполагает отсечение своей человеческой воли. Монашество, по замыслу своему, предполагает невидимую брань с самим собой, войну с грехом, с семенем змия, в нас живущим. При самом радикальном ее ведении она не оставляет места ни для чего иного, что от мира, как отвратительного, так и чудесного. Красота тварного мира, удивительность жертвенного поступка, как и чужие мучения и казни, как и русская революция, войны, холокост (шоа), депортация целых народов, да и просто разумность труда для жизни, есть ли всему этому место во внутренней драме души, борющейся за свое спасение? Сакральный космос не знает «самостоянья человека» (строка, зачеркнутая у Пушкина) в мире, каков он есть, т.е. не ведает

иногое человеческого призвания, кроме как быть кающимся грешником, и не ведает истории. Ее просто нет. Отец Иоанн Мейендорф говорил однажды автору этих строк, что единственный раз, когда святая Гора Афон высказалась о последних событиях в мире, было осуждение экуменизма. И ни о чем ином. Впрочем, экуменизм не был явлением чисто внешним, но покушением на святость веры, замкнутой в своем мироздании. Что уж говорить о войнах, о бедах человеческих; в перспективе «невидимой брани» они вообще не события, ибо не касаются души в ее отношениях с Богом.

А над всем этим, в том, что мы называем «миром», вне всякой связи с драмами и бранями души, выстраивается мундир или комбинезон наскоро сшитой нацидеологии с ее грубоватой, лубочной, как бы «духовной» окраской (например, война с Западом как с воплощенным антихристом и т.п.). Но пошивочные материалы для такого комбинезона берутся с того же старого склада «борьбы за веру», где все еще валяются вышедшие из употребления гарроты и дыбы инквизиции, той или этой.

Знал ли Христос во время Его земной жизни, возвращая зрение слепому или исцеляя паралитика, что отныне право исцеленных на чудо и жизнь будет измеряться только их принадлежностью к спасительной вере, отнюдь не личной, но всеобщей, народной, общеобязательной?.. Вера может даваться как звание, независимо от того, принимают ли ее или нет, даже и задним числом. Она становится социальной характеристикой. Как говорится в молитве об отпущении грехов усопшему, заочно записанному в христиане: *«аще бо и согреши, но не отступи от Тебе, и несумненно во Отца и Сына*

и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троице и Троицу во Единстве, православно даже до последнего своего издыхания исповеда». Для Церкви он всегда свой, что справедливо, ибо молитва нужна всякому, мертвому и живому. Но зачем так настаивать на его правоверии, поминая св. Троицу, о которой слышал далеко не всякий усопший? Сакральный космос в данном случае щедр, он принимает каждого в силу знака символической к нему причастности, т.е. правильного крещения.

В то же время, каким бы ни было бытие другого (иного крещения), Церковь его не знает. Чаше всего и не желает знать. Собственно, весь экуменизм заключается в попытке это незнание преодолеть, сделать ближнего *ближним*, переступив через словесную или иную инаковость его веры. Экуменизм в узнавании другого. Для узнавания не требуется богословских аргументов. Но нужно ответить на вопрос: считать ли изменой веру, которая иногда входит в иную реальность духовного опыта и узнает себя в ней? И можно ли вообще сводить тайну веры в ее богочеловеческой глубине и неизмеримости к тому, как она была выражена рационально? Узнавание происходит помимо формул, символов, вообще помимо разума и грамматики, оно есть событие встречи со Христом в опыте Христа другого человека. Единственно возможный экуменизм – это соучастие в этом событии, прикосновение к Богу через встречу с Ним другого человека. Общение с Богом таится в глубине, а глубины способны общаться.

Оставим этот термин, экуменизм, вызывающий аллергию, попробуем заговорить об общении. Общение имеет свои уровни, от повседневно поверхностного:

разговора, трапезы за общим столом, времени, проведенного вместе, знании, которым мы делимся, опыта, пережитого вместе, до, наконец, общения в любви – в Трапезе Господней. Антиэкуменизм – это частичное или полное отрицание такого общения; не только на вершинах, в Евхаристии, когда Православная Церковь по мотивам догматическим, отказывая в гостеприимстве другим церквям, не допуская им даже называться церквями, вплоть до полного исключения из округи своего видения, вплоть до невозможности находиться на одной территории, воздухом одним дышать. Предел антиэкуменизма - костер и дыба для еретиков с кощунственной отсылкой ко словам Христа. Ныне никакая Церковь, не может прикасаться к чужому телу (по крайней мере, не имеет на то права), всякий чуждый ей отсекается духовно, но не менее радикально. При истовом, до комизма доходящем рвении, таким отсечением выглядит, например, освящение 20 лет назад святой водой киевских улиц, по которым проезжал Иоанн Павел II во время своего визита.

Что означает по сути отказ в общении? Отказ в сочеловечности. Не знаю тебя, делающего беззакония, не ведаю тебя, верующего преступно. И вся святость твоя, так называемая, мне чужая, все чудеса твои лживы, озарения твои – оболъщения, твои мысли, встречи, переживания, гимны солнцу и воде или еще кому – прелесть и искушение и даже сами добрые дела, миссии, проповеди – только соблазны. Добрые дела только тогда добры, когда они ради Христа, а Христос принадлежит только Своей/моей Церкви, которая есть Тело Его. Но коль скоро ты в ереси заматерел, Христос тебе чужд и знать тебя не хочет. Но где мы найдем отказ в обще-

нии у Христа? Кого Он отсекал, с кем отказывался разговаривать? Разве что с Иродом Антипой, но лишь потому, что тот пришел на этот разговор как на забавный спектакль. Отказ запирает нас в замкнутом гетто логики идентичности Христа/Церкви, в которой все последовательно и логично, но лишь не предусмотрено бытие ближнего как сочеловека. В этом гетто есть дворы разной степени открытости/закрытости, оно должно быть заботливо ограждено «носящими меч», и вплоть до наших дней, пропитывается агрессивной идеологией самого меча, для которого существование воображаемого врага неотделимо от его сути, они должны погибнуть вместе. У гетто нет альтернативы, через его забор нельзя перелезть. Как часто нет альтернативы божественным именам в словах общечеловеческих. Средневековая картина мира не имеет выхода, она живет за своей оградой, под державным покровом, реальным или воспоминаемым, когда-то бывшим.

Так устроен «мир» в новозаветном его смысле; живое человеческое лицо в нем, как правило, наглухо закрыто его знаком, именем, символом, ролью, маской, функцией, ценностью, убеждением, исповеданием, т.е. «религиозной принадлежностью». «Мир во зле лежит», не только потому, что явно грешит, но и потому, прежде всего, что отделен от Божьего мира, что существует в устройении идеологий и формул, земных законов и связанного с ними системы господства и насилия. «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются...» (Лк 22:25), «но между вами да не будет так» (Мф 20:26).

Много ли отыщем мы времен, когда было не так, а так, как заповедал Иисус? Христос входит в общение

со всяким человеческим существом вне рамок его социальной роли и исповедания (добрый самарянин, римский сотник, больная сиропфиникианка, блудница, ставшая потом равноапостольной, наконец, сама община рыбаков-апостолов), и в самом этом общении можно прочесть Его Весть.

Желая Ему служить, быть детьми Его, мы невольно исправили подвиг Его.

И вместе с тем то там, то здесь происходят попытки возвращения к такому вот неисправленному прочтению Евангелия. На протяжении всей истории христианство то и дело открывает себя заново, разрывая с Преданием. Ибо традиционное христианство как-то оседает, не всегда заметно, но неотвратимо, по крайней мере, на Западе теряет почву под ногами. Стало общим местом говорить о пустеющих и закрывающихся католических храмах; да и с протестантами, англиканами, лютеранами, реформатами, дело обстоит едва ли не хуже. В России, да и на Востоке в целом при всеобщей как бы православности участие в церковной жизни, по крайней мере, на уровне символических 2%. (В Италии полно итальяноязычных греков, уже здесь родившихся, но в храм они ходят только тот, где служба по-гречески. Сербь в массе своей тоже.) И вместе с тем где-то рядом христиане в мире прирастают миллионами, они живут на всех континентах, но о них не говорят, их мало кто замечает, потому что это разрозненные, разбросанные повсюду общины, не вписанные ни в какие структуры. Структуры их часто не принимают всерьез, ибо у них почти нет ни богословия, ни иерархии, есть лишь какой-то живой, спонтанный, кажущийся нам диковатым, опыт, не всегда вразумительный молитвенный

поток, тот, что снисходительно или недоуменно называют харизматическим. Но за каждым таким харизматом, пятидесятником или «христианином просто», знающим только Новый Завет и никакого экуменизма не ведающим, есть свое, найденное им, ощущение Бога, каким бы оно ни было, личная связь с Ним. Можно толковать его как угодно, даже со всей силой отвержения, подобно о. Серафиму Роузу их совсем не обязательно принимать, но и отшатываться от их харизм как от знака «последних времен», тоже необязательно.

А что если это совсем иной знак, который Господь посылает нам, «традиционным», и стоит к нему прислушаться? Встать перед таким вопросом вовсе не значит порывать с тысячелетним Преданием. Предание необходимо «держат и хранить», включая и апостольское преемство, на чем всегда настаивал отец Александр Мень, но при этом идти к тому, что стоит за традицией, к глубине ее, к интимности встречи человека с Богом, остерегаясь размытого религиозного чувства, куда может вписаться любая религия. И в Предании можно найти другое начало, и это начало – евангельский Иисус, Который, по первому апостольскому Символу веры, есть Господь. И коль скоро в Иисусе явлена полнота Божия телесно, то в личности, в теле, в изумительной, таинственности, неповторимой человечности Иисуса из Назарета нас ждет неиссякающее откровение ее полноты.

Из Назарета?.. Из города, существующего и поныне, из привычной среды, из семьи, из народа, ходившего перед Богом, из закона Его, из обрезания в восьмой день по закону Моисееву, оно все еще остается праздником в православном календаре, из опресноков и чаши вина

на Пасху, из Псалмов, из Его молитв, Его долин, Его храма, Его моря, Его языка. Все это мы знаем отлично, но перешагивая через Иисуса из народа Израиля, словно это какая-то историческая частность, переходим к догмату, ко Второму Лицу Пресвятой Троицы. Такой «перешаг» предписан святоотеческим преданием, обычаем, всем строем наших молитв, праздников, даже интимной религиозностью, которая вполне обходится без Иисуса из плоти и крови... А между тем весь наш литургический круг полон еврейским народом; «Избави, Боже, Израиля от всех скорбей его» – лишь одна из многих молитв. Но разве кто спросит: а что это за Израиль? Знающие вооружены «богословием замещения», люди попроще вопросов не задают. При этом весь этот молитвенный мир никак не пересекается с давним бытовым антисемитизмом, копошащимся где-то внизу, в богословском подполье. Это громадная тема «Израиль и Иисус», которой нельзя касаться вскользь, ведь традиция антииудаизма насчитывает почти 2 тысячи лет. И все же вера народа Израиля живет и в Нем, во Христе-Мессии, Который «вчера и сегодня и вовеки Тот же» (Евр 13:8). Он нужен нам в вечности, нужен сегодня, и остается нужным Таким, каким был и вчера. Когда-нибудь мы ощутим эту нужду и отправимся на Его поиски. Не только упомянем в обновленных учебниках догматики, но откроем Его в своей вере, в том существеннейшем и драгоценнейшем ее начале, без которого она не сможет уже обходиться. Христианство каждый раз начинается вновь с открытия, узнавания человечности Иисуса и, тем самым, человечности Бога.

«Да вы, батенька, даже не обновленец, а самый заправский католико-протестант», – подаст реплику «пат-

риотическое» православие голосом благословителя войн и певца империй, – «уж не реформ ли захотели?!». Когда все неподвижно каменно на церковной стороне, то всегда круто и на державной, и никто пока не объяснил, как это небесное, аскетическое, монашеское так легко сопрягается с железным, тяжелым и агрессивным. Они идут рука об руку. Но тоталитарная модель Церкви и мира приходит в противоречие с действием Духа Святого, Который веет и во времени, которое, как бы ни хотелось нам его заморозить, все же движется, расставаясь со старым, обжитым. Однако не реформы здесь нужны, ибо все реформы вырастают из противостояния, сведения счетов и мнимых побед над прошлым, но откровение богочеловеческого опыта, которое приносит нам каждая эпоха. Новомученики, им же несть числа, Силуан Афонский, о. Павел Флоренский, митр. Антоний (Блум), о. Софроний (Сахаров), о. Александр Мень, Оливье Клеман, о. Александр Шмеман, о. Иоанн Мейендорф, – называю лишь самые известные имена – при всем различии между ними, отмечены тем особым светом, что пронизал собой тьму XX века. Они возникли без всяких реформ. И все они – православие, которое мы унаследовали, благая часть его. Откровение продолжается в той истории, которая течет и через нас, Дух веет где хочет, можно прислушаться к Его дыханию и потоку. Не реформы нужны, и не вечное возвращение к образу истинного, очищенного православия, извлеченного из древних текстов, стоящего неподвижно как скала, рассекающая волны времени, но нужно, скорее, возвращение к человеку в Евангелии.

Да кто он, человек в Евангелии, пришедший ко Христу или встреченный Им случайно или только упомя-

нутый? Некто, избитый разбойниками по дороге в Иерихон; вдова, потерявшая единственного сына; исцеленные слепые, глухие, параличные, чающие движения воды... Ждущий милости, ищущий дара. Даже мытарю нужна милость встречи, ибо и ему тяжело быть мытарем. Что приносит им Иисус? «Встань возьми постель свою и ходи», «Хочешь ли прозреть», «Не плачь», – вдове Наинской над гробом сына. «Слезай со смоковницы, ибо надлежит Мне быть у тебя в доме...» Если суть этих встреч свести к одному слову, этим словом будет сочувствие, соучастие в страдании. И чудо, которое Он совершает, служит вовсе не для иллюстрации Божественной мощи. Христос Евангелий – Христос дарующий: исцеление, радость, избыток жизни, жизни, не разделенной на небесную и земную. «...да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин 15:11). Ради такой радости Христос дарует Свою жизнь. Иное дело в Традиции (неслучайна здесь заглавная буква), где человек – прежде всего, кающийся грешник, спасающийся как бы из огня, он просит защиты на суде, где все против него. Здесь Христос – преимущественно Судья, с надеждой на незаслуженное милосердие к Нему приходит пленник страстей, преступник против своей природы, ибо сотворен он, согласно восточным Отцам, по природе безгрешным. Мы – словно гетто подсудимых, которые, заглядывая на то, что происходит за нашим забором, и приходя в смятение, уже какой век твердим о «последних временах». Подсудимый этих последних времен выше всякой мирской этики, он ничем не обязан этому миру, легко покоряется его силе, его власти, его греху, словно не замечая их. Отсюда эта странная, но, как бы, столь право-

славная духовность отрешения от мира с покорностью миру вплоть до идентификации себя с войной со всей ее мерзостью и сотрудничеством со службами насилия и лжи.

А что если христианство не завершается вовсе, что Господь еще далеко не все сказал нам, или мы не до конца Его выслушали? Что оно начинается снова там, где началось? Там, где покаяние в грехах не обходится без сострадания и милости? С узнавания человека, которого Иисус встретил когда-то на дорогах Иудеи, Галилеи, Капернаума... Встречаемого Им ежедневно, ответившего на Его взгляд сегодня, где-то в Украине, в России, всюду, где боль, радость, внезапная встреча под смоковницей?..

*Брешиа, Италия
Сентябрь 2021,
Май 2022*

Владимир Френкель

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Христианство в нашей жизни и в истории

Приступая к рассказу о серьезных, важных и для меня, и надеюсь, для читателя вещах, казалось бы, не следовало так его называть, несколько легкомысленно и небрежно: заметки на полях. Однако это действительно небольшие и слабо связанные между собой заметки. Есть по крайней мере две причины для этого.

Первая – люди, под воздействием электронной техники, сейчас просто перестают читать. Добро бы это было т.н. нечитающее поколение, образовавшееся задолго до наступления электроники. Нет, если человек не читает книг, то все же есть надежда, что он может начать читать. Но беда нынешнего поколения в том, что оно читает – но, под воздействием электроники, только небольшие объемы, отрывки, воспринимая прочитанное как информацию. Это давно уже замечено: прочитывать связный длинный текст многим уже не по силам. Вот поэтому я и проделал эксперимент: разбил текст на не слишком большие части, не слишком связанные между собой. Возможно, так читать будет легче?

Вторая причина более серьезная. Мы ведь, в нашей быстротекущей жизни, тоже не всегда сосредотачиваемся долго на одной мысли. Так пусть и эти заметки будут идти так же – как мысли на ходу, даже на бегу, пришедшие, но не ушедшие, потому что оказалось важным их сохранить. Иные из них могут оказаться важнее и всей жизни.

Как быть христианином?

О том, что такое христианство, что есть христианство, Церковь в наше время и в будущие времена, — обо всем этом сказано много, и интерес к этим вопросам не утихает. Но я хотел бы начать с другого: с человека, просто обычного человека. Что значит — быть христианином, как им становятся, или не становятся? Не претендуя читать в чужих душах, могу сказать только о себе.

Но сначала — о «поисках Бога». Это довольно распространенное явление, в основном среди интеллигенции. В сущности, оно заключается в том, что человек хочет разобраться в вере, при этом не зная, верует он сам или нет. Скорее всего — нет. Но чем начитанней человек, чем более он привык все анализировать и сравнивать, тем дольше он будет разбираться — и ни к чему не придет, а если придет, то к безверию и вражде к Церкви. В сущности, это будет напоминать анекдот об англичанине, поклявшемся не входить в воду, пока не научится плавать. «Поисками» Бога, богоискательством занимались известные люди, как Горький, Луначарский. С тем же и предсказуемым результатом — атеизмом. Потому что на этом пути на самом деле выдумывают Бога. А выдумать истинного Бога нельзя.

Не надо искать Бога. Это Бог ищет нас, и не просто ищет, а — окликает. Вот услышать этот оклик и является нашей задачей.

Оклик — это не метафора, он реален. О нем, как это было в моей жизни, я и хочу рассказать. В первый раз это было очень давно, мне было двадцать с небольшим лет, и я был, конечно, неверующим и почти ничего не

знающим о вере и Священном Писании. Я часто ездил в Литву, автостопом, как тогда, в 60-х годах, было принято среди молодежи. И вот, зайдя в Вильнюсе в храм св. Анны, я застал окончание мессы. Пел хор, и вот я вдруг почувствовал желание подняться вверх, вслед за звуками органа. Конечно, и архитектура католического храма этому способствовала. Потом я понял, что это Бог позвал меня в первый раз. Конечно, тогда я этого не понял, хотя запомнил чувство, пережитое в храме. Оставалось ждать до следующего призыва. И он не замедлил явиться.

На этот раз это произошло в деревне, в Латгалии, куда меня, в составе еще нескольких сослуживцев послали «в колхоз», как тогда было принято в рамках недееспособной советской экономики. Мне и еще двум парням поручили там вырубать кусты на каком-то поле. Там мы и ходили с топорами, как несостоявшиеся Раскольниковы. Хотя большую часть времени просто лежали, отдыхая, на траве, да и выпивали, что греха таить.

Вот там, не помню, где именно, скорее всего, в деревенском доме, где мы жили, мне и попала в руки небольшая книжка. Издана она была еще до революции, это было *Евангелие от Марка*. Только оно одно. Очевидно, это было издание для народа, на русском языке, в порядке религиозного просвещения. Я начал его читать. Не скажу, конечно, что сразу все понял. Но понял, что я нахожусь в этой книге посреди долгой истории, начавшейся в древности и существующей до сих пор. И мне захотелось больше узнать об этой истории. Но главное было в другом: в одной фразе Христа, которая меня ошеломила: *Что толку человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?*

А ведь мы все помнили, что в *Коммунистическом манифесте* было сказано, что мы, пролетарии, приобретем весь мир. Оказалось, что ответ был дан задолго до вопроса.

Вот с этой фразы, как с камертона, и началось мое вхождение в веру и Священное Писание. Оклик был услышан. Уже позднее, один из священников, наставлявших меня после крещения, сказал, что Господь не случайно послал мне именно Евангелие от Марка – оно самой простое, с него и надо начинать чтение Нового Завета.

А в третий раз это произошло, когда я пришел наконец в храм (рижский храм св. Иоанна Предтечи), где мой приятель обещал познакомить меня с настоятелем. И только зайдя в этот храм, я почувствовал, что пришел *домой*, что это – мой *Дом*. И это чувство уже не исчезло. И все, что было потом – наставления, изучение богословия, Священного Писания, истории Церкви – все это было уже приложением, имело смысл только в свете веры и чувства Церкви как моего Дома. Вот так витраж оживает только в солнечном свете, идущем извне.

Это был третий оклик.

И эта история – не о том, как я нашел Бога, а как Бог нашел меня.

Разумеется, у каждого это могло быть и было по-разному.

Вспоминается эпизод, рассказанный Сергеем Аверинцевым в одной из его лекций. У него был друг юности, еврей. Они как-то одновременно пришли к вере, но Аверинцев пришел к христианству, к Церкви, а его друг – к иудаизму, в синагогу. И вот, рассказывает Аве-

ринцев, они вдвоем как-то оказались в московской интеллектуальной компании, где велся спор о вере, о религии. Спорящие, естественно, знали об этом много, но сами верующими не были. И в этом споре не участвовали только двое – Аверинцев и его друг, они только переглядывались друг с другом и молчали. Потому что оба поняли: здесь люди рассуждают о вере, а они, двое, в этом живут. Пусть в разных «домах», но живут, а не заглядывают в окна. И поэтому между ними больше общего, чем со спорящими.

Как перестать быть христианином

*Заканчивается праздничное богослужение и совместное несение креста. Начинается Светлая Седмица... и – начинается одна из самых кровопролитных битв. С кем? С людьми из того самого народа, **представительница** которого несла сегодня крест...*

Речь здесь идет о Via Crucis в Риме, в Страстную пятницу этого года (по западному календарю) – церемонии Крестного пути, что Католическая Церковь, по традиции, проводит в Страстную пятницу каждый год. На этот раз крест нес не один человек, как обычно, а два – русская и украинка. И перед нами комментарий к этому (из интернета) другой женщины, считающей себя христианкой. Называть ее имя необязательно. Интересно другое: не случайно я выделил в тексте комментария слово **представительница**.

Как говорится, человек говорит не тогда, когда говорит, а когда проговаривается. Здесь именно такой случай.

Итак, у комментирующей вызывает недовольство и даже осуждение, что украинка и русская несут совместно крест (что, конечно, является, с ее точки зрения, призывом к примирению), а потом тот же народ, «представительницей» которого является русская, продолжит агрессию против Украины. Да, эти чувства можно понять. Но это не значит – принять. Прежде всего: никто не поручал русской девушке кого-то «представлять». Но главное – не в этом. Главное в том, что само это слово – представительница – расчеловечивает человека. Человек – это наш ближний, и если он кого-то и «представляет», то только Образ и Подобие Божие, по которому и создан человек. Видеть в человеке «представителя» – значит не видеть в нем ближнего.

В Евангелии нет «представителей», есть люди. Христос обличает фарисеев, те неоднократно пытаются «уловить» Христа в слове, но одному из фарисеев Христос говорит, что недалек тот от Царства Божия. Этот человек для Христа не «представитель» враждебного сообщества, а человек, который может и заблуждаться, а может и приблизиться к истине. Христос говорит с самаритянкой не как с «представительницей» раскольников-самаритян, а как с человеком, которому надо разъяснить истину. И о хананеянке, которая и вовсе язычница, Христос говорит, что он и в Израиле не нашел такой веры.

Цитату из *Послания Колоссянам* (3:11) апостола Павла, что

...нет ни Еллина, ни иудея ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос,

часто хотят представить как декларацию о равенстве.

И поэтому справедливо возражение: Павел, уже в *Послании к Галатам* (3:27-28), говорит:

Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе.

Так разве Павел отрицал различие полов? Возражение справедливое: цитата из послания Павла вовсе не о «равенстве» или отсутствии различия. Ведь кончается эта цитата так: *Но все и во всем Христос* (Гал.), или: ... *все вы одно во Христе Иисусе* (Кол.).

Разумеется, национальные, социальные, имущественные и тем более гендерные различия остаются, но Христос – превыше всего, в Нем – смысл нашей жизни, и Его нельзя подменять ничем.

Разумеется, естественно наше чувство ненависти, неприязни к агрессору и даже к его «представителю». Но дело в том, что христианство – не *естественная*, а *сверх-естественная* вера, в ее основе – Воскресение.

Вот почему говорить о ком-то как о «представителе» – значит не видеть в нем ближнего. Это и есть – перестать быть христианином, как бы красиво о христианстве и о своей вере ни говорил этот человек.

Красная Пасха

А все же остается вопрос: как праздновать Воскресение Христово, как радоваться празднику, если знаешь, что льется кровь, страдают и погибают люди, и это происходит в твоей стране, с твоим народом?

В 1921 году, в Крыму, Максимилиан Волошин пишет стихотворение «Красная Пасха». Это стихотворение –

в ряде целого цикла стихов, написанных по следам большевистского террора, происходившего весной этого года в Крыму, после захвата Крыма «красными» и ухода в эмиграцию последних частей Белой армии, и с ней – тысяч россиян, не желавших оставаться под властью большевиков. Оставшихся ждала страшная судьба – массовый террор. Страшно даже просто читать об этом стихи Волошина.

Так вот, стихотворение «Красная Пасха» Волошин заканчивает так:

*Зима в тот год была Страстной неделей,
А красный май сплелся с кровавой Пасхой,
Но в ту весну Христос не воскресал.*

Страшные строки, особенно последняя.

Конечно, «Христос не воскресал» – это в данном контексте не кощунство, а литературный прием, подчеркивающий ужас происходящего. Легко ли было Волошину сознавать, что его страна, его народ впали в безумие – тогда в безумие революции, гражданской войны, массового террора? Легко ли современному россиянину, не утратившему разум, видеть, во что впадала его страна?.. Может быть, во время безумия и жестокости одних, страданий и смертей других нельзя радоваться празднику Воскресения Христова?

Да, нельзя, если воспринимать этот праздник просто как повод для радости с веселым застольем, если позволять себе называть ближнего «представителем».

Да, можно и нужно праздновать Воскресение Христово именно в это время, и даже более нужно, чем в другое, более спокойное (да и бывают ли спокойные

времена?). Потому что не можем же мы забыть, что именно этому празднику предшествует: Страстная неделя, молитва Христа в Гефсимании, осуждение Его, страшная казнь на кресте, смерть. Бог умер, на самом деле умер! И задолго до того, как смерть Бога провозгласил Ницше.

Да ведь и праздник Рождества Христова связан с трагедией – избиением младенцев в Вифлееме. А мы радуемся Его Рождеству и Его Воскресению.

Но Христос пришел в мир, который, по Его же слову, *во зле лежит*. И это зло, этот приход антихриста мы то и дело, в каждой эпохе, в каждом веке и времени видим воочию. И только Воскресение Христово – залог того, что Он победил смерть, победил диавола, и зло уже не может одолеть нас – если мы со Христом. Вот почему праздник Воскресения Христова не может быть отвергнут именно сейчас, когда зло особенно ожесточилось.

Есть выражение – «вера на одной ноге». Это связано с притчей о мудреце, рабби Гиллеле: к нему пришел язычник и сказал, что он хочет понять суть иудейской веры, пока будет стоять на одной ноге. Гиллель ему ответил: «Не делай ближнему того, чего не желаешь себе». Так вот, если говорить о христианстве, то «вера на одной ноге» – это пасхальный тропарь:

*Христос воскреसे из мертвых,
смертию смерть поправ,
и сущим во гробех живот даровав.*

Мы все – *во гробех*, как же не радоваться Дару жизни? Дару Воскресения?

Мазаччо и Мазолино

Передо мной – репродукции с двух фресок итальянских художников, времени раннего Возрождения – это начало XV века. Фрески находятся во Флоренции, в капелле Бранкаччи. В 1424 году два художника, Мазаччо (Томмазо ди Гвиди), совсем еще молодой человек, и Мазолино (Мазолино да Паникале), старше его на двадцать лет, получили от богатого купца Феличе Бранкаччи заказ на роспись его фамильной капеллы. В частности, оба художника изобразили Адама и Еву, но сделали это совершенно по-разному.

Надо отметить, что перед нами именно религиозная живопись, не икона – в XV веке Возрождение уже давно отошло от иконописи, образ которой еще явлен у Джотто ди Бондоне, в конце XIII века. Итак, речь о живописи – с сюжетом и психологией. Но эти работы очень отличаются друг от друга. И дело не только и не столько в том, что Мазолино изобразил искушение Адама и Евы – съесть запретный плод, а Мазаччо – изгнание из рая. Но у Мазолино персонажи изображены статично, они гармоничны и прекрасны, ничего не предвещает в их образах грехопадение. Это дети в раю, и этим все сказано, даже искушение не нарушает их покоя. Другое дело – Адам и Ева у Мазаччо, где изображено изгнание из рая: они в ужасе, в отчаянии, их тела экспрессивны, они селятся прикрыться руками, потому что осознали, что наги.

Конечно, эта разница отражает и мировоззрение художников: старший, Мазолино, еще в традиции гармонии, покоя, унаследованной от античных образцов, а Мазаччо – сын нового времени, когда трагичность

жизни уже осознается искусством, придает ему экспрессию и отступление от классической гармонии. Но тут есть и богословский подтекст.

Наверно, нам равно близки оба чувства, оба ощущения: воспоминание о райском блаженстве, когда Адам и Ева *ходили перед Богом*, и даже, как во фреске Мазолино, и перед искушением еще ничего не омрачало этого состояния, и – чувство отчаяния, ужаса, стыда, как в сцене изгнания из рая нам это изобразил Мазаччо. А для христианина – что должно быть главным: ужас перед грехом и покаяние, или радость, что мы искуплены от власти греха и смерти Христовой смертью и Воскресением?

Изгнанные из рая Адам и Ева могли быть в ужасе, и этот ужас по наследству передался нам. В сущности, это ужас перед смертью, который испытывают все, кто осознает ее неизбежность, независимо от своей веры или неверия. Именно это описал Лев Толстой в так называемом «арзамасском ужасе».

Но христианин не может не помнить, что он искуплен, что Христос открыл ему путь к Богу, путь, утерянный прародителями, что Он победил зло и смерть. Но что должно быть все же главным в нашей жизни: покаяние или радость? У меня нет ответа на этот вопрос. Может быть, каким-то сверхъестественным, парадоксальным образом эти чувства должны присутствовать одновременно и даже соединяться в одно? Такое трудно себе представить, это совершенно парадоксально и алогично.

Но христианство и само по себе парадоксально и алогично, что и свидетельствует о его неземном происхождении.

Метель и Свет

На закате жизни Борис Пастернак пишет поэму *Вакханалия*. Весной 1957 года МХАТ поставил трагедию Шиллера *Мария Стюарт* в переводе Пастернака. В письме к актрисе Алле Тарасовой, исполнительнице главной роли в постановке, Пастернак, в частности, писал:

Я это задумал под знаком вакханалии в античном смысле, то есть в виде вольности и разгула того характера, который мог считаться священным и давал начало греческой трагедии, лирике и лучшей и доброй доле ее общей культуры.

Собственно, здесь идет речь о человеческой истории, о лучшей ее части – культуре, но и о человеческих отношениях, об истории вообще – во всем беспорядке, красоте и некрасоте нашего земного мира. Однако, как мы сейчас увидим, не только об этом. Но и об оправдании этого, о том, что придает смысл нашему миру, и без чего он действительно может превратиться в беспорядочную вакханалию.

Сюжет поэмы состоит из двух частей. Первая: после картины вьюжного города – *театральная постановка «Марии Стюарт»*, затем – *описание Артистки*, играющей Марию Стюарт. Вторая: *именинный кутеж*, Герой и Танцовщица. Концовка: *утро*. А Метель присутствует как в начале:

*А на улице вьюга
Все смешала в одно...*

так и перед второй частью:

*И опять мы в метели,
А она все метет...*

Метель объемлет все действие, весь город, всегда присутствуя, но она же и разъединяет:

*И пробиться друг к другу
Никому не дано.*

Таким образом, *Метель* – равноправное действующее лицо среди прочих. Это – *Город, Королева шотландцев, Артистка, Кто-то (Герой), Танцовщица.*

Но есть в поэме еще один персонаж: это *Свет*. Свет церковной службы. Поэма начинается так:

*Город. Зимнее небо.
Тьма. Пролеты ворот.
У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.*

*Лбы молящихся, ризы
И старух шушуны
Свечек пламенем снизу
Слабо озарены.*

*А на улице вьюга
Все смешала в одно,
И пробиться друг к другу
Никому не дано...*

И вот церковная служба появляется еще раз, перед второй частью поэмы:

*И опять мы в метели,
А она все метет,
И в церковном приделе
Свет, и служба идет...*

Церковная служба описана так, что нет сомнения в ее реальности. Но эта служба не имеет отношения к сюжету поэмы, к ее героям, которые знать о ней не знают. Знает только автор.

Но – более того: служба идет в несуществующей церкви! Пастернак не мог не знать, что в 50-е годы, когда была написана поэма, обе церкви Бориса и Глеба – одна на Поварской, другая на Арбате – были уже давно снесены. И тем не менее:

*У Бориса и Глеба
Свет, и служба идет.*

Это свет от пламени свечек в первом появлении, просто свет – во втором. Сама служба, идущая то ли в вечности, то ли где-то поблизости, не имеет отношения к происходящему в поэме. Но эта служба, длящаяся, как и метель, где-то там, за сценой, – не случайна, более того, в ней смысл и суть поэмы. Потому что неотмирный и, тем не менее, реальный Свет церковной службы придает смысл и городу, и театральной постановке, и страстям героев. Только благодаря этой службе все полно жизни, и люди не потеряны в метели. Пока длится служба, мир не потонет в бесовской кутерьме. Свет

службы, свет в ночи, в метели, — Свет неотмирный, путеводитель и источник жизни, и мир не существует без этого Света.

Есть ли истина вне Христа?

Как все помнят, это парадоксальное рассуждение Достоевского: если представить себе невозможное, что истина окажется вне Христа, то он, то есть Достоевский, предпочтет быть со Христом, но вне истины.

Вот и зададим вопрос: может ли быть истина вне Христа?

Если под истиной иметь в виду правильное, неопровержимое логическое рассуждение, то ответ один: да, может быть истина вне Христа и даже несовместимая со Христом. Ведь у того же Достоевского, в *Легенде о Великом Инквизиторе*, рассуждения Великого Инквизитора, его точка зрения абсолютно верна, логически неопровержима — и несовместима со Христом. Да, свобода непомерно тяжела для большинства людей, они с радостью возвращаются к рабству, к подчинению, к иллюзиям, свободный выбор, реальная картина мира им невыносимы. Мы и сейчас это видим. Поэтому и Христа они в который раз встречают с ужасом: не надо нам Его свободы, распни Его!

Потому что Истина — не в логических рассуждениях, Истина — Сам Христос.

Именно Его можно принимать или не принимать. Со всеми последствиями этого.

И тут, минуя неопровержимую логику Великого Инквизитора, можно поставить вопрос иначе. А может ли быть добро вне Христа, вне христианства. Если

говорить просто о человеке, может ли он быть добрым, не зная Христа, то ответ есть: да, может. Есть немало людей, не христиан, вообще неверующих – добрых, участливых, совестливых. Да, для них совесть – внутренний закон, и они ему следуют, если даже не знают, что их совесть – глас Бога, в которого они не верят. (О называющих себя христианами, но несущих в себе зло, и говорить не будем – Бог их судит.) Так значит, есть и такая истина – вне христианства, вне Церкви, вне Христа? Да, есть. Но это истина земная. И различие между верующим и неверующим, между христианином и не христианином не обязательно в отношении к жизни. Но – в отношении к смерти. Но об этом уже сказано выше, и повторяться незачем.

Церковь и человеческая история

И, наконец, последнее. Сейчас именно Церковь – камень преткновения для многих, даже верующих, а можно сказать, и особенно для верующих. Церковь, ее состояние, ее политику охотно обличают, и не без основания. Правда, забывая, что все остальное общество и его организации ведут себя не лучше.

Но в этом-то все и дело: если Церковь воспринимать только как общественную организацию, то о ней можно сказать немало плохого и обидного, и при этом справедливого. Но если мы верим, что Церковь, в которой вопреки грешному миру и для него же творится Божественная служба, и Свет ее во тьме светит, то... впрочем, и об этом уже сказано.

В книге протоиерея Александра Шмемана «Исторический путь православия» мы читаем:

Греко-римский мир, то есть римская государственность, соединенная с эллинистической культурой, – вот вторая после иудейства историческая «родина» христианства.

То есть христианство в лице Церкви вступило в историю, и язык культуры должен был стать ее языком, на котором оно должно было говорить с миром. Культура, в том числе именно христианская культура, которая возникла в христианских странах и у христианских народов, не есть замена христианства, но это его язык. Без языка нельзя говорить, но без веры и таинства и христианская культура не возникла бы. Об этом надо помнить и не спешить заменять христианскую культуру чем-то другим, чужеродным, во имя «разнообразия» и «толерантности». Вера – неземной огонь, дарованный нам, но огонь сохраняется в сосуде, и ни к чему этот сосуд разбивать.

Там же, у о. Александра Шмемана, читаем:

Весна православного византизма кончается. Начинаются зной и тяготы длинного пути.

Это сказано не о нашем времени – четвертом веке, о периоде Вселенских соборов и имперского византийского православия. Но длинный путь – это путь в истории, и в наше время он продолжается. Это – мучительный путь Христа в мире, который во зле лежит, и который то и дело готов отвергнуть Христа. Можем ли мы ждать, что земная Церковь, которая живет исповеданием Христа и только этим, не будет подвержена болезням этого мира?.. На протяжении всей истории Церкви не

раз верующие уходили из нее, ужаснувшись этим болезням, чтобы основать некую чистую Церковь. А кончалось это одним и тем же: сектантством, уходом из истории, самодовольством в гордыне. Это означает, что пребывать все же надо в исторической Церкви, каким бы искажением и болезням ее бытие не подвергалось. Там – Христос. Вспомним, как кончается *Гефсиманский сад* Пастернака:

*Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко Мне на суд, как баржи караванов,
Столетия поплывут из темноты.*

Этих слов нет в Евангелии, хотя в предыдущих строках стихотворения Евангелие цитируется буквально. Но здесь – исторический опыт, столетья – это история под судом Христа. История, культура, цивилизация, вся наша жизнь, жизнь каждого человека – под взглядом Христа. Наша история и современная действительность не дают повода для оптимизма. Антихрист давно уже распоряжается в нашем мире как дома. И как знать, не ждут ли Церковь новые катакомбы. Но...

И Свет во тьме светит, и тьма не объяла его.

*Иерусалим
Пасха 2022*

**Протоиерей Дионисий Мартышин
Священник Павел Бочков**

**ЭСХАТОЛОГИЯ СВОБОДЫ И ТВОРЧЕСТВА:
К БОГОСЛОВСКОЙ МЫСЛИ
ПРОТОИЕРЕЯ АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

Важнейшей духовной проблемой развития жизни и деятельности современной Русской Православной Церкви являются вопросы катехизации, миссионерства, духовного образования и всестороннего церковного просвещения. Одним из наиболее видных представителей христианской богословской мысли XX столетия, всячески способствовавший развитию катехизации и православному миссионерству Православной Церкви в современном мире, был протоиерей Александр Мень (1935–1990). Многие знают его как видного пастыря, эрудированного интеллектуала, богослова, писателя, специалиста по библеистике, религиозной философии и мировой литературе.

Протоиерей Александр Мень, несмотря на справедливую критику истории христианства, реальных проблем церковно-приходской жизни, оставался верным глубокой богословской традиции русской религиозной философии. Погрузившись в подлинную творческую стихию христианства, отец Александр оставался внутренне свободным человеком, его взгляды в вопросах интеллектуального развития Церкви, свободомыслия, самовыражения, творчества радикально отличались от мнения многих православных священнослужителей

того времени, зависевших от атеистической идеологии советского государства.

Книги, статьи и проповеди протоиерея Александра рассмотрены нами как своеобразное место пересечения библейского богословия, христианской апологетики, религиозной философии, литературы, религиоведения и публицистики. Священнослужитель был всецело сосредоточен на том, чтобы дать новый толчок развитию христианских идей в сфере культуры и науки, воспитывая своих пасомых в духе свободы, призывая их к социальной активности и к творческому служению Церкви, Христу. (В этом о. Александр схож со многими религиозными мыслителями-пастырями.) В условиях атеистического государства дерзновенной целью пастырской педагогики отца Александра было духовное преображение общины.

С нашей точки зрения, есть все основания для проведения духовных параллелей между Пьером Тейяром де Шарденом (1881–1955) и протоиереем Александром Менем. Каждый из них был богословом, ученым и священником, каждый из них внес весомый вклад в сокровищницу христианства. В их жизни во многом отразились тяжелые духовные испытания. Непонимание со стороны священноначалия Церкви, необоснованная критика богословских сочинений в церковных кругах и, одновременно, популярность в среде ученых, философов и творческой интеллигенции. Священник-иезуит Тейяр де Шарден и протоиерей Александр Мень принадлежали разным поколениям людей, живших в разных странах с различным политическим устройством. Один был католиком, другой православным, однако их богословские позиции и взгляды удивительным обра-

зом были близки, о чем свидетельствует большая работа отца Александра «Пьер Тейяр де Шарден: христианин и ученый», которая была опубликована в книге Пьера Тейяра де Шардена «Божественная среда», в которой отец Александр Мень выступил в качестве редактора перевода, и которая вышла из печати уже после гибели о. Александра в 1992 г.

Оба мыслителя исповедовали христианство как динамическую силу, объемлющую все стороны жизни, открытую ко всему, что создал Бог.

В жизни обоих священников было время испытаний, непонимания со стороны своих же соратников, и прежде всего священноначалия. В разное время они оба подвергались критике, а их работы игнорировались. Известно, что в некоторых епархиях Русской Церкви в 90-е годы XX столетия книги протоиерея Александра Меня, запрещались к продаже в церковных лавках. А самого автора, не читая его книг, огульно и безосновательно называли «модернистом», «обновленцем» и даже «еретиком».

На наш взгляд, многие книги и статьи просвещенного и глубоко образованного православного пастыря являются творческой интерпретацией духовности христианства. Для него религиозный путь человечества связан с экзистенциальным поиском ядра целостности, гармонии и смысла жизни в единстве с Богом. Муки творчества, сомнения для него не являются абстрактными вопросами, они предельно экзистенциальны и жизненно важны. Важно отметить, что, не пренебрегая основами духовной жизни христианства, Мень не идеализирует и не абсолютизирует обрядовые сферы жизни Православной Церкви, нередко встречая искаженные формы внешнего христианского благочестия.

Для него христианство, в первую очередь, религия творчества, любви, свободы и преображения мира. Еще в юношестве увлекшись исследованием русской религиозной философии, он приступил к построению собственной христианской концепции творчества и самореализации христианского общества. Но прежде чем быть призванным к священству, он занимается изучением биологии, литературы и новейших открытий современной эмпирической науки.

Мень осознает невозможность соединения в целостном мировоззрении христианина достижений науки и богословской традиции христианства. Он убедительно доказывает, что атеизм устраняет ценностные координаты истории и культуры человечества. Культура, литература, наука, религия, философия и утверждение человеческой свободы становятся важнейшими точками на прямой линии его церковно-просветительской деятельности. Он настаивает на том, что многогранное творчество, живопись, эстетика, литература, поэзия, психология и духовные прозрения мировых религий понуждают человека к непрестанной борьбе с мракобесием, невежеством, обскурантизмом и всякого рода «духовным рабством»¹. По нашему мнению, в творчестве и культуре человечества Мень видел свет божественного и абсолютного в жизни человеческой личности.

Отец Александр на каждом этапе своей жизни, в своих книгах и лекциях популяризирует и актуализирует литературу и ярчайшие страницы истории хри-

¹ Мень Александр, протоиерей. Кредо. Основные жизненные принципы христианства // Мень Александр, протоиерей. Трудный путь к диалогу. — М.: Фонд имени Александра Меня, 2001. С. 449.

стианства. Христианство знает, что «достоинство личности, ценность жизни и творчества оправдываются тем, что человек является творением Божиим; [...] рассматривает все прекрасное, творческое, доброе как принадлежащее Богу, как сокровенное действие благодати Христовой»². Важно отметить, что не только опыт Православной Церкви, но и религиозная жизнь всего человечества для Меня раскрывается в духовной интуиции, метафизическом прозрении, эсхатологии, свободе, творчестве, литературе, философии, богословии, истории и культуре. Мыслитель был убежден в том, что благодаря религии человек обогащает свой внутренний мир. Религия на протяжении истории человечества является путем спасения и постижения Бога. До конца дней своей жизни священник был верен идеям творческого созидания и парадигме религиозного осмысления бытия.

Протоиерей Александр Мень был глубоко убежден в том, что возрождение Церкви напрямую зависит от активности христианина в профессиональной деятельности, культуре и творчестве. Церковная жизнь, для него, является жизнью во Христе, духовным непрекращающимся движением, динамикой, прогрессом, путем актуализации творческих потенций человека. Он неоднократно говорит об опасности того, что христианин может замкнуться в пространстве обрядоверия, религиозных ритуалов и внешних форм церковного благочестия.

В богословской мысли Мень важное место занимает эсхатологическая проблематика. В своих книгах, лекциях, статьях он в той или иной мере затрагивает тему

² Там же. С. 447–448; 451.

эсхатологии и определенные эсхатологические концепты. Известно, что к одному из терминов понятийного аппарата христианского богословия относится термин «эсхатологический концепт». (Понятие «концепт» образовано от латинского слова *conceptus* – понятие, понимание, замысел.) Концепт – это инновационная идея, содержащая в себе созидательный духовный смысл христианской эсхатологии. В целом, концепт понимается как бытийно-культурное, а не специально-дисциплинарное формообразование. Для нас важно, что в концепте христианской эсхатологии присутствует многомерность и дискретная целостность (противопоставляемая реальность неба и земли) духовного смысла человеческой истории, существующего в культурно-историческом пространстве определенной религии.

Протоиерей Владимир Кашлюк пишет: «Концепт (мысленное образование) творится богословом и философом, он несет его авторскую коннотацию и научное прочтение. Концепт всегда соотносится с научной проблемой или пересечением множества проблем, на которые он призван отвечать, и где он в своем становлении, собственно, и соотносится с другими концептами. Эсхатологический концепт – это платформа пересечения «синтеза», «совпадения», «скопления», «сгущения» всех философских и богословских вопросов, касающихся эсхатологической проблематики»³.

Архиепископ Кентерберийский Роуэн Уильямс указывает на то, что эсхатологическая память о Христе – это не субъективные воспоминания людей, а соборная

³ Кашлюк Владимир, протоиерей. Богословие радости и христианской надежды. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2021. С. 56.

«живая реальность Церкви»⁴. Церковь, по слову Ганса Кюнга, является постоянной «эсхатологической величиной»⁵. Он пишет: «Эсхатологическая община верующих и владычество Божье не противостоят враждебно друг другу и не соседствуют изолированно друг от друга, но Церковь соподчинена владычеству Божьему»⁶.

Юрген Мольтман напоминает, что христианская эсхатология имеет четыре направления:

- надежда на Бога в отношении Божьей славы;
- надежда на Бога в отношении нового творения мира;
- надежда на Бога в отношении истории людей и всей земли;
- надежда на Бога в отношении воскресения и вечной жизни для человеческих личностей⁷.

Эсхатология как связующая система истории и прошлого, как полный синтез религиозных представлений о будущем человечества, может дать человеку адекватное знание о Боге, мире и человеке. Профессор А. И. Осипов напоминает, что эсхатология включает в себя широкий спектр проблем человеческого существования⁸. Эсхатология Нового Завета говорит о полной трансформации человеческой природы в Царстве Божьем. Именно эта христианская надежда на преображение мира и реализацию подлинной свободы и творчества на земле,

⁴ Уильямс Роуэн. О христианском богословии. – М.: Изд-во ББИ, 2004. С. 43.

⁵ Кюнг Ганс. Церковь. – М.: Изд-во ББИ, 2021. С. 124.

⁶ Там же. С. 136.

⁷ Мольтман Юрген. Пришествие Бога. Христианская эсхатология. – М.: ББИ, 2017. С. XVI.

⁸ Осипов А. И. Путь разума в поисках истины. (Основное богословие). – М.: Братство во имя святого благоверного князя Александра Невского, 1999. С. 340.

а не только бессмертие души на небе, составляет сущность христианской эсхатологии, считал протоиерей Александр Мень. Эсхатологическая проблематика – это не только библейское пророчество о будущем всего человечества (футурологическая концепция), но и разумное, осмысленное историческое конструирование земной реальности христианского мира в свете грядущего Царства Божьего⁹.

Описание изучения истории эсхатологии с необходимостью требует (пусть самого беглого) ретроспективного анализа ее предшествующих стадий. Поэтому обратимся к периодизации эсхатологии в трудах протоиерея Александра Меня. Исследуя этот вопрос в библейской перспективе, он разделяет эсхатологию на две парадигмы: общую (коллективистскую) и частную (индивидуальную). В свою очередь священник формирует три периода становления и развития эсхатологии: внебиблейский мир, ветхозаветный и новозаветный миры. Коллективистская эсхатология рассматривает цель и завершение всего исторического и мирового процесса, а индивидуальная – учит о посмертном бытии отдельно взятого человека¹⁰.

Языческий мир не мыслил категориями эсхатологического миропонимания. Религиозные мыслители Вавилона и Индии делили космический мир и исторический процесс на огромные периоды и циклы, в которых все неизбежно возвращалось в исходное состояние. Согласно греческой философии космос рождался из

⁹ Мартышин Д. С. Основы христианской эсхатологии: учеб. пособие. – К.: Издательство Лира-К, 2015.

¹⁰ Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь. Т. III. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2002. С. 471.

мирового огня и исчезал в нем. И только иранские мудрецы (маздеизм) исповедовали веру в конечную победу Бога Света над силами тьмы. Особое место в своем «Библиологическом словаре»¹¹ протоиерей Александр Мень отводит эсхатологии Ветхого Завета, которая рождается под знаком религиозной веры в спасение всего израильского народа, в грядущую полноту бытия, где человек обретет единство с Богом. В соответствии с любовью и правдой Бога эсхатология Ветхого Завета являет определенный синтез, одновременно, акцентируя внимание исследователя на суде и спасении человека. В библейской перспективе эсхатология Израйла напрямую связана с мессианизмом. Священное Писание Ветхого Завета чаще говорит не о происхождении и причине зла, а о его конечной гибели, когда наступит Царство Божье, владычество Мессии Избавителя. Это мессианское владычество принадлежит земной истории, но в то же время простирается и за пределы исторического процесса (метаистория).

Подробно изучая период становления и развития новозаветной эсхатологии, протоиерей Александр Мень акцентирует внимание на том, что Царство Божье, стремление к которому является не только сердцевинной христианской эсхатологии, но и сущностью духовной жизни Церкви, является также духовным обществом, общностью людей. Богослов напоминает: «Есть две дороги: в Царство Божие и царство дьявола, царство страстей (хотя это все заманчиво). Там – погибель, здесь – спасение. Третьего не дано. Там – разрушение

¹¹ Мень Александр, протоиерей. Библиологический словарь в III т. – М.: Фонд имени Александра Менья, 2002. Т. I – 608 с.; т. II. – 560 с.; т. III. – 528 с.

человека, а здесь красота человека, его полнота, осуществление нашей жизни, счастье... Ибо Царство Божие, счастье Божие – это то, что у вас не может быть отнято миром, если вы его обретете в сердце»¹². Таким образом, отец Александр Мень описывает специфику эсхатологического подхода к истории человечества, выявляет неразрывную связь религии, культуры, политики, истории и личной духовной жизни, интерпретируя исторический процесс в парадигме мифологии и текстов Библии. Он дает подробную характеристику эсхатологическому процессу, систематизирует основные признаки эсхатологической проблематики в мифологии, античной философии и религии.

Во всех книгах пастыря прослеживается идея о том, что христианство является живой и неразложимой целостностью науки и веры, где синтез религиозного познания и рационального знания проливает свет на жизнь всего человечества. Церковь в истории мира, по мысли Меня, охотно вбирала в себя все ценное, что находилось в античной культуре. Известно, что святые отцы Церкви использовали наработки античных философов в построении своей богословской системы.

В своем изложении религиозной веры «Кредо. Основные жизненные принципы христианства»¹³ протоиерей Александр Мень переосмыслил непреходящее значение христианства для истории, культуры, науки, творчества настоящего и будущего всего человечества.

¹² Мень Александр, протоиерей. Прости нас, грешных. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2004. С. 41; 42.

¹³ Мень Александр, протоиерей. Кредо. Основные жизненные принципы христианства // Мень Александр, протоиерей. Трудный путь к диалогу. – М.: Фонд имени Александра Меня, 2001. С. 447–453.

При внимательном изучении тезисов «Кредо» становится вполне очевидным тот факт, что пастырь сделал неопенимый вклад в развитие христианской эсхатологии, истории, апологетики, а также в метафизическое осмысление междисциплинарных связей современной светской науки и христианского богословия.

Мень был глубоко убежден в том, что церковная история, богословие включают в себя общие социальные и духовные принципы становления и развития общества, христианское мировоззрение человека, экзистенциальный опыт бытия, историю человечества и многогранное творчество человека. Он всегда говорил о том, что «Христианство неисчерпаемо. Уже в апостольское время мы находим целую гамму типов христианства, дополняющих друг друга. Итак, если выразиться кратко, для меня вера, которую я исповедую, есть христианство как динамическая сила, объемлющая все стороны жизни, открытая ко всему, что создал Бог в природе и человеке. Я воспринимаю его не столько как религию, которая существовала в течение двадцати столетий минувшего, а как путь в грядущее»¹⁴.

Эсхатологическая мысль Меня существенно расширяет проблемное пространство богословского и философского знания современной науки. Священник объясняет принципы понимания, толкования, осмысления сущности всей человеческой истории.

Отстаивая свободу человека, будучи даже убежденным эволюционистом, пастырь никогда не абсолютизировал природный детерминизм, политику, экономику, науку, культуру. Он настаивал на примате духовных начал бытия над материальными интересами человечества.

¹⁴ Там же. С. 447.

«Христианство исповедует свободу как один из важнейших законов духа, рассматривая при этом грех как форму рабства»¹⁵. Человек, согласно идеям протоиерея Александра Меня, может обрести свою целостность только в Боге, в единении с Ним. Он писал о том, что христианство «знает, что приход на землю Богочеловека не был односторонним божественным актом, а призывом к человеку ответить на любовь Божию (Откр 3:20). Оно познает присутствие и действие Христа в Церкви, а также в жизни вообще, даже в самых простых, обыденных ее проявлениях»¹⁶.

Эсхатологическое видение протоиерея Александра Меня позволяет преодолеть односторонность эмпирического познания мира и нигилистическое мировоззрение. Эсхатологический подход к миру, сформулированный пастырем, открывает простор для развития современной богословской мысли. В соответствии с основными положениями его эсхатологического концепта жизнь человека должна стать движением к творчеству и подлинной и истинной свободе в Боге.

С эсхатологических позиций, происходит снятие преграды во взаимодействии реального (материального) и метафизического (духовного) в процессе формирования того или иного события из жизни Церкви, явления, организации. Таким образом жизнь Православной Церкви (проповедь и богослужение) охватывает пространственно-временной континуум, характеризующийся как «настоящее» и «настоящее – будущее». Отметим, что в отличие от прагматики и эмпирики, системный эсхатологический метод, о котором много размышлял

¹⁵ Там же. С. 449.

¹⁶ Там же. С. 447.

и писал протоиерей Александр Мень, применим в более широком диапазоне пространственно-временного континуума, характеризуемого как «прошлое», «прошлое – будущее», «настоящее», «будущее» христианского мира.

Свидетельство о вере является неотъемлемой частью жизни каждого православного христианина. Согласно учению Церкви, каждый христианин призван быть свидетелем Евангельской истины, проповедником Правды Божьей, миссионером, нести Благовест о Воскресении Христа и грядущем Царстве Божьем. Из этого следует, что смысл церковного просвещения заключается в том, что оно нацелено не только на передачу теоретических, интеллектуальных, духовно-нравственных и идейных убеждений, но и на передачу реального евхаристического опыта Богообщения.

Исторический и богословский метод протоиерея Александра Меня важен тем, что он рассматривает историю и будущее Церкви как взаимосвязанные процессы. С нашей точки зрения, без процессного эсхатологического подхода не представляется возможным изучить богословие Православной Церкви, понять сущность истории христианства. Главной особенностью христианской эсхатологии является то, что она ближе всего стоит к этапу разработки и принятию важных решений в глобальном стратегировании будущего христианской миссии.

Протоиерей Александр Мень предложил глубокий анализ и оригинальное истолкование библейской и церковной истории, религиоведения, богослужения и катехизации, предвосхитив многие открытия последующих священнослужителей, богословов и мирян – в

частности, именно он одним из первых затронул вопрос о нереализованном потенциале христианства в мировой истории. Следуя традиции русской религиозной мысли, которую он полюбил всем сердцем, он рассматривал мировую и русскую художественную литературу как составную религиозной философии, как своеобразную форму богословия литературы.

Мень исходит из религиозного толкования науки, истории, культуры, литературы, считая, что даже творчество человека уже само по себе является религиозным феноменом. Он рассматривает всякий творческий поиск истины человеком как разновидность миссии Христианской Церкви и церковного просвещения. Религиозный мыслитель был глубоко занят проблемами передачи веры молодому поколению. Он призывал священнослужителей быть толкователями целостности духовной жизни христианства, изучать противоречия существования современного человека со всеми трудностями и всеми надеждами современной цивилизации. Он был глубоко обеспокоен несовершенством церковной миссии, катехизации, и убежден в том, что человеческая жизнь без веры в Бога – бессмысленна и несовершенна.

Мень наглядно показывает, что особенностью богословской мысли современного периода является конструктивный диалог Церкви с обществом, опирающийся на потенциал религиозно-философской традиции христианства. Также он принципиально настаивает и на том, чтобы изучение Библии, истории Церкви было дополнено изучением религиозной философии и литературы. Основной методологической установкой его церковного просвещения было стремление соединить

теоретический анализ истории Церкви с этическим принципом осмысления богослужения Православной Церкви. Богослов, рассматривая богослужение в историческом контексте, подчеркивал важность богословского анализа духовной реальности православной аскетики.

Отец Александр многими современниками был признан талантливым проповедником, гениальным мастером церковного слова и видным христианским апологетом XX века в богословии и литературе. Однако его определенные духовные идеи и некоторые богословские мысли принимали не все, причем, и радикальные критики, и друзья, и единомышленники. Известно, что он всегда пытался найти свою специфическую, адекватную современным условиям форму христианского свидетельства и присутствия в современном мире, особенно в среде интеллигенции. Объективная необходимость этого богословского и духовного поиска обусловлена рядом причин, основная из которых связана с общими преобразованиями, происходившими в советском обществе. То есть проблема должна выводиться из плоскости, по преимуществу церковно-приходской, – в плоскость, где, по преимуществу, устанавливается конструктивный диалог Церкви и общества. Более того, этот аспект диалога играет определяющую роль, поскольку в современной светской науке пока еще доминирует сугубо материалистический, а не гуманитарно-интегративный научный дискурс.

Подытожим изложенное.

По нашему мнению, протоиерей Александр до конца дней своей жизни оставался выдающимся проповедником, просветителем, талантливым писателем, видным

церковным и общественным деятелем. Он был не просто известным священником в Русской Православной Церкви, но и уникальным религиозным мыслителем и неординарным христианским богословом и библеистом.

Несмотря на гонения на Церковь в советское время, в которое отцу Александру и выпало жить, в глубине своего сердца и разума он оставался верным свободе, творчеству, духовному обновлению христианства, непрестанному стремлению к познанию метафизических глубин основных мировых религий. Отец Александр был священником истинной христианской веры. Обладая выдающимся умом, блестящим богословским и ораторским талантом, разносторонней культурой – он был одним из ученейших людей советской эпохи. Именно у него встречается гармоничное сочетание православной веры, глубокой духовности, интеллектуальной мощи, мастерства слова, что наглядно демонстрируют его книги, научные статьи, проповеди, лекции и духовные беседы.

Таким образом, богословское наследие протоиерея Александра Меня, его эсхатологические концепты больше всего требуют научного исследования богословов и философов, занимающихся историей и теорией эсхатологической мысли христианства.

*Киев – Норильск
Апрель 2022*

Иеромонах Иосиф (Киперман)

О ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ

Тело, разорванное на части

Апостол Павел называет Церковь Телом Христовым. И это Тело разорвано сегодня на части! Тело Христова разорвано на Западное и Восточное христианство. В свою очередь, Восточное православие расколото на множество отдельных Церквей. Наконец, внешне не столь заметный, но, наверное, самый драматический разрыв – разделение между епископатом, клиром и мирянами. Особенно далеко зашло оно в Русской Православной Церкви, где связь между епископами, священниками и прихожанами проявляется лишь в момент богослужения, и то ненадолго и во многом формально. За пределами же храма у них нет никакой общей жизни, а зачастую и вообще ничего общего.

На самом деле проблема эта не нова, о ней писали и славянофилы, и Владимир Соловьев, которые считали корнем всех бед зависимость Церкви от имперской власти. Но сейчас мы видим, что Церковь сама стала подобием государственной машины власти.

Византийское проклятие русского православия

Начало превращения духовного организма со Христом во главе в механическое сцепление административных единиц, управляемых бюрократической машиной епископата, было положено задолго до появления

на исторической сцене российского государства. Преобразования начались в IV веке, при императоре Константине, объявившем христианство государственной религией. Тогда произошёл первый трагический церковный раскол – между первохристианской апостольской Церковью и Церковью новокрещенных язычников.

Служение Богу совершается со времени Скинии Собрания, установленной Моисеем по повелению и начертанию Бога. Это служение перешло в Храм, построенный Соломоном и освященный Всевышним, которое выразилось в появлении и последующем нахождении в нём т.н. Шехины, что христианские богословы называют присутствием благодати Святого Духа или Его собственным присутствием. В те времена народ Израиля представлял собой единое целое, как Община, потому в христианском богословии он именуется Ветхозаветной Церковью. Когда единство Общины было разбито иностранными завоевателями, а Храм разрушен, духовные вожди Израиля придумали новую форму для сохранения веры в Единого. Этой формой стал Бэйт Кнессет, Дом Собрания или Синагога (греческое название, происходящее от глагола «синаго» – собирать). Синагога, как собрание, оказалась действенным средством для сохранения не только веры одного поколения, но и сохранения рода и родовых традиций веры многих поколений. Когда Иешуа Машиах (именуемый вне Израиля Иисусом Христом) пришёл к народу Израиля, чтобы установить в нём Царство Божие, Он нашёл уже готовые формы для прославления и поклонения Богу: Храм с его торжественными праздничными службами с принесением в жертву животных и синагоги, в которых совершался круг молитвенных Богослужений и читалось

Священное Писание. (Кстати, в апостольских посланиях Писанием называется не Новый Завет, который тогда не существовал ещё в письменном виде, а Танах, т.е. Пятикнижие Моисея, Пророки и исторические книги.) В период общественной проповеди Иисуса Христа, Он Сам и избранные Им апостолы приходили на праздники в Храм, а в остальное время года бывали в синагогах. Однако, будучи учениками одного раввина, т.е. Иешуа, собирались с ним на субботнюю трапезу в каком-нибудь доме, поскольку их Учитель был странствующим проповедником. Переломный момент наступил, когда Иисус изменил образ благочестия с тем, чтобы с его помощью вновь собрать народ Израиля в единое тело, обновлённый Бэйт Кнессет, Общину Нового Завета в Его Плоти и Крови, Новый Израиль. Это случилось на так называемой «Тайной Вечери», пасхальной трапезе (согласно синоптикам), когда по окончании ужина Он преподал апостолам Свои Тело и Кровь для вкушения, через которое совершилось их приобщение к Жизни Вечной. После Воскресения Господа и Его Вознесения к Отцу, апостолы, согласно Его повелению, находились в Иерусалиме. Известно из *Деяний*, что они ходили на молитву в Храм, собираясь в т.н. «притворе Соломона», но ежедневно молились в чьём-то доме, где совершали заповеданное Господом воспоминание Его через повторение таинства Тела и Крови, совершённое на Тайной Вечери. На одном из таких молитвенных собраний совершилась новозаветная Пятидесятница, когда почил на каждом его участнике Святой Дух, обновивший их естество, соделав их «новым творением», открыв их духовное зрение и наделив Силой для распространения Нового Завета во всём Израиле и среди других наро-

дов до края Земли. На этом завершается эпоха Храмового благочестия (ещё до разрушения Иерусалимского храма) и начинается эпоха Жизни в Боге, через Святого Духа, присутствующего на молитвенных собраниях Общины. Теперь это уже собрания «царственного священства», на которых повторяется заповеданное Христом, воспоминание Его в Таинстве Тела и Крови. Причём собрание сопровождается как чтением Псалмов и отрывков Писания (В. 3.), так и молитвами, произносимыми в духе председателем собрания и его участниками. Такие общины, которые по слову Христа, сказанному самарянке, не нуждались в специальных помещениях, собираясь часто по домам и даже на лоне природы, просуществовали целых три века, выстояв в эпоху гонений на них со стороны языческой Римской империи (преследования со стороны иудеев, бывшие в начальный период проповеди, продолжались недолго и прекратились с разрушением Иерусалима римским войском и рассеянием еврейского народа). Сохраниться этим общинам удалось только по той причине, что в них пребывал Святой Дух, та самая Шехина, которая ушла из Иерусалимского Храма, после чего он был разрушен. Однако Дух никогда не действует отдельно от Отца и Сына, иными словами, Сам Единый в Троице Бог был неразлучен с Общиной Нового Завета.

Христианские общины, выйдя из подполья, стали строить для молитвенных собраний собственные здания. «Собрание» по-гречески – «эклéссия», и помещение для общинных собраний получило по аналогии название «церкви», по-гречески – «эклесс́ия». Но не у всякой общины были средства на постройку церкви, большинство по-прежнему продолжали собираться

«по домам», то есть у кого-то из верных. Тогда государственная власть, обычно подозрительная ко всякого рода несанкционированным объединениям граждан, взяла на себя строительство молитвенных зданий для общин, достигшее вскоре невиданного размаха. Скромные церкви стали преобразовываться во все более величественные, поистине имперские храмы, наполнявшиеся новокрещенными язычниками, в массе которых растворились апостольские общины.

В новых формах проявилось и новое содержание. До той поры собрание общины было литургией, «общим делом» в полном смысле слова, в котором принимали участие все ее члены. Они читали Слово Божие, молились, пели несложные духовные гимны. Центральный момент литургии, когда освящаются Святые Дары, анафора, тоже была совместной молитвой всей общины, а потому совершителем таинства оказывался каждый его участник. Это особо подчеркивал в своих проповедях Иоанн Златоуст, говоря, что он, как предстоятель, является лишь «руками народа Божьего». После причастия Христовых Тайн все члены общины также вместе участвовали в агапе – трапезе любви, завершавшей церковное собрание.

Когда богослужение переместилось под своды огромных храмов, характер его начал меняться. Постепенно оно превратилось в публичное действие, своего рода «священный театр», в котором появились профессиональные служители и простые зрители священнодействия. Чтение Слова Божия значительно сократилось, анафору обставили торжественными процессиями клириков и многоголосым пением хора. После причастия все стали расходиться по домам, от «вечерей любви»

остались только трапезы для клириков. Общее собрание распалось, и члены эклессии превратились в «прихожан» храма, который, подменив собой молитвенную общину, — камень Церкви Христовой, стал камнем в фундаменте империи.

С распадом общины стала исчезать и внутренняя связь народа и клира в совместной молитвенной жизни. Священнослужители свели свои отношения с прихожанами ко всякого рода внешним благословениям и совершениям в индивидуальном порядке таинств «по требованию», так называемых «треб». Но еще дальше от народа оказались епископы, бывшие некогда духовными руководителями христианских общин, вокруг которых, как вокруг сердца, вращалась вся церковная жизнь. Они стали все больше походить на имперских чиновников, переняв во многом их замашки и образ жизни. А когда епископат присвоил себе право выбора клириков и кандидатов на епископские места, он и во все превратился в закрытую корпорацию.

Византийская имперская власть, провозгласив себя христианской, сама не преобразилась в подлинно христианском духе. В деле своего укрепления она по-прежнему не знала иных средств, кроме насилия, используя христианскую религию как оружие в своей внутренней и внешней политике.

Лучшие представители Церкви решительно выступали против этого. Но силы были не равны, и, в конце концов, Византия навязала свой имперский дух Церкви, находящейся в ее границах. Этот дух разделения и насилия и стал движущей причиной всех расколов — как внутри Восточного христианства, самоназавшегося православным, так и его отделения от христианства

Западного, остающегося католическим (в греческой транскрипции – кафолическим, или вселенским).

Имперский дух стал тем наследием, которое досталось новорожденной Церкви Киевской Руси. Но ее юный организм, соединенный в те времена с Европой, какое-то время боролся с ним. Церковь Киевской Руси не стала придатком столь же юного русского государства, правители которого, – князья, не всегда смотрели на Церковь свысока, относясь к духовной власти, по меньшей мере, как к равному партнеру.

Кардинальные изменения начались на Руси Московской в XV веке, при князе Василии Тёмном, подчинившим Церковь своему диктату и силой навязавшим ей курс на отделение от Европы и Византии, только что нашедших, наконец, формулу согласия на Флорентийском Соборе.

В последующие века изоляция московского православия от христианского мира и подчинение Православной Церкви государству только усиливались.

Так продолжалось вплоть до Февральской революции 1917 года, только после которой Российская Церковь впервые в своей истории без давления со стороны государственной власти смогла собрать Собор из свободно избранных представителей епископата, клира и мирян, поставивших перед собой задачу вдохнуть новую жизнь в распавшееся на части церковное тело, вывести Церковь из тупика, в котором она оказалась под имперской властью. Им удалось наметить реформы, ведущие к возрождению церковных общин в духе братской христианской любви. Отношения с внешним миром должны были строиться не на пресловутой симфонии с государственной властью, а на основе консен-

суса со всем российским обществом в духе истины и свободы.

Но этим надеждам не суждено было сбыться. В октябре 1917 года произошел государственный переворот, власть захватили богоборцы-большевики, развязавшие поистине сатанинский «красный террор», унесший миллионы человеческих жизней.

Гибридная Церковь

В дальнейшем Советской власти потребовалась легитимация на международной арене, и для признания Западом ей пришлось строить демократическую декорацию со свободой религий. Безбожникам понадобилась Церковь!

Прежде всего, Советской власти надо было найти иерархов, которые были бы готовы на сотрудничество. После нескольких неудачных попыток они отыскивали, наконец, нужного человека. Им оказался митрополит Сергей (Страгородский), который, захватив патриаршую власть, принялся за страх и за совесть выполнять условия договора с безбожниками, изложенные им в Декларации 1927 года, вошедшей в историю как «декларация о лояльности».

Церковно-административная машина, управляемая митрополитом Сергием, стала эффективным идеологическим оружием Советской власти. Задействовав ее рычаги, коммунисты спровоцировали разделение российской Церкви на тех, кто пошел за Сергием, и тех, кто остался верен духу и постановлениям Всероссийского Церковного Собора. На них, наиболее сознательных и стойких членов Православной Церкви, гонения обрушились с удвоенной силой.

При этом Советская власть последовательно минимизировала роль Церкви в обществе, превращая ее в особое заведение для пенсионеров, задвинутое в дальний темный угол так, чтобы большинству населения было неведомо само ее существование. Применялись грубые меры насилия и давления на людей. Одних обрекали на тюрьмы и ссылки, других делали изгоями общества, лишая их работы и отнимая детей.

Но главной задачей безбожников была подмена христианского содержания Церкви коммунистическими идеалами – при внешнем сохранении традиционных церковных форм. Советская власть начала создавать из «сергиан» свою «гибридную церковь». Внешне очень похожую на прежнюю, дореволюционную, но с такими епископами, священниками и прихожанами, которые по своему мировоззрению должны были стать советскими людьми.

В соответствии со сталинским афоризмом «кадры решают все», коммунисты занялись подбором на ключевые церковные места людей, жаждущих власти, развращенных, беспринципных и двуличных, прикрывающих свою сущность маской благочестия, которых делали епископами, настоятелями кафедральных соборов и монастырей. Именно они стали преследовать истинных христиан, вытеснять их на периферию церковной жизни.

Впрочем, «компетентные органы» не предполагали заменить своими агентами абсолютно все духовенство. Они позволили существовать и некоторому количеству искренних церковнослужителей, ограничив их число настолько, чтобы, с одной стороны, те не могли изменить саму систему, а с другой, чтобы их присут-

ствие скрывало от глаз простых верующих масштабы гигантского процесса перерождения Церкви.

Важной вехой формирования «гибридной Церкви» стал съезд управленческой верхушки Московской патриархии в 1945 году, устроенный по образцу съездов ВКП(б) и названный привычным для церковного слуха словом «собор». На этом «соборе» открытым голосованием, вне всякого соответствия канонам Церкви, была единогласно одобрена выбранная властями кандидатура митрополита Ленинградского Алексия (Симанского), который стал «Патриархом Московским и Всея Руси» вместо умершего Сергия.

После этого, с помпой проведенного «собора», на котором присутствовали делегации некоторых поместных православных Церквей, у Сталина случилось «головокружение от успехов», и он решил выдвинуть Москву на роль столицы мирового православия с патриархом Алексием во главе. Но оказалось, что мировое православие давно уже имеет своего главу – Константинопольского патриарха, именуемого Вселенским. Его влияние в христианском мире было достаточно велико, чтобы противостоять Москве. И вождь советского народа вынужден был отказаться от этой идеи, ограничившись операциями на внутрицерковном фронте.

На прошедшем «соборе» произошло одно важное событие – присоединение к Московскому патриархату исповедников веры из числа «непоминающих» митрополита Сергия. До сих пор остается спорным вопрос: правильно ли они поступили, пойдя на компромисс с «сергианами»? Вероятно, тогда казалось, что донести правду до церковного народа или хотя бы сохранить знание о ней невозможно, оставаясь в «катакомбах».

Вокруг этих личностей, прошедших тюрьмы и лагеря исповедников веры, и сконцентрировался «остаток верных». Но их духовно-нравственное влияние не могло оздоровить общую атмосферу внутри Московского патриархата, изменить к лучшему духовенство, формированием которого занимались доблестные чекистские органы совместно с епископами, присягнувшими на верность советской власти.

Кузницей этого нового «советского духовенства» стали духовные академии и семинарии. Разогнанные в период наиболее жестоких гонений, они были открыты в конце 1940-х годов, разумеется, при полном контроле со стороны властей, производивших не только подбор учащихся, но и преподавателей, чтобы направлять учебный процесс в нужном им духе.

В конце 1950-х годов советские вожди решились разоблачить сталинские преступления, списать их на «культ личности». Чтобы спасти пошатнувшуюся репутацию, они провозгласили государственной задачей построение коммунизма к 1980 году. Как из этого мифа создать реальность, никто не знал. Понятно было только то, что в коммунистическом раю Церкви места нет.

Тогда Хрущевым и была развернута широкая антирелигиозная кампания – с закрытием храмов и семинарий под шум саморазоблачений сломленных или завербованных священнослужителей. КГБ пришлось подчиниться начальникам из ЦК КПСС и сдать несколько своих самых ценных агентов. Гвоздем всей компании стало отречение бывшего профессора Ленинградской духовной академии священника Александра Осипова, принявшего затем ездить по стране с антирелигиозными лекциями.

Однако заметного сокращения числа верующих не произошло. Оно и так было невелико после всех гонений, когда остались самые стойкие в вере, по большей части, пожилые женщины из бедных слоев, «бабушки», которые, несмотря ни на какие внешние катаклизмы, и так уже целый век были основой приходов Православной Церкви. А после того, как Хрущев был отстранен от власти, кануло в вечность и «окончательное решение» церковного вопроса.

Жестокая сталинская эпоха не прошла бесследно для народа, она изуродовала его душу, наполовину уже омертвевшую после того, как у нее отняли Источник вечной жизни, заменив Его на пустые обещания земного рая. Однако и в этой покалеченной душе появилась тяга к духовному возрождению. Несомненно, толчком послужила война, после которой людям захотелось просто пожить нормальной человеческой жизнью. В дальнейшем за естественными запросами пришли и более высокие — о жизненной правде, о человеческом достоинстве, о возвышенных отношениях любви, бескорыстия и взаимопомощи.

Ответом на эти вопрошания стало появление поколения «шестидесятников», возродивших в своем творчестве человечность, свойственную русской культуре, в противоположность пустоте «социалистического реализма», навязываемого властью. В этом поколении появились и «диссиденты», «инакомыслящие».

Православное духовенство, растерявшее в ходе предшествующих гонений на Церковь почти весь свой духовный и интеллектуальный потенциал, стояло в стороне от культурного возрождения. Однако, несмотря на критику со стороны священноначалия отдель-

ных диссидентов, например, Солженицына, Церковь открыто и последовательно все же не выражала свою позицию. Так что союз между интеллигенцией и церковным народом потенциально был возможен. Чтобы не допустить такого развития событий, КГБ через своих ставленников в церковных кругах усилил промывку мозгов духовенства, прихожан и учащихся духовных школ. Официальная идеология к тому времени стала утрачивать бывшее влияние на советских людей, которые, несмотря на железный занавес, все больше узнавали о жизни в свободном мире. Прагматики КГБ это понимали, и они стали искать более подходящую к историческому моменту идеологию. Тогда-то и были вытащены на свет пресловутые «Протоколы Сионских мудрецов». Появившиеся в начале двадцатого века, они сразу стали популярны в России, но после революции были запрещены и распространялись только за границей.

В среде духовенства, особенно провинциального, «Протоколы» подменили собой знание истории и ценились наравне с Библией. Ведь они объясняли все: от тайных пружин управления миром до причин российского бедоужья. Простому человеку льстило то, что он стал обладателем тайного знания, недоступного более образованным, но непосвященным людям.

В среде духовных школ идеи, выраженные в «Протоколах», тоже быстро нашли признание, поскольку несли в себе тот же «гордый» дух антисемитизма и превозношения над Западом, насаждавшийся в этих школах.

Перед наступлением исторических перемен в конце 1980-х годов, епископат РПЦ представлял собой закры-

тую корпорацию нравственно разложившихся типов, переродившихся в духе атеистической власти, в служении которой он состоял. Все они вжились в роль церковных владык. Духовенство, за редким исключением, превратилось в «служителей культа». Обязательным условием благополучия была лояльность к власти и отказ от проповеди христианства словом и примером своей жизни.

Одновременно катастрофические изменения претерпевало монашество. После уничтожения монастырей остатки монахов ютились в четырех обителях, находившихся на территориях, присоединенных к СССР накануне войны. Эти монастыри представляли собой настоящие феодальные хозяйства. Настоятель монастыря был его хозяином, монахи – бесправными рабами. После отхода в мир иной старого поколения монахов, новым монастырским насельникам уже не у кого было учиться монашеским традициям и навыкам духовной жизни.

Но больше всех страдали простые верующие, которым негде было узнать об основах христианской веры. Они не могли приобрести религиозную литературу, поскольку ее чтение запрещалось властью и не особенно поощрялось Церковью. У мирян не было привычки к чтению Св. Писания, они не имели понятия о самостоятельной духовной работе, оставаясь непросвещенной средой, в которой распространялись всевозможные предрассудки и самодельные обряды вроде доставшегося от XIX века культа «святых старцев» и легендарных «стариц-матрон».

Церковь стала наполняться всякими проходимцами и темными личностями, а затем и целыми организа-

циями, использующими для своих целей церковный камуфляж. Одновременно с деградацией веры и нравственным перерождением продолжался процесс размывания границ Церкви, растворения ее в мирской стихии.

«Церковный Корабль разбит» – этот факт, констатировал еще епископ Игнатий Брянчанинов сто пятьдесят лет назад. «Спасаемся кто на лодке, кто на плотике» – так образно высказывался о дореволюционной Церкви один из самых суровых ее критиков. В советское время последние плотики и лодки стали уходить на дно.

В 1990-е годы наступила, казалось бы, долгожданная религиозная свобода. Однако к тому моменту силы, господствовавшие в Церкви, уже твердо определили направление ее движения и громко заявили об этом убийством отца Александра Меня, великого пастыря-проповедника и богослова, носителя истинно христианского духа, который мог бы указать путь к Богу целым поколениям.

В начале третьего тысячелетия процессы разложения и перерождения Церкви значительно ускорились. Теперь клирикам уже можно было не бояться компромата, собранного на них в Совете по делам религии. Архиереи, замешанные в преступлениях на гомосексуальной почве, стали походить на мафиози, выпущенных на свободу, кичиться своим богатством, не стыдиться вести разгульный образ жизни. Сообща они стали преследовать и расправляться со священниками, не желавшими воздавать им божеские почести.

Примером может служить судьба нашего выдающегося современника, отца Павла Адельгейма. В лагере, куда он попал молодым священником в 1969 году, его

первый раз пытались убить. Отец Павел чудом остался жив, но потерял ногу. Когда вышел на свободу, ни один архиерей не решался принять его в свою епархию, кроме митр. Рижского и Латвийского Леонида (Полякова, 1913-1990). А позднее, с трудом ему удалось устроиться в Пскове.

В отце Павле соединялись редко сочетаемые таланты. Он обладал тонким богословским умом, которому открывались глубины веры, был великолепным проповедником, излагавшим простым языком евангельские истины, и при этом умел все делать своими руками. Он создал вокруг себя целый мир – с интернатом для детей-инвалидов, школой церковного пения, общеобразовательной православной гимназией, первой в постсоветской России.

Но все, что созидал отец Павел, разрушил появившийся в епархии в 1993 г. архиерей, известный своими связями с КГБ, записавший его в свои личные враги. Отцу Павлу была подстроена автомобильная авария, и опять чудом, во второй раз в жизни он едва избежал смерти. Затем епископ в присутствии всего епархиального духовенства подверг его публичному ostracismу и анафеме за книгу «Догмат о Церкви», содержащую анализ нынешнего состояния РПЦ. По мысли отца Павла, Церковь, подобно человеку, должна иметь свое лицо, чертами которого являются ее характеристики, взятые из Символа веры: Единая, Святая, Соборная и Апостольская. В своей книге он показывает, что Церковь в России ныне лишена всех этих черт.

Отец Павел голосом древних пророков смело обличал общество в отступлении от Божией правды, что приводило в ярость ее врагов, ведомых Сатаной. И, в

конце концов, им удалось убить исповедника веры Христовой. Это произошло в 2013 году, в его собственном доме в Пскове, через несколько дней после его 75-летия.

Мистическая карикатура

Русский историк Антон Карташёв называл СССР «мистической карикатурой на императорскую Россию». Воспользовавшись этой метафорой, Русскую Православную Церковь Московского патриархата можно назвать мистической карикатурой на дореволюционную Церковь Российской Империи, утрирующей, как и положено карикатуре, все ее характерные недостатки.

Связь епископа с Церковью описана в образах церковного символизма как отношения жениха и невесты. Перемещение архиерея с кафедры на кафедру воспринимается как расторжение его мистического брака с Церковью, что неуместимо в каноническое сознание. Во Вселенской Церкви архиереи избирались на кафедру пожизненно. В дореволюционной синодальной Церкви это правило грубо попиралось, архиереев перемещали по епархиям, вырывая их тем самым из церковного тела и выделяя в особую касту, стоящую над Церковью.

Это привело к тому, что жизнь епископата перестала носить характер живой евангельской проповеди. У «князей церкви» не осталось никаких обязанностей перед церковным народом, кроме совершения помпезного богослужения в византийском стиле. Епископ по ментальности, образу жизни и поведенческим стереотипам превратился в государственного чиновника,

административного главу епархии. В XIX веке зависимость епископата от Священного Синода и имперской власти стала поводом для обличения российской иерархии в неканоничности. Справедливости ради надо заметить, что архиереи того времени, будучи людьми христианской совести, сами часто страдали от своего заточения в «золотой клетке».

При Советской власти неканоническое состояние иерархии стало нормой. С тех пор положение остается неизменным. Более того, оно оказалось закрепленным в новом Уставе Церкви. Рядовое городское и сельское духовенство при всех различиях в образе жизни, остается по-прежнему в рабской зависимости от архиерейского сословия. В городе эта зависимость менее ощутима, поскольку семья священника не привязана к месту его служения и не так страдает от его перевода с одного прихода на другой. В сельской местности, где отношения с рядовыми клириками строятся по образцу крепостного права, когда священник приносит архиерею оброк с прихода, перевод в другое место становится катастрофой для всей семьи.

Архиерей сегодня по-прежнему посылается в епархию как некий боярин на кормление, вольный казнить и миловать по своему усмотрению. В отсутствие реального церковного суда на него нет никакой управы. Священник беззащитен перед архиереем, в любой момент он может быть запрещен в служении и даже лишен сана, поэтому архиерейский гнев для него куда страшней гнева Божьего.

В прежнее время архиереи все же ценили исповедников, претерпевших страдания за веру, они назначали их настоятелями кафедральных соборов как светильников,

способных привлечь к Церкви тысячи душ. Нынешним епископам, гонителям истинных христиан, угодны только наемники по духу, они и составляют большинство епархиального духовенства. А если в епархии находятся клирики, пытающиеся противопоставить атмосфере страха и человекоугодия дух Христовой любви и свободы, эти исповедники веры подвергаются травле от своего епархиального архиерея и его холуйствующего окружения.

Церковное общество не может защитить своих пастырей, у него нет для этого никаких правовых инструментов. Своему безразличию к голосу паствы епископ находит оправдание в новом церковном Уставе, принятом на Соборе в 2009 г. в котором отсутствует такой субъект права как «церковный народ», в то время как в гражданском законодательстве он существует под именем «учредителей прихода». Но архиереями этот государственный закон игнорируется, они в любой момент могут разогнать неугодных учредителей и набрать новый церковный совет. Иными словами, Московская патриархия вывела основную часть Церкви за ее ограду.

Миссия духовенства в Церкви Христовой – освящать мир и преображать его, поднимая из падшего состояния, в котором он находится, до Царства Небесного. Духовенство же РПЦ освящает мир в его падшести, вовсе не собираясь его изменять. Патриархи благословляют военные интервенции, архиереи и священники освящают самолеты, ракеты и подводные лодки, кропят помещения банков и ночных клубов, да и любой предмет за соответствующую плату, – подобно древним жрецам.

На пути возвращения

Сегодня для христианства наступил критический момент. Речь идет о возрождении в нем Духа Христова, Духа Апостольской Церкви. Для русской и греческой Церквей это актуально в первую очередь. Они должны взять на вооружение совет отца Георгия Флоровского – вернуться к святым отцам. Но не того исторического времени, на которое он указывал (IV–X вв.), а дальше – к святым той эпохи, когда греко-римский мир отверг первохристианскую апостольскую общину, когда христиане из язычников, как говорится, вместе с водой выплеснули и младенца. Отказавшись от обрядов и установлений ветхозаветной религии, они отказались воспринять и ее сосредоточенность на исполнении заповедей, не предав значения тому, что Самим Господом было поставлено во главу веры в Него: «Кто хранит Мои заповеди и исполняет их, он и есть тот, кто любит Меня» (Ин 14:21). Практическое христианство, делание заповедей, было ответом религиозного чувства евреев на присутствие среди них Живого Бога. Язычники, не прошедшие тысячелетнюю школу Моисеева Закона, этого, по слову апостола Павла, «детоводителя ко Христу», став христианами, поняли новую веру в большей степени как умственное знание о Боге, а не как духовное единение с Ним.

Церковь, принявшая неевреев в свои ряды на первом Соборе в Иерусалиме, преподала им наставление в новой благодатной жизни, проявив невиданную для той эпохи и актуальную до сего дня толерантность. На всех последующих Соборах, при отсутствии этой Церкви,

христиане греко-римского мира занимались лишь бесконечными спорами об умозрительных истинах. Следствием этого первого в церковной истории раскола, стала потеря «Церковью языков» драгоценного наследия апостолов – общины верных Завета, в которой постоянно присутствовал Христос, невидимо пребывающий там, где христиане собираются на братские молитвенные собрания. «Церковь языков» оставила Господу возможность появляться только в Храме, только во время литургии, и теперь она уже не может, строго говоря, именоваться Апостольской, хотя записала это в свой Символ веры.

Дальнейшая история христианства представляет собой борьбу «священства» и «царства». Но судьбы обеих половин единой Церкви идут разными путями. В Западной Европе появляется надгосударственное образование – «империя Пап», церковная монархия, подчинившая себе светских правителей и ставшая во главе средневекового общества. Благодаря институту папства, христианская жизнь в латинском мире унифицировалась в рамках культового благочестия, которое Церковь старалась уберечь от разложения на своих Соборах. В дальнейшем Западная Церковь вышла далеко за эти рамки, чтобы проявить себя в различных жизненных сферах. Приверженная идеалу молитвы и деятельности («Ora et Labora»), она распространила свое служение по всему миру с помощью духовных движений инициативных священников и мирян, миссионерской и общественной работы.

Несмотря на это, Западная Церковь продолжает жить в старой парадигме священства и царства. Только теперь под «царством» понимается не Римская Империя,

окруженная варварскими народами, а целый секулярный мир. И этот мир католичество пытается победить силами священства, не того «царственного священства», каким была древняя апостольская Церковь, а силой одного лишь институционного священства, клерикальным войском.

Царственное священство – это такое духовное состояние еkkлeсии-общины, когда благодать Духа Божия равно распространяется на всех членов собрания, распределяя дары соответственно месту каждого. В Имперской Церкви эту благодать присвоило и распоряжается ею по своему усмотрению институционное священство. Конечно, миряне принимают какое-то участие в церковной жизни, но они остаются «прихожанами», приходящими в храм, а не собирающимися в еkkлeсию. Так что, вопрос о живой христианской общине, объединяющей верных, остается нерешенным и откладывается до тех времен, когда произойдет уврачевание первого раскола, не в смысле объединения с Апостольской Церковью, которой уже давно нет, а в смысле изменения менталитета, когда во главу угла будет поставлено учение Самого Христа.

«История христианства только начинается» – многие знают этот тезис отца Александра Меня. Но, что он означает и как его понимать? Церковь Христова существует уже две тысячи лет, разве она не представляет собой христианство? Жития Святых, страдания мучеников, подвиги молитвы и поста Преподобных – разве это не христианство? Да, христианство! И сегодняшняя Церковь – это христианство... вот, только не то, которое установили апостолы Христовы, но – имперское, гордо назвавшее себя: «Новый Израиль». А то, что

иудео-христиане называли: «расширенный Израиль», исчезло, и понимающие это ждут его возрождения, т.е. опять-таки, – начала. Да, святые мученики и преподобные – это христиане, они существуют, но это не значит, что существует христианство. Потому что это внешнее название для учеников Христа, как известно из «Деяний Апостолов», появилось в Антиохии первого века н.э. и этим названием именовалась также и вся Община, которая исчезла, растворившись, как соль в воде, в стихии Имперской Церкви. Поэтому ожидание возрождения Общины есть одновременно и ожидание Второй Пятидесятницы, которая вернёт христианам потерянный ими в расколах Дар Святого Духа.

Восточное Православие ныне раздроблено на национальные церкви, между которыми отсутствует единство по основным вопросам веры и богослужения. Если Православная Церковь не станет по-настоящему единой, то в будущем она может вовсе исчезнуть. На Ближнем Востоке – под ударами воинствующего ислама, в Европе – из-за неспособности ответить на вызовы времени, в греческой диаспоре и в самой Греции – из-за формализации культа и церковной жизни. В России же Церковь превратилась в свою противоположность, а ее центральный аппарат откровенно служит безбожной власти.

Невооруженным взглядом видно одно: преодоление всех церковных бед, реализация преобразований церковной жизни станет возможным только в условиях существования свободной, самоуправляющейся по соборному принципу, Церкви в свободной стране.

(Печатается в сокращении)

*Коринф, Греция
2022 г.*

Протоиерей Михаил Аксёнов-Меерсон

**ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ШМЕМАН:
ДАР АПОСТОЛЬСТВА**

Отец Александр Шмеман (1921–1983) вошел в историю как главный устроитель 15-й автокефальной, самой молодой в мире – Православной Церкви в Америке, чему начало было положено переселением семинарии, из ее нищенского положения приживалки в нью-йоркской епископальной духовной школе, в Крествуд в собственный кампус. Но вот закончилась «шмемановская» эпоха ПЦА (Православной Церкви в Америке, далее ПЦА), связанная со Свято-Владимирской семинарией. Ее совет правления во главе с президентом приняли решение о продаже семинарского кампуса под Нью-Йорком с переселением семинарии в штат Техас и её переименованием. Каково бы ни было последствие этого решения, заставшего врасплох руководство нашей Церкви, оно свидетельствует о разрыве семинарии со своим прошлым, связанным в первую очередь с деятельностью о. Александра Шмемана и наследием его предшественников и преемников, восходящим к Свято-Сергиевскому институту в Париже с его богословской традицией. Конечно, никто прямо не отрекается от его наследия, наоборот, отдельные фразы из речей и проповедей о. Александра, как некие мантры, слышатся на фоне обращений ее нынешнего ректора. Но это вырванные из контекста фразы, подобно цитатам из классика, или стихам из Писания, которыми умелый политик или же проповедник проталкивает свою

программу, представляют Шмемана узким фундаменталистом, весь вклад которого в наследие американского и мирового православия ограничивается огульным осуждением современности и попыток христианской религии, правда не всегда удачных, к ней приспособиться. Сама тенденциозная подборка цитат из него свидетельствует об отрицании наследия о. Александра и стоящей за ним традиции, либо о безжалостной редукции её до абсурда.

На самом деле о. Александру удалось создать поместную американскую церковь из провинциальной русской митрополии в Америке потому, что он сочетал глубокую православную церковность с удивительной открытостью к современности, с ее экзистенциальной прочувственностью и постоянным усилием ее осмыслить в христианском ключе. Ошибочно было бы приписывать ему какую-то программу, тем более, фундаменталистскую, потому что никакой программы у него вообще не было. Он действовал как богослов, учитель, пастырь и проповедник с поразительным чувством истории и открытостью ко всему новому, всякий раз ища церковно правильный и эффективный ответ на новую возникшую ситуацию. В его поле зрения входило все то, на что православная среда в целом привыкла не обращать внимания и проходить мимо в лучшем случае, либо же, заметив, спешить бездумно осудить, а если можно, то и заткнуть, и запретить.

В этом очерке я постараюсь рассмотреть деятельность о. Александра в свете его собственного дневника. Отец Александр вел его последние десять лет своей жизни с 1973 почти до самой смерти. Никто, даже самые близкие члены его семьи, не подозревали о его

существовании. Дневник отражает тайную и тщательно скрываемую работу духа и ума в постоянных сопоставлениях образов окружающего его со всех сторон православия с тем образом, который сложился в его собственном внутреннем мире, подобно образу скинии, которую Господь показал Моисею, в личной, так сказать, аудиенции на Синае, с повелением сделать все так, как он видел на горе (ср. Исх 25:9). Из этого дневника, представляющего размышления и беседы с самим собой, выступает образ священника-миссионера, человека, которого можно уподобить Эоловой Арфе, оказавшейся на куполе вселенского православия, отзывающейся своей собственной мелодией на дуновения всех ветров современности. Это образ свободно мыслящего православного христианина с живым сознанием своей миссии, вобравшего и хранившего церковную традицию в достаточной полноте, но и не закрывающего глаза на ее ограниченность. Более того, он сам в себе эту ограниченность преодолевал, воплощая свое широко раздвинутое видение православия в новых для себя американских условиях. Чтобы охватить размах и потенции того явления, которое возникло его трудами, а именно ПЦА, надо постараться увидеть и его личность в ее многогранности, противоречивости и постоянном внутреннем динамизме, с удивлением открывающем новизну и непредсказуемость той реальности, которой он помог появиться на свет. Так мать поражается чуду свободной личности в собственном ребенке, узнавая в нем новизну неповторимого творения Божия, что и выразила первая мать человечества по Библии, прама-терь Ева, увидев своего первенца и сказав «приобрела я человека от Господа» (Быт 4:1) Так можно сказать,

что трудами о. Александра, православная митрополия в Америке приобрела свою автокефалию от Господа, став новой поместной церковью. Чтобы не быть голословным, приведу один такой пример из его *Дневников*. В них находим упоминание о его поездке в Мексику по приглашению недавно принятой в ПЦА мексиканской старокатолической епархии: «...Едем на “банкет” в честь вл. Димитрия и меня¹. “Банкет” у очень простых людей, в очень маленькой квартирке. Человек двадцать – все православные мексиканцы. Но такого радушия, такой простоты... – с таким достоинством

¹ Мексиканский экзархат Православной Церкви в Америке возник после перехода в православие независимой Старо-католической Церкви, которая была образована в 1926 году в Мексике, отделившись от Рима после мексиканской революции. В 1965 году епископ Олмос с духовенством обратились к священнику русской митрополии Дмитрию Ройстеру в Далласе, который в свое время сам перешел в православие из баптизма, с просьбой послужить посредником в деле их присоединения к православию. Отец Дмитрий (впоследствии архиепископ Далласа и всего Юга Америки) представил доклад об этом Священному Синоду. После изучения вопроса Канонической комиссией, и по её рекомендации, мексиканская церковь общим числом в 20 тысяч человек урожденных мексиканцев через присоединение к православию вступила в Православную Церковь в Америке в качестве её заграничного экзархата. Владыка Дмитрий Ройстер перевел литургию и значительную часть богослужебных книг на испанский. После смерти главы экзархата мексиканца епископа Хозе, владыка Дмитрий в течении ряда лет исполнял обязанности временного управляющего Мексиканским экзархатом. С мая 2005 года главой экзархата снова стал мексиканец, епископ города Мехико, Алехо Антонио (Пачеко Вера), который до этого в течение ряда лет служил настоятелем православного собора в Мехико.

и подлинным аристократизмом я даже и представить себе не мог. Тут же гремит “оркестр” из четырех человек, масса еды, питья, но все в каком-то удивительном “тоне”. Молодой дьякон читает поэму об Иисусе Христе, словно поэзия, как и музыка, – органическая часть жизни... Хозяин поет. Какая-то молодая женщина танцует изумительный по целомудрию, соединенному со страстью, мексиканский танец...

В семь часов – вечерня в недостроенном соборе... Волнение от этого мексиканского Православия, так наивно, по-детски, доверчиво и целостно принятого. Все бедно и все сияет... Сегодня утром – длинная Литургия – с двумя архиереями... Стоя у престола, думал: во всей этой толпе я – единственный православный по рождению. А смотря на лица старых женщин, прекрасные своей строгостью и человечностью, все мысленно повторял: “Скрыл от мудрых и открыл младенцам...”»².

Во впечатлениях от этой миссионерской поездки о. Александр отмечает не только способность искусства преодолеть языковой барьер, выразить благодарность в музыке и жесте со всей непосредственной силой национального таланта, не притушенного неадекватностью перевода, но и сообщить об обретенном единстве в Духе: как вы приобщили нас к Духу через православное богослужение, так мы приобщаем вас к Духу в нашей национальной культуре.

В *Дневниках* о. Александра часто можно встретить мысль, что богословие, преподанное как наука, часто бессильно, что гораздо больше о том, о чем оно пыта-

² Шмеман Александр, прот. Дневники 1973–1983 – М.: Русский Путь, 2005. С. 288.

ется толковать, свидетельствует поэзия, искусство, да и подлинная культура в целом. Он умел прочитывать богословское содержание в языке культуры. Ибо, *«что такое подлинная культура? Причастие. Участие в том, что победило время и смерть»*³.

О родственности богослужения и искусства в преодолении времени писал Гадамер, в частности сравнивая театр и культ: *«подобно культу, театр является местом подлинного творения, – местом, где из нас делают и предъявляют нам в виде образа нечто такое, в чем мы ощущаем и узнаем реальность, превосходящую реальность нашего “Я”. Здесь мы слышим голос истины, стоящей как бы над жизнью... неподвластной забвению»*⁴.

Сами дневники о. Александра были попыткой удержать прошлое от забвения. За это он так ценил искусство, и признавал *«правду Пруста: искусство призвано к восстановлению времени»*. Но и отмечал его конечную неудачу *«В поисках потерянного времени»*, его *«трагический тупик»*. Ибо, собирая время, *«искусство свидетельствует о Боге, о возможном “прорыве”, – которого сам Пруст не достигает, и – воскрешенное искусством temps perdu есть свидетельство о смерти и пропитано тлением...»*⁵.

Для Шмемана же то, что не удается искусству, исполняется в литургии: *«Литургия – претворение времени, наполнение его до конца вечностью. “Вечность” – не прекращение времени, а как раз его воскресение и*

³ Дневники. 10 Января 1974. С. 61.

⁴ Гадамер Г. Г. О праздничности театра // Актуальность Прекрасного. – М.: Искусство, 1991. С. 159.

⁵ Дневники. С. 186.

собрание. “Время” – это фрагментация, дробление, падение “вечности” и... к нему тоже, и, может быть, прежде всего, относятся слова Христа: “чтобы... ничего не погубить, но все то воскресить в последний день” (Ин 6:39). В каком-то смысле это и есть воскресение “плоти”»⁶.

И в другом месте, он говорит об эсхатологическом просвете из временного существования в вечность: «Вечность – не уничтожение времени, а его абсолютная собранность, цельность, восстановление. Вечная жизнь – это не то, что начинается после временной жизни, а вечное присутствие всего в целостности... Все христианство – это благодатная память, реально побеждающая раздробленность времени, опыт вечности сейчас и здесь»⁷.

Но и неудачи искусства в этом собирании времени не умаляют его значения. Из *Дневников* Шмемана еще раз мы узнаем какую роль в его жизни играла поэзия – русская поэзия в первую очередь. Нередко он говорит об этом подчеркнуто парадоксальным образом, вроде того, что Пушкин со своей вселенскостью, духом свободы, России, да и русскому православию, «нужен гораздо больше, чем Типикон»⁸. Нужнее, потому что поэзия более открыта Духу. Ибо «культура, и богословие, – убежден о. Александр, – эсхатологичны по самой своей природе. Они вносят в быт проблематику, вопрошание, трагизм, искание, борьбу, они все время угрожают статике быта»⁹.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Апрель 1973. С. 25.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Там же. С. 57.

Именно статику быта, по его словам, православные традиционалисты и принимают за верность преданию. Но они же и боятся культуры за ее открытость и динамичность, непредсказуемость. *«Культуру “бытовики” принимают только когда она отстоялась и, ставши частью быта, оказывается как бы “обезвреженной”, безопасной бритвой»*¹⁰.

Церковь угасает вне культуры и без нее

Но культура, искусство дают возможность человеку посмотреть на себя извне, со стороны, чужими глазами, каков он есть, т.е. увидеть себя как в своей ограниченности, так и обнаружить свою многогранность. По словам о. Александра, *«культура каждой данной эпохи – это зеркало, в котором христиане должны были бы увидеть самих себя, степень своей верности “единому на потребу”, “победе, побеждающей мир”. Но они обычно даже не смотрят в это зеркало, считают это “недуховным”, “нерелигиозным” (чего стоят хотя бы невозможные по своему примитивизму декламации [духовных лиц] против театра и литературы!) [...] Само понятие Царства Божия может “взорвать” культуру, но в том-то и дело, что “вне” культуры – ни понять, ни услышать, ни принять его невозможно»*¹¹.

От внекультурности происходит, как он писал *«бездонная скука и нищета церковной прессы»*¹². Потому что вне культуры само богословие, которое есть самосознание Церкви, оказывается без языка. Отец Александр

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 110 и далее.

¹² Там же. Май 16, 1982 г. С. 635.

цитирует Владимира Вейдле, своего учителя и старшего друга: «Религия без искусства немее»¹³. И далее он объясняет, что «богословие (слова о Боге, вживание в сущность веры) предполагает как свое неперменное условие – либо подлинную культурность, либо же святость, в смысле простоты, смирения и т.д.».

Культурность, однако, это не просто знание, это общенность к внутренней жизни мира, к «трагедии» (в греческом смысле) человеческой истории, человеческого рода. Ведь религия обращена прежде всего к человеческой личности, но обращена к ней в вечности. А о том, что есть человеческая личность именно сегодня, или чем она была вчера, мы узнаем из ее изображения в искусстве. Вне этого изображения религия не знает, к кому она обращается, а значит промахивается и проходит мимо человека, его не узнавая и потому не замечая. Религия также перестает слышать его и потому перестает ему отвечать. Потому о. Александр говорил про богословие, что оно должно быть ответом на эти вопрошания, оно подлинно в той степени в какой оно *«есть ответ или, лучше сказать, благовестие в ответ, благовестие как ответ»*.

Потому культура оказывается ключом к пониманию культа, поскольку сродственна с ним, представляя его проекцию на становление во времени, на историю. Как воспитанник Свято-Сергиевского института, Шмеман ценил достижения русской религиозной философии начала XX века, в частности о. Павла Флоренского. У Флоренского есть крайне важное наблюдение об отношении культуры и культа, о котором он писал: *«Культура, как показывает и этимология слова cultura*

¹³ Там же. С. 257.

от cultus, ядром своим и корнем имеет культ. Cultura как причастие будущего времени, подобно natura указывает на нечто развивающееся. Natura – то, что рождается присно, cultura – что от культа присно отщепляется, – как бы прораствание культа, побеги его, боковые стебли его. Святыня – это первичное творчество человека; культурные ценности – это производные культа...»¹⁴.

Но как культура не может возникнуть без культа, так и сам культ, оторванный от своих прорастваний через историю, оказывается вещью-в-себе. Сам сформировавшись в ходе истории, но обращенный к вневременному, культ имеет тенденцию застывать. Века омывают его, не оставляя на нем следа, смывая при этом и сознательные подступы к нему, и оставляя его немым. Сами служители его, вращаясь в замкнутом кругу его сакральности, вне культуры теряют разумный доступ к нему и язык, на котором они могут его объяснить хотя бы самим себе. Так культ оседает в области коллективного бессознательного, становится объектом либо этнографических наблюдений, либо психоанализа. Нужна постоянная пульсация богословской мысли, чтобы ограждать его как от кощунства посторонних, так и от поругания переставших его понимать служителей. Само же богословие, как справедливо заметил Шмеман, предполагает включенность в культуру как приобщенность к внутренней жизни мира, т.е. трагедии человеческой истории. Вне этого прораствания культа побегами культуры через историю невозможно вернуться к самому культу и прикоснуться к скрытому в нем Божеству,

¹⁴ *Флоренский Павел, свящ.* Из богословского наследия // Богословские Труды. М.: Издание МП, 1977. С. 117.

поскольку «Ты, Святой, живешь (поселился) среди славословий Израиля» (Пс 21:4).

Современный американский православный богослов Аристотель Папаниколау передает свой разговор со священником в алтаре отцовской церкви, где он очевидно был воспитан. Священник-грек спросил его, что он изучает в университете. На ответ, что он изучает современное православное богословие, священник с недоверчивым сарказмом его передразнил: «современное православное богословие?!», разве может такое быть, разве не все уже сказано давным-давно «Отцами Церкви»?¹⁵ Священник, подняв иронически бровь, не подумал, что вне современного богословия сами Отцы Церкви не имеют, в своей немоте присоединяясь к культу, превращаясь в святых на иконе, общение с которыми ограничивается их лобзанием. Поскольку кроме специалистов-патрологов их давно перестали читать.

Сам Шмеман с отроческих лет почувствовал необходимость осмыслить культ, который он полюбил с детства, прислуживая в алтаре. В пятнадцать лет он начал слушать лекции тогдашнего декана Свято-Сергиевского института о. Сергия Булгакова и прочел книгу о. Георгия Флоровского «Пути русского богословия», которые и определили его жизненный путь. Первым толчком к этому было дуновение современной ему религиозной мысли, которое дохнуло на него, тогда еще подростка, на первой в его жизни экуменической встрече в Англии на конференции общества св. Албания и преп. Сергия, где он участвовал в качестве юного

¹⁵ Aristotle Papanikolaou, "Encountering Bulgakov: Why Sophia? Bulgakov the Theologian", *The Wheel*, Issue 26/27; Summer/Fall 2021, *Sergii Bulgakov, 1871–1944*, p.14.

наблюдателя в диалоге профессоров Свято-Сергиевского института с англиканскими богословами.

Хотя его, привыкшего к сдержанной торжественности церковно-славянского богослужения, ошеломило это зрелище «говорливого» христианства, которое процветало в англиканской среде, живая верующая мысль, обращенная к сегодняшнему дню, повлекла Александра к его будущему служению. *«Не будь тогдашней поездки, встречи с мыслью, спором, с людьми прежде всего: о. С. Булгаков, о. Г. Флоровский, Г. П. Федотов, и др., – вспоминает он об этом своем опыте в 15 лет, – остался бы я в отношении Церкви на позициях “национально мыслящей” русской эмиграции»*¹⁶.

«Национально-религиозное мировоззрение»

Что он понимал под «национально мыслящей» эмиграцией, Шмеман разъясняет в другом месте *Дневников*, готовясь к беседе с видным представителем новой волны эмиграции из СССР Владимиром Максимовым. Максимов, эмигрировав в Германию в середине 1970-х, основал толстый журнал литературы, культуры и общественно-политической мысли (*Континент*), и как ему казалось, нашел сторонников в среде старой русской, в основном, синодальной, эмиграции.

«Настоящей трагедии русской эмиграции Вы не знаете и не чувствуете и, наверное, не скоро еще почувствуете, – продумывал свою беседу с ним о. Александр. – Вы не знаете, как все эти “стойкие”, “непримиримые”, “утробно русские” на протяжении всех пятидесяти эмигрантских лет душили, замалчивали,

¹⁶ *Дневники*. С. 250.

ненавидели и проклинали то одно, чем эмиграция по-настоящему нужна России, останется в ней как сила и цельность: свободу духа, свободу творчества, простую правду. Вы не знаете, как травили русских мыслителей и богословов, как всю церковную жизнь свели к ура-патриотическому и ностальгическому фольклору, к узости и фанатизму... как, по существу, не интересовались совершенно живой, настоящей Россией, а жили только своими маленькими эмигрантскими мифами и спорами... Вы не знаете... каких трудов стоило нам, эмигрантским детям, пробиться сквозь всю эту мифологию к подлинной культуре, перестать видеть в Церкви осколок старой России и тоску по быту. Как нас в свою очередь тоже стали проклипать и отлучать во имя здорового “национально-религиозного мировоззрения”»¹⁷.

Отец Александр хорошо знал, о чем говорит, потому что сам рос в этой среде. Он родился, вырос и прожил всю жизнь как русский эмигрант, в среде, разделяющей мифологию о России.

«Эмиграция, – писал он, – в сущности, – моя настоящая родина... Хотелось бы когда-нибудь стать совсем свободным и написать о том, как постепенно проявлялась в моем сознании Россия через “негатив” эмиграции. Сначала только и всецело семья – и потому никакого чувства изгнания, бездомности... Затем корпус, может быть самые важные пять лет всей моей жизни (девять-четырнадцать, 1930–1935)¹⁸. Прививка “эмигрантства” как высокой трагедии, как трагического

¹⁷ Там же. Пятница, 21 марта 1975 г. С. 170.

¹⁸ Русский кадетский корпус под Парижем, память о котором и верность этим годам с дружбой с этих кадетских лет, сохранившейся через всю жизнь, проходят через весь Дневник.

*“избранничества”. Славная, поразительная, единственная Россия, Россия христолюбивого воинства... Влюбленность в ту Россию... ее нужно спасти и воскресить... Мы – дети гвардейских офицеров...”*¹⁹

Некоторые его одноклассники по корпусу, с которыми он продолжал поддерживать связь в течение всей своей жизни, так никогда и не освободились от этой загипнотизированности прошлым, уже отстоявшимся в миф, изъятый из истории и не дающий соприкоснуться с современностью. Шмеман видел в этом пленении у мифологии страх православия перед сегодняшним днем. *«Все православные какие-то эмигранты в современности, – писал он. – ...Православие запуталось в прошлом, обожествленном как предание, оно буквально задыхается под его грузом»*²⁰. Отсюда и его постоянный кризис. И *«первым симптомом кризиса нужно признать глубокую шизофрению, постепенно вошедшую в православную психику: жизнь в нереальном, несуществующем мире, утвердившемся как реальный и существующий. Православное сознание “не заметило” крушения Византии, петровской реформы, революции, не заметило революции сознания, науки, быта, форм жизни... Короче говоря, оно не заметило истории... Но только это отрицание, это “незамечание” истории, конечно, не прошло, не могло пройти Православию даром. Вместо того, чтобы понять “перемены” и потом справиться с ними, Православие оказалось попросту раздавленным ими. На деле оно изнутри определено и окрашено и подавлено как раз теми “переменами”, которые оно отрицает...”*²¹.

¹⁹ Дневники. 10–12 апр. 1973. С. 23–24.

²⁰ Там же. С. 208.

²¹ Там же. С. 64.

Приведу наглядный пример. Став священником в русском приходе в Нью-Йорке, я приобрел в начале 80-х годов требник, изданный в Джорданвилле при семинарии Русской Зарубежной Церкви в 1961 году. Требник – это собрание разных служб, совершаемых на потребу верующего народа: крещения, молебнов, панихиды и т.д., то есть весьма востребованная книга в церковной практике. Джорданвилльская типография ограничилась офсетным переизданием дореволюционного требника, как оказалось, без всяких поправок и редактур, в результате чего православный священник в русской эмиграции должен был в числе прочего повторять следующее прошение из сугубой ектеньи почти во всех службах: «Еще молимся о благочестивейшем, самодержавнейшем, великом Государе нашем Императоре Николае Александровиче всея России: о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его, И Господу Богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех, и покорити под нозе его всякого врага и супостата»²². Однако, это было офсетное издание с редакцией: в одних случаях сохранились ектеньи нетронутыми: «о благочестивейшем... самодержавнейшем... императоре Николае Александровиче», затем ектеньи о супруге его, о наследнике и всем царствующем доме... В других же службах этого же Джорданвилльского требника это все вычищено, и опущена обязательная в дореволюционных изданиях ектенья «о святейшем, правительственном синоде... и т.д. Очевидно, что требник не был лишь автоматическим офсетным переизданием дореволюционных требников, он был отчасти отредактирован,

²² Published by Photo-Offset Reproduction Printing Shop of St. Iov of Pochaev Holy Trinity Monastery, Jordanville, NY, USA.

и завершался «молитвой покаянной, читаемой в день убиения царской семьи» в явном противоречии с молитвами о Государе, как и ныне здравствующем.

Требник очень употребительная книга, священники, уставши от долгих служб с повторяющимися ектеньями, часто произносят их автоматически, а некоторые, по малообразованности или же из-за старообрядческой боязни выпустить нечто из сакрального текста, бездумно читают все подряд. Так что можно представить, как тысячи русских эмигрантов слышали эти прошения из года в год как само собой разумеющуюся молитву, утверждающую свою собственную – русскую эмигрантскую монархическую реальность вопреки реально-ощутимой истории, которая прошла по ним самим и их детям причем уже в нескольких поколениях.

Русская Зарубежная Церковь, говоря словами о. Александра, буквально предпочла жить «в нереальном, несуществующем мире, утвердившемся как реальный и существующий». Но это существование в иллюзорном мире обернулось прямой агрессией по отношению к той части русской Церкви, которая сознавала, что она живет в реальном постреволюционном настоящем. Именно эту агрессию в отношении к Свято-Сергиевскому институту и всему евлогианскому экзархату, и к Свято-Владимирской семинарии вместе с ним самим, о. Александр и имел в виду, говоря о том, как эти борцы за «чистое православие» в течение «всех пятидесяти эмигрантских лет душили²³, замалчивали, ненавидели и проклинали то одно, чем эмиграция по настоящему

²³ Шмеман имел в виду период с середины 1920-х годов (началом борьбы с «Евлогианской епархией» по середину 1970-х годов, время, в которое шли ожесточенные нападки на него самого за «Американскую автокефалию».

нужна России: свободу духа, свободу творчества, простую правду». Что же собой представляло «чистое православие», которое противопоставлялось свободно-му философскому и богословскому творчеству русской эмигрантской же церковной интеллигенции и ее богословскому усилию поставить православную Церковь перед лицом современности и реальности свободного мира, равно как и Советской России.

«*“Чистое Православие”* [синодалов], – писал о. Александр, – это, прежде всего, исключительно быт. Никакой мысли, никакой “проблематики” или хотя бы способности её понять у них нет; есть, напротив, органическое отталкивание от неё, её отрицание [...] Между тем весь теперешний кризис христианства в том и состоит, что рухнул “быт”, с которым оно связало себя и которому, в сущности, себя подчинило, хотя и окрасило его в христианские тона»²⁴. Он объяснял сам апокалиптический настрой синодальной церкви как из её ностальгии по православному быту, так и интеллектуальной беспомощности перед лицом не стоящей на месте истории. «Поэтому, – продолжал он, – так легко из быта переходят в “апокалиптику”. Парадоксальным образом апокалиптический надрыв рождается именно из “бытовиков”, как реакция на гибель быта, органической жизни, обычаев, уклада. Отсюда также их инстинктивный страх таинств (частого причащения и т.д.). Ибо таинство – эсхатологично, оно не умещается только в быт (в который, однако, прекрасно умещается “умилительный обычай ежегодного говения”))».

Продолжая тему беспомощности православия перед лицом перемен, явленное особенно наглядно в дейст-

²⁴ Дневники. С. 57.

виях Зарубежной юрисдикции, надо отметить, что ее философская и богословская беспомощность выразилась в параноических обличениях своих же русских собратий в разных «ересях», в первую очередь в «ереси экуменизма». Это обличение, если его перевести на нормальный язык, было выражением страха беспомощного и безграмотного ума перед лицом многообразия христианства в условиях свободы, с которым *РПЦ Заграницей* [РПЦЗ] столкнулась в Западном мире. Этот страх с одной стороны возникал из неспособности не только свою веру объяснить и открыть для других, но даже самим понять, посмотреть на нее собственными глазами из современности, а с другой стороны только усиливал эту неспособность, делая ее хронической.

Эта беспомощность и безграмотность парадоксальным образом оказали роковое воздействие и на саму Церковь в России после развала СССР. Как только распалось идеологическое здание коммунизма, построенное на идеях просвещения и проецирующее эти идеи на подвластную режиму Церковь, последняя осталась вообще без идеологии и подпала под влияние русскоязычного синодального православия. РПЦЗ, хотя и невежественная и держащаяся за свое старообрядчество, боящаяся западного культурно-религиозного плюрализма, сама пользовалась на Западе полной свободой публично выражать свое невежество на русском языке, среди западных религиозных деятелей мало известном, но понимаемом в Советском Союзе, где собственная церковь была целиком бессловесна. Поэтому с падением коммунизма РПЦ, неожиданно для себя катапультированная в положение массовой влиятельной религиозной организации, имеющей заменить собою

мертвую советскую идеологию, но не имеющая ничего, что она могла бы ей противопоставить, оптовым образом импортировала идеологию РПЦЗ с ее романтическим монархизмом идеализированного прошлого, законсервированного для потребления на сегодняшний и на завтрашний дни. Этот импорт представился еще более законным после признания Зарубежным Синодом Московской патриархии и формальным вступлением в Русскую церковь. Конечно же, политическая идеология Зарубежного Синода должна была подвергнуться определенной коррекции: ведь РПЦ жила не в эмигрантском вакууме, а в реальности распадающейся, но все еще способной жестоко карать за непослушание империи; она была признана государством и отчасти даже в него включена при условии, что именно государство, вынужденное признать, что оно существует именно в современном мире, будет направлять церковную политику, особенно во внешних отношениях. Через иерархию церковь снова оказалась идеологическим подспорьем и рупором государства. Убиенный царь Николай был соответствующим образом переведен из все еще «царствующего и державного» в статус святого на иконе, а его место занял наличный правитель, эффективно приноровивший монархическую и ксенофобскую идеологию РПЦЗ к диктатуре, ни в какой свободе, в том числе и богословской, не нуждающейся. Здесь следует вспомнить, что в переводе на русский с греческого «монархия» значит просто «единоличная власть».

Все свободные голоса как в церкви, так и в гражданском обществе, пытающиеся вывести нацию и Церковь

из этой выпавшей из истории монархической утопии, были постепенно заглушены и задушены. И в результате перед всем миром предстало некое иррациональное зрелище посткоммунистической Российской Федерации, как она, в бессильном потуге возродить развалившуюся советскую империю, сама проваливается на глазах в XVI век с его войнами между деспотической Москвией Ивана Грозного против свободной Литовско-Украинской Руси, с той лишь поправкой на современность, что одна из сторон – не мудрено догадаться какая – неистова размахивает над всем миром ядерной бомбой. В качестве же «современной благой вести православия» и для внутреннего и для внешнего пользования так называемый «Русский мир» взял на вооружение «Домострой» попа Сильвестра из окружения того же Грозного. Некогда интернациональные лозунги, обращенные к угнетенным земного шара, и эффективно мобилизовавшие под красные знамена, даже в жуткие годы сталинского террора, левую западную интеллигенцию всего мира, теперь заменены, в числе прочего, призывами к женщинам планеты одеть платочки и длинные юбки, целовать ручку батюшкам и «убояться своего мужа».

Так обернулась столь, казалось бы, безвредная, хотя, конечно, мало уместная ектинья о «благочестивейшем, самодержавнейшем, великом Государе нашем Императоре всея России», дабы он продолжал из своего посмертного зазеркалья «покорять под нозе свои всякого врага и супостата». Так антиэккуменизм оказался лишь новой ширмой для старой ксенофобии и имперской амбиции.

Открытость христианскому миру

И то, и другое было Шмеману абсолютно чуждо. Но можно ли было бы назвать его экуменистом? Это зависит от того, какое содержание мы вкладываем в этот термин. Отец Александр, бывало, употреблял его в ироническом смысле. Приведу такой эпизод. Как-то в 1979 году мы собрались на совет правления американской экуменической правозащитной организации «Freedom of Faith» (За свободу веры)²⁵. Сидели и ожидали несколько запаздывающего о. Александра, обсуждая последнюю новость, а именно смерть в Риме митрополита Никодима, председателя Отдела внешних сношений Московской патриархии, в те годы самого эффективного агента советского дипломатического экуменизма.

²⁵ Инициаторами создания этой организации были о. Леонид Кишковский и автор этой статьи. Мы пригласили в совет правления известных американских церковных деятелей, представляющих православие, католичество и протестантизм. Их представляли три президента организации: от православных – о. Александр Шмеман, от протестантов – настоятель Нью-Йоркской Riverside Church (самой большой церкви в Нью-Йорке) Уильям Коффин, баптист и левый американский религиозный деятель, отсидевший тюремный срок за свой протест против войны во Вьетнаме, от католиков – о. Джозеф О' Хэри, иезуит, редактор влиятельного католического еженедельника «Америка», который впоследствии стал президентом Фордамского университета. Среди членов правления организации были также пастор Ховард Шомер, председатель международного миссионерского отдела Пресвитерианских церквей Америки, и лютеранский пастор Ричард Ньюхауз, главный редактор только что им основанного религиозно-политического журнала «First Things», который постепенно стал рупором неоконсервативного направления на американской религиозной сцене.

В процессе обсуждения открывается дверь и входит Шмеман, которого сразу встречает вопросом Ричард Ньюхауз: «Александр, что ты думаешь по поводу смерти Никодима в Риме? (Alexander, what do you think about Nicodym's death in Rome)». – «По-моему, смерть православного митрополита в объятиях Римского Папы акт уж слишком экуменический. (The death of an Orthodox metropolitan in the embrace of the Roman Pope is too ecumenical for my taste)», – ответил о. Александр²⁶.

Шутки в сторону! При том, что он был православным, как говорится, до мозга костей, о. Александр был открыт, точнее открывал себя снова и снова христианскому миру в целом. Приведу несколько отрывков из Дневников:

«Вчера проповедывал в соборе св. Иоанна Богослова²⁷: диалог с Мортоном²⁸. Слушая мой любимый англиканский гимн “Да молчит всякая плоть человека”, вспоминал первые поездки в Англию – в 1937 и 1938 годах, особенно недели, проведенные в Стемфорде, когда каждый день ходил в очень High Church к обедне. А в лицейские годы каждый день, идя по улице Legendre в лицей, заходил на две минуты в St. Charles de Monceau²⁹. И всегда в огромной, темной церкви у одного из алтарей шла беззвучная месса. Христианский Запад: это для меня часть моего детства и юности, когда я жил “двойной” жизнью: с одной стороны – очень светской

²⁶ Который сам, кстати, был близок к Никодиму и только что вернулся из Рима, где был свидетелем этой смерти, происшедшей у него на глазах.

²⁷ Самый большой епископальный собор в Нью-Йорке.

²⁸ Джеймс Мортон – настоятель собора, друг семейства Шмеманов.

²⁹ Католический приход.

*и очень русской, т.е. эмигрантской, а с другой – потаенной, религиозной»*³⁰.

Здесь он приоткрывает свое мистическое ощущение присутствия Христа как в других церквях, в тишине совершаемой потаенной молитвы, так и ощущение этого присутствия в самой гуще жизни, на пролетарской парижской улице, в шум которой он погружался сразу, выходя из пустующей церкви с ее полушопотом совершаемой мессы. И с тех лет сохранилось для него это *«сосуществование двух разнородных миров, “присутствия” в этом мире чего-то совершенно, абсолютно иного, но чем потом всё так или иначе светится, к чему все так или иначе относится, Церкви как Царствия Божия “среди” и “внутри” нас»*³¹.

И это таинственное присутствие, явленное в мессе, многократно усиливало интерес именно к жизни в ее повседневности на этой «мирской» улице. По выходе из этой молитвенной тишины, *«мне все делалось страшно интересным: каждая витрина, лицо каждого встречного, конкретность вот этой минуты, этого соотношения погоды, улицы, домов, людей. И это осталось навсегда: невероятно сильное ощущение жизни в ее телесности, воплощенности, реальности, неповторимой единичности каждой минуты и соотношение внутри ее всего»*³².

Шмеман постоянно искал этой приобщенности «к внутренней жизни мира» и черпал ее отовсюду – из жизни, как и из книг, которые читал запоем и залпом, причем самые разные и из разных областей. Через эту

³⁰ *Дневники*. С. 51.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 52.

внимательность к внутренней жизни мира, которую я постараюсь проследить по его *Дневникам*, он постоянно перерастал самого себя. Из *Дневников* же его выступает удивительная внимательность ко всему выдающемуся и проблематичному в христианстве в целом.

Католические диссиденты. Тейяр де Шарден

Вот маленькая заметка о его посещение могилы Тейяра де Шардена, автора «Феномена человека» в числе других прогремевших работ, которого в годы его жизни Католическая Церковь держала как запрещенного автора, а ныне прославляет как одного из ведущих своих, и вообще христианских, богословов XX века. Несколько раз в ходе *Дневников* о. Александр упоминает эти поездки на его могилу: *«После обедни поехали на могилу Teilhard de Chardin в St. Andrew on the Hudson. Старую иезуитскую семинарию продали... Американский институт кулинарии! Кладбище осталось: ряды одинаковых могил отцов иезуитов, а среди них – ничем, абсолютно ничем не выделяющаяся могила Тейяра... Было пусто, тихо, солнечно. И это могила человека, вызвавшего столько и радости, и страстей. Никогда этого посещения не забуду»*³³.

И в другом месте *Дневников*: *«По традиции после Литургии (в день Благодарения) совершили обычное “паломничество” – сначала на могилу Тейяр де Шардена... Совершенно светлый, холодный ноябрьский день, последние золотые листья и эти ряды иезуитских, совершенно одинаковых могил. Как армия, как militia Christi. Нашел также могилу о. Николая Бока,*

³³ Там же. 23 ноября 1973. С. 47.

который приезжал ко мне в 50-е годы в Нью-Йорк. Бывший русский дипломат в Японии, в 70 лет ставший иезуитом»³⁴.

Шмемана всегда привлекали церковные диссиденты, так называемые «модернисты», причем именно в католичестве, где и церковь была более могучим, властным и деспотическим институтом, и интеллектуальный уровень, как и иерархии, так и диссидентов, был неизмеримо выше и разностороннее. Он постоянно читает их дневники и книги о них.

«Откуда во мне этот всегдашний интерес к людям этого типа – Бремон, Луази, Лабертоньер, ко всему этому кризису причем не в доктринальном, а личном его аспекте, как внутренняя и именно религиозная драма этих людей? Думаю – от некоторого внутреннего же... родства с ними. Всецелая принадлежность Церкви, самоочевидная, как воздух, как жизнь, и одновременно внутренняя свобода внутри нее. Меня бесконечно тяготит то повальное внутреннее порабощение себя чему-то или кому-то, что я вижу вокруг себя, “идолопоклонство”, так часто торжествующее в Церкви. И мне также чуждо какое бы то ни было, всегда дешевое, восстание против нее, бунтарство, духовное сектантство... Меня буквально с детства, с корпусных лет отталкивало “карловатство” – с его ложным пафосом, елейностью, самодовольством, узостью. Я с одиннадцати лет терпеть его не мог. Но вот могу по совести сказать, что сама Церковь всегда стояла для меня выше всего как невидный, бесспорный, несомненный – нет, не авторитет, а свет, в свете ко-

³⁴ Там же. С. 312.

торого все живет, все светится. Церковь в сущности своей, в этой светоносности своей должна не сужать, а расширять, не подчинять, а освобождать. Но это только если жить ее сущностью как раз, тем, что светит, тогда как для большинства она обратное... Отсюда неизбежная трагедия... И потому всякий, кто любит Церковь в ее сущности, обязательно страдает от “церкви”. Поэтому в жизни “модернистов” (или, позднее, Тейяра де Шардена) интересен не уход. Уход есть измена, он плосок, он “духовное плебейство”, а верность, самоочевидность этой верности, верность как крест: страдание и победа...»³⁵.

Отец Александр, по богословскому образованию, — канонист и историк Церкви, прекрасно понимал необходимость церкви как учреждения, но и указывал на опасность институционализма, который бессознательно становится самоцелью, заслоняя собой Христа и Его эсхатологическое невидимое присутствие. Для о. Александра было очевидно, что, хотя Господь использует каналы церковности, но не в них одних, что называется “содержится”, ими не ограничивается, бесконечно их превосходя. Хотя главной заботой Шмемана было преодоление кризиса православия, он был очень внимателен к проявлениям этого кризиса в других церквях и особенно к «самокритике» Католической Церкви. В своих Дневниках он снова и снова возвращается к этой теме с разных сторон. «Поскольку Церковь (католическая) отождествила себя с “институтом” и “разумом”, — размышлял он, — она не могла не вступить в собственное разложение, ибо её “разум” не выдерживает

³⁵ Там же. С. 338-339.

критики, а её “институт” – жизни»³⁶. Потому он с жадностью читал католических богословов, которые пытались найти выход из тисков институционализма, но бывало ценою отказа от собственной церкви. Для отца же Александра «самое очевидное», что богослужение (которое невозможно без Церкви, ибо оно и есть основная ее деятельность) – это «действительное явление Царства Божия, явление, делающее возможным его любить, молиться о его пришествии, ощутить его как “единое на потребу”»³⁷. Сам он разрывается между свободой от «церкви как институции», поработанной и поработавшей, и между уникальностью и незаменимостью Церкви, ее правды: «Куда нам от Тебя идти? Ты имеешь глаголы жизни вечной» (Ин 6:68). И блажен, кто не соблазнится о Тебе»³⁸.

Читая книгу «прогрессивного» католика Жоржа Урдена «Бог на свободе», – он отмечает: «Много чего я не понимаю во всей этой тональности, но покоряет искренность, широта, ненависть к узости, провинциализму, щедрость души. Как нам далеко до всего этого, какие мы маленькие, узенькие, злые и самодовольные!»³⁹. «...Все эти перебирание четок во время церковных сплетен, весь этот стиль опущенных глаз и вздохов – все это выдохшаяся ужасающая подделка»⁴⁰.

³⁶ Там же. С. 145.

³⁷ Там же. Апрель 1973. С. 21.

³⁸ В евангельском подлиннике «Господи, к кому нам идти...». Дневники. С. 67.

³⁹ Там же. С. 71.

⁴⁰ Там же. С. 73.

Тупик средневекового канонизма

Хотя православие вроде бы свободно от централизованного монархического институализма Католической Церкви, но эта свобода остается теоретической в писаниях богословов, самими православными оклейменными «либералами». *«Я верю, что Православие – истина и спасение и содрогаюсь от того, что предлагают под видом Православия»* – пишет Шмеман⁴¹. А под видом православия подают еще более окаменевшую форму канонизированного византизма, в котором весть Христа о свободе и благодати подменяется на практике мертвым законничеством, совершенно не применимом в современном мире и потому отгоняющим от церкви или изгоняющим из нее. Он прямо пишет о тупике канонизма, как уже специфически православного фарисейства: *«Все “законченное”, завершенное и, следовательно, не открытое к другому мне кажется тяжелым и самим себя разрушающим... Я думаю, что открытость и незавершенность должны всегда оставаться, они-то и есть вера, в них-то и встречается Бог»*⁴². Архиепископ нашей ПЦА и профессор канонического права в Свято-Владимирской семинарии, Пьер Уилье, которого о. Александр Шмеман и о. Иоанн Мейендорф пригласили из Парижа, в одной из своих статей подчеркивал служебную и подчиненную функцию церковных канонов. Он указывал, что соборные отцы тщательно различали «номон» (закон) и «канон» (мерка, т.е. способ приспособления закона к меняющимся обстоятельствам). Канон – есть временная и чаще

⁴¹ Там же. С. 66.

⁴² Там же. С. 106.

дисциплинарная мера, которую можно при необходимости саму изменить или вообще отменить, что часто и делалось в истории. Известно, что в первые века христианства епископы могли быть женатыми, не говоря уже об апостолах, вышедших из иудаизма, в котором неженатый мужчина считался аномалией. И в греческой и латинской церквях в первые века женатый епископат был приемлемой и даже распространенной практикой. Даже один из каппадокийских отцов, трех святителей, был женат. Безбрачие стало вводиться, причем насильно, после Трульского собора и не без давления со стороны Римской церкви.

Или возьмем, к примеру, другой канон древней церкви, что всякий епископ, в назначении которого принимала участие светская власть, должен быть низложен, равно как и епископы, в хиротонии которых он участвовал. Если бы православные в ходе своей истории, начиная с IV века, придерживались этого канона, то они (мы) бы давно остались без церкви, либо же ушли в катакомбы, а может быть и смогли бы преобразить государственность на национально-соборных началах. Во всяком случае само выражение «каноническое право» – это терминологическое противоречие, ибо поскольку оно каноническое, оно не является правом. Но каким же образом произошло это превращение «канонов» в «законы»? Изначально на этом настаивала империя, желавшая уподобить церковь, как организацию, государству, включив ее в государственное законодательство. А затем уже и сама церковная иерархия стала использовать каноны как инструмент власти. Наша система «канонического права» – наследие феодализма. Она продолжает держать духовенство буквально в

вассальной зависимости от епископата, который, бес-
сознательно, но со вкусом унаследовал привилегии
средневековых феодалов. Нигде в древних канонах мы
не находим такой власти епископа над священниками.
Они делегаты апостольского преемства по совершению
Евхаристии, подвластные так же как и сами епископы –
Христу: «не вы Меня избрали, а я вас избрал и поставил
вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш
пребывал...» (Ин 15:16) – сказано всякому труждающе-
муся на Его ниве и через Евхаристию пребывающему
в Нем, как ветвь на Лозе. (См. Ин 15:1-8). Феодалная
же система вассального подчинения епископату делает
Церковь социально бессильной, поскольку сам право-
славный епископат во многих национальных церквях
превратился в орудие светского правительства, чаще
всего авторитарного, и его политики. Это мы видим во-
очию сегодня в России, где иерархия запрещает и вы-
кидывает из сана духовенство, выступающее за свобо-
ду внутри церкви, выражающее протест против войны
путинского режима в Украине, равно убийственной и
для самой России, и замарывающей саму Церковь. Это
духовенство, не боясь говорить правду, искупает ведь
и саму подвластную режиму иерархию, благословляю-
щую эту бойню, берущую на себя кровь невинно уби-
енных с обеих сторон, при этом боящуюся отпеть и
по-христиански похоронить своих же православных
сынов, погибших в ней.

Но это лишь одно из многих проявлений страшного
злоупотребления властью со стороны епископата. Это
о. Александр считал узурпацией власти, удушающей
церковь. Архиерейская, «*власть святить*», по падше-
сти человеческой природы, властолюбивой и к самой

себе слепой, превращается во власть над церковью, в «начальствование». Отец Александр много сетует о том, что эта власть «создает в церкви атмосферу страха, недоверия и подозрительности, в которой невозможно работать»⁴³. Какое же богословие может процветать в этой атмосфере? «Собрание богословов», по его мнению, превращается «в собрание сердитых людей», отстаивающих свои точки зрения». В нем нет никакого воздуха, никакого желания приобщить людей – к жизни, к радости, к реальной Церкви. «Все построено по типу – полицейского участка (“протокол о преступлении”), больницы (“психологические копанья в зловонных подсознаниях”), суда и приговоров... Бог “интересуется” миром и человеком. Мы интересуемся “проблемами” церкви и ее администрации. И все это безнадежно мертво и скучно...»⁴⁴ Потому даже в условиях американской свободы, в таком административно-каноническом православии, «богословие превратилось в своего рода толкование “административных” текстов – канонических в первую очередь (о смешанных браках, об их числе и т.д.). И сидят молодые священники и судорожно записывают “рецепты” (а потом ими будут бить по голове несчастных, запутавшихся людей, на их спинах являть и доказывать свое православие...). Одна мелодия никогда не звучит в этом типе “административного богословия”: “Я пришел отпустить измученных на свободу...” (См. Лк 4:18)⁴⁵. Для Шмемана же очевидно одно: «По Евангелию так ясно: Бога любят святые и грешники. Его не любят и, когда

⁴³ Там же. С. 262.

⁴⁴ Там же. Среда, 9 июня 1982 г. С. 645.

⁴⁵ Там же.

могут, распинают “религиозные” люди»⁴⁶. В другом месте, в начале Страстной, в Великий понедельник он цитирует Чехова: «...наказующие и без тебя найдутся, а ты бы... милующих бы поискал!»⁴⁷.

Православные ссылаются на канонический корпус, сложившийся в Византии, что, конечно, было хорошо знакомо Шмеману, как историку церкви и канонисту. Но обращенный к реальности церкви в мире сегодняшнего дня, о. Александр неоднократно пишет, как он преодолевал это влияние: «Я вспоминаю, как в какой-то момент моей жизни, после нескольких лет увлечения (под влиянием о. Киприана⁴⁸, конечно) “византинизмом”, Византия стала для меня скучной и пресной. Я почувствовал, что отождествление Православия с византинизмом – губительно, грозит сужением православного сознания. Православие нуждается не в возврате к византинизму, а в оценке этого последнего, в оценке его места в истории и жизни Церкви»⁴⁹.

Что означают эти слова? Если основная каноническая структура церкви сформировалась до обращения римской империи к христианству и потому оказалась свободной от имперского влияния, то все позднейшее развитие православной церкви проходило если не в слиянии с империей, то в тесном союзе с ней, который в Восточной Римской империи (Византии) получил название «симфонии». Само понятие «православие» возникло по государственной инициативе и преследовало не столько церковную, сколько политическую цель.

⁴⁶ Там же. С. 302.

⁴⁷ Там же. С. 89.

⁴⁸ Архимандрит Киприан Керн, учитель и старший друг о. Александра.

⁴⁹ Дневники. С. 80.

Оно впервые появилось в эдикте «О Кафолической вере» римского императора Феодосия Великого (IV в.), предписывающем обязательность Никейского символа веры для всех подданных империи. А начиная с Юстиниана, римская империя взяла в свои руки жизнь церкви именно как общественного института, социально и законодательно включила его структуру в свою, как бы растворив его в своем имперском организме. «Симфония» между церковью и империей, установленная Юстинианом (середина VI века), просуществовала все века Византийской империи, и под иным видом возродилась в имперской России с реформами Петра, где и сохранялась до падения самодержавия, и в худшем, уже карикатурном виде возродилась при Сталине. При нынешнем возрождении сталинизма в России возрождается и эта карикатура.

Отец Иоанн Мейендорф, друг, коллега, сослуживец и преемник о. Александра как ректора Свято-Владимирской академии, известнейший византинолог, так описывал социологический смысл этого явления: *«Император... включает в свои полномочия “человеческие дела”, куда входят все правовые аспекты церковного устройства, тогда как компетенция священства... распространяется на “Божеские дела”, которые состоят исключительно в “служении Богу”, т.е. в молитве и совершении таинств. “Гармония”, упоминаемая в тексте (Шестой новеллы Юстиниана, где это законодательство изложено – М. А.-М.), это не согласие между двумя силами или двумя различными социальными структурами – Церковью и государством; скорее всего, таким образом демонстрируется внутренняя сплоченность всего человеческого общества, земное*

*благополучие которого зависит только от императора. Для Церкви, как общества sui generis, нет места в юридическом мышлении Юстиниана. Империя и Церковь представляют собой единый организм, которым добросовестно управляют две неразделенные богоустановленные иерархии; теоретически двойственность сохраняется между *imperium* и *sacerdotium*, но, так как роль священства состоит в исполнении “Божеских дел”, она почти не имеет законодательного выражения. По мысли Юстиниана, цельность земного государства обуславливается законами, издавать которые – привилегия императора. Церковное Предание и соборные постановления приобрели силу закона посредством имперских декретов, но сами по себе они не имели юридической силы и ни к чему не обязывали»⁵⁰.*

Вспомним, что само слово «догма» первоначально значило императорский указ и впервые в христологическом контексте появляется как провиденциальная причина исполнения пророчества о рождении Мессии (Христа) в Вифлееме иудейском, что мы читаем во второй главе Евангелия от Луки, где говорится, что вышел указ (δογμα) от Кесаря Августа, повелевающий каждому идти в город своей «прописки» для участия в общеимперской переписи (Лк 2:1). Таким же указом *догма* и оставалась во времена христианской империи, когда император своим указом (δογμα) превращал в общеобязательный закон (догмат) постановление церковного собора.

⁵⁰ Мейендорф Иоанн, *прот.* Империя и Церковь в эпоху Юстиниана // Свидетель Истины: памяти протопресвитера Иоанна Мейендорфа / Сост. А. В. Левитский. – Екатеринбург: Инф.-изд. отдел Екатеринбургской епархии, 2003. С. 17.

Это же государственное понимание православия, и главное его устройство и практика, были унаследованы и другими нациями, которые через крещение своими государями вошли в сферу культурного и политического влияние Византии. В течение веков, во многих странах вплоть до нового времени их церкви были митрополиями Константинопольского патриархата. После падения Византии Патриарх получил также и политическую власть над всеми православными христианами занявшей ее место Османской империи.

Очевидно, что эта имперская феодальная организация церкви потеряла всякий смысл, а точнее превратилась в бремя для выживания и служения церкви в секулярном мире в условиях религиозного плюрализма современного демократического общества, модель которого используют или имитируют даже страны без собственной демократической традиции. Даже продолжая сопротивляться ей, они используют ее язык, формы и методы. Перед Шмеманом стояла задача освободить ПЦА в обществе секулярном и плюралистическом, где все религии отделены от государства, от этого ненужного бремени. Не столько необходимость этой византийской традиции, сколько ее привычный стиль держит церковь почти парализованной. *«Главная проблема православия, — пишет Шмеман, — его скованность “стилем”, неспособность этот стиль пересмотреть. Трагическое отсутствие в Православии самокритики, проверки “преданий старцев” Преданием, в конце концов — любви к Истине. Усиливающееся идолопоклонство»*⁵¹. Отсюда, по его мнению, идет страх перед новой богословской мыслью, держание,

⁵¹ Дневники. С. 212.

паническое, за «Отцов», за «Византию», *«эта мышинная суета юрисдикций, побрякивающих во все стороны канонами», «это желание покорить Запад самым спорным и скверным в нашем прошлом»... «все это страшно, и, может быть, страшнее всего, что никто этого страшного не видит, не чувствует, не сознает»*⁵² и проч., по большому счету, неверие в то, что в Церкви живет Христос и Дух Святой, а Им ничего не страшно. И еще: *«Сколько в Церкви попросту ненужного, но занимающего всю сцену. И как мало воздуха, тишины, света...»*⁵³.

Это отнюдь не значит, что «предания старцев» соблюдаются. Делается лишь вид, сохраняется стиль, при игнорировании смысла. Отсюда происходит *«больная религиозность. И все эти побеги – кто в Византию, кто в “Добротолюбие”, кто на остров Патмос, кто в иконы... Православие сейчас – это что-то вроде супермаркета. Каждый выбирает, что хочет: эпоху, стиль, identification. Невозможность быть самим собой. Все “стилизовано” – при отсутствии стиля, который всегда создает единство»*⁵⁴.

«Иисус Христос вчера, сегодня и во веки Тот же»

(Евр 3:8)

Однако для о. Александра острое осознание кризиса православия, равно как и кризиса других исповеданий, совсем не предполагало отказа от Церкви и исхода из нее в так называемый «постхристианский» мир, на дне

⁵² Там же. С. 65.

⁵³ Там же. С. 79.

⁵⁴ Там же. С. 48.

которого, при всех его достижениях, он видел пустоту. *«Тональность нашей культуры, – писал он, – это – оптимистическая деятельность со зловонными испарениями страха и скуки. Без Бога – “все позволено”, но это “все” – бездонно страшно и скучно. И потому первый долг Церкви: отказаться от какого бы то ни было участия в самой логике, в самой тональности этого мира... Но для этого в современном христианстве нужно много мужества и духовной свободы...»*⁵⁵ При молчании Церкви, или церквей, их либо боязни, либо неумении убеждать именно этого современного человека во спасении и жизни вечной, которую ему обещает лишь Творец, Единый в Троице, человек остается обманутым и брошенным, остается запутавшимся сиротой: *«Люди перестали верить не в Бога или богов, а в гибель, и притом вечную гибель, в её не только возможность, а и неизбежность и потому – и в спасение. “Серьезность” религии была прежде всего в “серьезности” выбора, ощущавшегося человеком самоочевидным: между гибелью и спасением. Говорят: хорошо, что исчезла религия страха. Как будто это только психология, каприз, а не ... основной опыт жизни, смотрящей в смерть»*⁵⁶.

Значит ли это, что нам ничего не остается, как послушно и трепеща этой смерти и собственной греховности оставаться в стенах того же, монашески окрашенного страхом жизни православия, либо же монашеского по своей организации католицизма? Монашество, по определению своего чина, вынуждено по необходимости сосредотачивать свои силы на борьбу с половой энергией, самой могучей и творческой силой

⁵⁵ Там же. Октябрь 1973. С. 41.

⁵⁶ Там же. С. 152.

в человеке, ибо через нее и только через нее он может творить самое высшее творение Божие, самого человека, т.е. воспроизводить Адама.

«Христиане сосредоточили свое внимание, свою религиозную страсть на плоти, — пишет Шмеман, — но так легко поддаться гордыне. Духовная гордыня (истина, духовность, максимализм) самая страшная из всех. Трудность же борьбы с гордыней в том, что, в отличие от плоти, она принимает бесконечное множество образов, и легче всего образ “ангела света”. И еще потому, что в смирении видят плод знания человеком своих недостатков... тогда как оно самое божественное из всех Божьих свойств. Мы делаемся смиренными не потому, что созерцаем себя (это всегда ведет к гордыне, в той или иной форме, ибо лжесмирение всего лишь вид гордыни, может быть — самый непоправимый из всех), а только если созерцаем Бога и Его смирение»⁵⁷. «Смирение... Божественно, и его... как суть Божества являет Христос. Слава и величие Божие — в Его смирении. Но смирение понимается извращенно: Бог велик и потому “горд”, а “нам — ничтожной твари — подобает быть “смиренными”. Отсюда — основное извращение христианского благочестия, действительного рабского и рабской психологией пропитанного». «Смирение Божественно, а гордость — от маленького и мизерного дьявола, который первый “обиделся” на Бога и подумал, что Бог — “горд”»⁵⁸.

Шмеман указывает на вечное присутствие совершенной, воскресшей и потому уже бесстрашной человечности в Иисусе, Который пребывает внутренним

⁵⁷ Там же. 24 февраля 1973. С. 12-13.

⁵⁸ Там же. См. с. 95.

содержанием всех церквей, и в глубине пронизывает все православное богослужение. «Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр 13:8), повторяет он неоднократно вслед за апостолом Павлом. Победа Христа – восстановление человечества в его неразрушимости, воскрешенности. *«Жизнь должна быть не приготовлением к смерти, а победой над ней, так чтобы, как во Христе, смерть стала торжеством жизни... Сводя смерть к “тому, иному миру”, которого нет, ибо Бог создал только один мир, одну жизнь, – христианство обесмысливает смерть как победу. Интерес к “загробной участи” умерших обесмысливает христианскую эсхатологию. Церковь не “молится об усопших”, а есть (должна быть) их постоянное воскрешение, ибо она и есть жизнь в смерти, т.е. победа над смертью, “общее воскресение”»*⁵⁹.

И к этому Живому пребывающему, вечно современному Христу, стоящему одной ногой в вечности, а другой идущей рядом с нами через всю историю, есть прямой доступ – через Таинство Евхаристии. В Своем бесконечном смирении Бог нисходит к нам в Евхаристии, дает Сам Себя в пищу миру⁶⁰.

Евхаристия, невозможная без Церкви, в свою очередь и делает общину церковью – Телом Христовым. «Евхаристия “объясняет” Церковь как общину (любовь ко Христу и любовь во Христа), как истину (кто Христос? – единственный вопрос всего богословия) и как миссию (обращение всех и каждого ко Христу). Дру-

⁵⁹ Там же. С. 105.

⁶⁰ См. замечательную по краткости и интенсивности книгу прот. А. Шмемана *За жизнь мира*, переведенную на множество языков, в том числе, и на русский.

ного назначения, другой цели у Церкви нет, нет своей, отдельной от мира – “религиозной жизни”. Иначе она сама делается “идолом”. Она есть дом, из которого каждый уходит “на работу” и куда каждый возвращается с радостью... Именно наличие, опыт этого дома – уже вневременного, неизменного, уже пронизанного вечностью, уже только вечность и являющего, – только это наличие может дать и смысл, и ценность всему в жизни»⁶¹.

Наследие Свято-Сергиевского института

Отец Александр воспринял богатство евхаристического богословия в Свято-Сергиевском институте, где оно развивалось на разных церковных регистрах под влиянием его декана о. Сергия Булгакова, который заново богословски осмыслил евхаристический опыт Православия. Шмеман при своей удивительной интеллектуальной восприимчивости не мог избежать его могучего влияния, о чем и писал в своих воспоминаниях об о. Сергии: *«...мой выпуск Парижского богословского института был последним, прослушавшим полный курс его лекций, в течение четырех лет я видел его почти каждый день – в церкви, в аудитории, иногда, очень редко, на его квартире, в “профессорском домике” Сергиевского подворья... Я помню его похороны светлым июльским днем, когда все собрались у его гроба – и друзья, и поклонники, и богословские противники, и совершалось последнее шествие его вокруг храма...»*⁶².

⁶¹ Дневники. С. 59.

⁶² Шмеман, Александр, прот. Собрание статей 1947–1983 // Три образа. – М.: Русский Путь, 2009. С. 848.

Среди многих богословских тем и сам о. Сергей и институт, который он интеллектуально возглавлял, сказали новое слово и в учении о Церкви. Церковь заново была поставлена в христологическую перспективу. Отец Александр Шмеман писал, что Церковь *«есть прежде всего дар новой жизни, но это жизнь не Церкви, а Христа – Его жизнь в нас и наша жизнь в Нем»*. Эту жизнь Он сообщает нам через Евхаристию. Таким образом именно Евхаристия составляет конституирующее действо-таинство Церкви, поскольку Евхаристия есть «акт перехода» от церкви как институции в эсхатологическое измерение Церкви как Тела Христова⁶³.

Почему эсхатологическое? Как объяснял о. Сергей, потому что Тело Христово не от мира сего, который не принял Христа, отверг и распял Его. Воскресшее Тело Спасителя вознеслось от этого мира, и пребывает в нем именно через таинство Евхаристии. И это пребывание обусловлено верой Церкви и приобщением верных. Христос пребывает в мире для верных: «и вот Я с вами во все дни до скончания века» (Мф 28:20), и пребывает телесно именно через Евхаристию.

Евхаристология отца Сергея Булгакова

Отец Сергей Булгаков перенес рассуждения о таинстве Евхаристии в христологический план, рассматривая его в свете первосвященнической жертвы Иисуса. Евхаристия эсхатологична потому что в ней Иисус, «сидящий одесную Отца» пребывает в тоже время на земле в разные эпохи, в разных частях света на бесчис-

⁶³ Шмеман Александр, *прот.* Проблемы православия в Америке / пер. с англ. Ю. Терентьева. С. 54–56.

ленных алтарях⁶⁴. Это происходит через предложение хлеба и вина, «просфоры» (т.е. приношения верных) в Божественной литургии в Тело и Кровь Христовы. Это конституирующее таинство Церкви не может быть ни объяснено, ни опровергнуто никакими естественно-научными теориями. Ведь в нем одно вещество не заменяется другим, подобно тому, например, как в Кане Галилейской вода превратилась в вино. Отец Сергей указывает, что нет и не может быть в мире такого вещества, в которое могли бы превратиться хлеб и вино при своем предложении в Тело и Кровь Христовы, потому что среди вещей этого мира «вообще отсутствует вещество тела и крови Христовых»⁶⁵. Объяснение как это возможно лежит не в пределах натурализма, а в области христологии. Человечность воскресшего и вознесшегося Иисуса Христа трансцендентна этому миру и не подвластна его законам, но сохраняет свою связь с ним и способна являться через вещество этого мира. Основными моментами Евхаристического жертвоприношения являются заклание и вкушение, которые также приобретают смысл только внутри христологии⁶⁶. Если ветхозаветный культ знал множество непрестанно повторяемых закланий, то новозаветное служение знает только одно заклание единой Жертвы – самоприношения Иисуса Христа, принесшего Себя раз и навсегда (ср. Посл. к Евр 7-10). Евхаристия становится понятной лишь со снятием границ пространства и

⁶⁴ Булгаков Сергей, *прот.* Агнец Божий. – Париж: Имка-Пресс, 1933. С. 435.

⁶⁵ Булгаков Сергей, *прот.* Евхаристический догмат / Путь. № 20, 1930. – Париж: Имка-Пресс. С. 3–4.

⁶⁶ Булгаков Сергей, *прот.* Евхаристическая жертва // Зандер Л. Бог и Мир, ч. I. – Париж: Имка-Пресс, 1948. С. 150.

времени: все события жизни Богочеловека, совершившиеся во времени и пространстве, и воспоминаемые на Евхаристии («поминающе убо спасительные сия заповеди и вся еже о нас бывшее: гроб, крест, трехдневное воскресение, на небеса восхождение, второе и славное паки пришествие»), в состоянии прославленности Христа получают силу вечности. Вознесшийся и вошедший в нерукотворное святилище, одесную Отца сидящий Христос, «вчера, сегодня и во веки тот же» есть один и тот же Христос, Который устанавливает Тайную Вечерю и причащает учеников, что и свидетельствуется в литургийной молитве Церкви⁶⁷.

В отношении мира видимого – эта сила единой и пребывающей жертвы Христовой проявляется как свобода от ограничений времени и пространства. По вознесении Тело Господа духовно, трансфизически, сохраняя связь с веществом, оно перестает быть детерминировано вещественными законами. По словам о. Сергия, это духовное, динамическое тело, лишенное плотяности, является образом полного овладения телесностью как таковой, будучи свободным от вещественной телесности этого мира⁶⁸.

Здесь и лежит объяснение Евхаристии, через которую и осуществляется связь Господа с миром и Его власть над ним, что сохраняется в Его причастности земному веществу – хлебу и вину – и без вкушения последнего. Здесь следует привести оригинальное философское и богословское умозрение о. Сергия о взаимоотношении человека и мира и о взаимоотношении Бога

⁶⁷ Булгаков Сергей, *прот.* Агнец Божий. С. 436.

⁶⁸ Булгаков Сергей, *прот.* Евхаристический догмат / Путь. № 20, 1930. С. 30–40.

и мира в Богочеловеке, для Которого, как истинного человека, характерно и всё собственно человеческое. Это умозрение проходит через все творчество Булгакова, начиная с его ранней книги Философия хозяйства. Связь человека с миром с особой наглядностью явлена в питании – подлинной пуповине, соединяющей человека с лоном материи. В питании происходит телесное общение человека с миром, который предстает как внешний человеку, но с которым последний как бы отождествляется через питание. Здесь мы имеем дело с естественным обменом мирового вещества через человека, который живет с миром общей материальной жизнью.

Подобным же образом и Богочеловек через питание самоотождествляется с миром. В своей земной жизни Спаситель, евший и пивший хлеб и вино, претворял их естественно в Свои кровь и плоть. Возйдя через Свое жертвоприношение в «самое небо» (Евр 9:24), Иисус вознёс туда и Свое обóженное, преображенное, одухотворенное человечество в его отныне непреходящей со-единосущности с миром. Как Священник вечный Иисус сохраняет и удерживает в Себе все состояния Своего пребывания на земле. Потому и вне телесного вкушения Господь способен *предлагать* хлеб и вино в Свое тело и Свою кровь также как Он это делал в период Своей земной жизни. Вознесшееся тело Спасителя, хотя и свободное от вещества этого мира, сохраняет силу являть себя через это последнее, через хлеб и вино, которые становятся Телом и Кровью Христовыми⁶⁹. Эти рассуждения являются современным выражением

⁶⁹ Булгаков Сергей, *прот.* Евхаристический догмат // Путь. № 21, 1930. С. 3–5.

православного святоотеческого учения о Евхаристии⁷⁰. В силу Своего вечного первосвященства и Божества Иисус способен «расширять Свою телесность», прелагая в Своё Тело хлеб и вино – независимо от их поядания здесь и теперь⁷¹. Таинство, подчеркивает о. Сергей, заключается в том, что хлеб и вино за литургией принадлежат двум планам бытия – метакосмическому, как и Сам Господь, пребывая Его вознесшейся Плотью и Кровью – и чувственному, в котором они есть хлеб и вино.

Второй же аспект Евхаристии – вкушение. В православном понимании Святые Дары существуют лишь для определенной цели – причащения. Они даются в

⁷⁰ В «Большом огласительном слове» св. Григорий Нисский учил о ней, что подобно тому, как хлеб, вкушаемый Господом, претворялся в Его святое тело, также по силе Слова Божия он претворяется в Его тело и без этого вкушения. Также и св. Иоанн Дамаскин пишет тоже, что не вознесшееся тело сходит с небес, а хлеб и вино и *без вкушения* телом по силе нисходящего Духа *сверхестественно прелагаются* в Тело и Кровь Христовы. Св. Иоанн Дамаскин, «Точное изложение православной веры», кн. IV, гл.13. Это учение, как подчеркивает о. Сергей, собравший эти сноски, не было погребено в святоотеческих манускриптах, но составляло всегда внутреннее содержание православной евхаристологии, что и было выражено в XIX веке в «Послании Восточных Патриархов» (Чл.17), имеющем вероучительное значение, в котором сказано: «...и это не потому, что тело Господа, находящееся на небесах, нисходит на жертвенник, но потому, что хлеб предложения, приготовляемый порознь во всех церквах и по освящении претворяемый и прелагаемый, делается одно и то же с телом, сущим на небесах». *Булгаков Сергей, прот.* Евхаристический догмат», Путь, № 21.

⁷¹ *Булгаков Сергей, прот.* Евхаристический догмат. Путь № 20. С. 25-27.

пищу верным, хотя хлеб и вино суть тело и кровь Христовы до и вне причащения⁷². Подобно тому как земная пища, хлеб и вино изменчивые, даются человеку для поддержания его временной жизни, тело и кровь Христовы как пища бессмертия даются человеку для его жизни вечной. Именно во вкушении и раскрывается весь смысл Евхаристии, в которой плоть Христова выступает как новое древо жизни, а кровь, которая в Ветхом Завете имела очищающее значение, предстает в своей вечной, абсолютно освящающей силе (ср. Посл. к Евр гл 9-10). Так Евхаристия оказывается вечным центром христианского культа, как выражение Первосвященнического жертвоприношения Христа (Приносящего и Приносимого, как молится церковь за Херувимским пением), благодаря вечности Которого и она сама приобретает силу вечности⁷³.

Шмеман застал самые трудные и самые светлые годы о. Сергия Булгакова, который оставался главным мозгом и сердцем Свято-Сергиевского института, и собирателем его профессорского состава. О его лекциях, в которых он вскапывал как глубокие пласты патристического наследия, так и современной ему философии, Шмеман шутя вспоминал, что он сам, возможно, был единственным в классе, который понимал сложную мысль о. Сергия. В эти годы о. Сергей после операции на горле, удалившей раковую опухоль, почти потерял голос и читал лекции и служил ранние литургии свистящим шёпотом. И, однако, как вспоминал о. Александр Шмеман в статье «Три образа», эти литургии и

⁷² Булгаков *Сергий, прот.* Евхаристический догмат. Путь № 21. С. 16-17.

⁷³ Булгаков *Сергий, прот.* Агнец Божий. С. 432.

эти лекции были незабываемы: *«Что-то было в его служении, в самой его угловатости и порывистости первобытное и стихийное, что-то от древнего жреца или ветхозаветного первосвященника. Он не просто совершал традиционный, во всех своих мелочах “отстоявшийся” обряд. Он до конца, до предела растворялся в нем, и впечатление было такое, что литургия служится в первый раз, падает с неба и возносится от земли впервые. Хлеб и Чаша на престоле, огонь свечей, кадильный дым, эти руки, воздвигнутые к небу: все это было не просто “службой”. Тут что-то совершалось во всем мироздании, что-то предвечное, космическое, “страшное и славное” в славянском значении этих богослужебных слов. И, мне кажется, не случайно писания о. Сергия так часто уснащены и как бы утяжелены литургическими славянизмами, сами так часто начинают звучать как богослужебная хвала... Ибо богословие о. Сергия, на последней своей глубине, именно и прежде всего “литургическое” – раскрытие опыта, данного в богослужении, передача той таинственной “славы”, которая пронизывает его, того “таинства”, в котором оно укоренено и “эпифанией” которого оно является. Явление Бога, но потому и мира в его Божественной превозданности, Божественных корней творения, предназначенного к тому, чтобы Бог наполнил его и стал “всяческим во всех”»⁷⁴.*

Эта слава все более и более отражалась и на лице о. Сергия, и в полноте воссияла перед самой его смертью, как стало известно из воспоминаний сестры Иоанны Рейтлингер, опубликованных в 1988. Сестра Иоанна,

⁷⁴ Шмеман, Александр, прот. Собрание статей 1947–1983 // Три образа. – М.: Русский Путь, 2009. С. 856.

бывшая духовной дочерью о. Сергия, вместе с Еленой Осоргиной, родственницей матушки Юлиании Шмеман, урожденной Осоргиной, и двумя монахинями, Бландиной и Феодосией, ухаживала за разбитым параличом о. Сергием в последний месяц его болезни и свидетельствовала о его «преображении», когда через несколько дней после перенесенного инсульта его лицо внезапно просияло и превратилось в *«сплошной и самый реальный свет»*. Этот сплошной свет, который при этом *«не стирал и не упразднял черт лица»* продолжался около двух часов, оставив неизгладимое впечатление на всех присутствовавших, которые воспринимали последние дни о. Сергия как реальное свидетельство тайны будущего века⁷⁵.

Отец Александр Шмеман навсегда остался под обаянием его силы молитвенника и священнослужителя, совершителя литургии. От него, вероятно, и унаследовал он взгляд на православное богослужение как источник богословия. Впоследствии о. Александр, первоначально специалист по церковной истории и каноническому праву, развил этот взгляд в целую богословскую область — в котором сам стал мастером и открывателем забытых миров — а именно — в литургическое богословие, так же не без влияния могучей мысли о. Сергия Булгакова.

Отец Сергей положил Евхаристию основой церковного опыта и источником богословия, в том числе и в первую очередь, самой экклезиологии, потому, что она

⁷⁵ *Сестра Иоанна Рейтлингер*. Отрывки воспоминаний об о. Сергии / Вестник Русского Христианского Движения, № 159. — Париж: Изд. РСХД при участии изд. «УМСА-Press», 1990. С. 60.

составляет универсальный опыт всех членов Церкви, а с другой стороны, христианин является в свою очередь членом Церкви в той степени, в которой приобщается Евхаристии. На основе своего христоцентричного учения об Евхаристии, Булгаков развивает и свое учение о Церкви. Первосвященство Иисуса Христа – ключ к пониманию природы Церкви. Церковь понятна лишь в контексте преображенной, вознесенной, неразрушимой человечности, которую мы находим, прежде всего, в богочеловечности Иисуса. Христос есть Глава Церкви, но не как один из членов её, хотя бы и самый важный, но как пребывающий над всеми членами как их основание⁷⁶. Через приобщение Иисусу человечество становится Церковью – богочеловечеством. Здесь обнаруживается ясная связь с Евхаристией. Для о. Сергия Булгакова, равно как и для его последователей из числа студентов и профессоров Свято-Сергиевского института, для о. Николая Афанасьева, о. Александра Шмемана, о. Иоанна Мейендорфа, Евхаристия есть центральное таинство Церкви, её конституирующая основа. Поэтому Евхаристия есть таинство таинств, центральное таинство Церкви⁷⁷, через которое она рождается, как и в таинстве Пятидесятницы, сошествия Духа Святого на апостолов. Церкви – именно как Телу Христа Первосвященника, живущему внутри Его единственной жертвы через Евхаристию, дано производить таинства из себя, также, как и производить собственную иерархию для совершения этих таинств. В основе таинств и иерархии, существующей для их совер-

⁷⁶ *Булгаков Сергей, прот.* Невеста Агнца. – Париж: YMCA-PRESS, 1945. С. 283.

⁷⁷ Там же. С. 308–309.

шения, по убеждению о. Булгакова, лежит *«таинство всех таинств, всетаинство, которое и есть сама Церковь, как Богочеловечество, сущее Боговоплощение и Пятидесятница Духа в их пребывающей силе»*⁷⁸.

Таким образом в евхаристической экклезиологии иерархия, не будучи умаленной в своем значении, в смысле конституирования Церкви играет служебную роль. Иерархически-сакраментальная схема: Христос-иерархия-таинства-церковь, заимствованная у католичества и оставшаяся в школьном богословии, и породившая клерикализм, в понимании о. Сергия претерпевает инверсию, более отвечающую православному преданию и литургическому опыту: Христос-евхаристия-церковь-таинства-иерархия. Иисус Христос Первосвященник вечный силою Своей вечной Евхаристической жертвы, совершаемой на всех алтарях, созидает Свою Церковь – становящееся богочеловечество и все-таинство – имеющую власть порождать все прочие таинства и для совершения их производить из себя иерархию⁷⁹.

Это понимание не умаляет значение апостольской иерархии, ведущей свое начало от апостолов, избранных и поставленных Господом, и утвержденных даром Духа в Пятидесятницу. Наряду со Христом, – как указывает на совместную деятельность Двух Божественных Ипостасей о. Булгаков, – построяет апостольскую Церковь и Дух Святой, Который дает Свою благодать не как лишь «субъективное вдохновение», но «как объективный факт жизни Церкви» через рукоположенную идущую от апостолов иерархию. Как *«Глава и начало*

⁷⁸ Там же. С. 296–297.

⁷⁹ Ср. Зандер Лев. Бог и мир, ч. II. – Париж: Имка-Пресс, 1948. С. 303.

новозаветного священства», «Сам жертва и жрец», Иисус Христос «рукоположил Своих апостолов еще до Вознесения, вдунув в них Духа Святого со словами: “примите Духа Святого”, причем рукоположение это получило свою полную силу лишь по Вознесении, при сошествии Св. Духа»⁸⁰. Духом же Святым, через рукоположение «апостолы как первоиерархи, передавали эти свои иерархические полномочия, насколько они имели не личный, но общий характер, своим преемникам. Это преемство, очевидно, в силу апостольского же установления, которого мы хотя и не можем непосредственно констатировать, но не можем и не признать, после некоторой неопределенности и колебаний, ко II веку, оформилось уже по типу ветхозаветного священства, хотя и уже отличного от него. Для Церкви, которая живет единством предания, это установление апостольского преемства иерархии имеет аксиоматическую очевидность»⁸¹.

«Епископ, как носитель полноты харизматической власти, естественно и неизбежно становится средоточием, к которому тяготеет вся жизнь церковной общины, ибо от него она зависит в самом существенном отношении... Из этого общего харизматического основания в истории Церкви развивается дальнейшее каноническое право, определяющее права епископа в Церкви, а далее и взаимоотношение различных епископов. Епископ, по установившимся правилам церковным... (Ц. Прав. I всел. соб., I апост. прав.), рукополагается или всеми епископами области, или по крайней мере двумя – тремя».

⁸⁰ Булгаков Сергей, прот. Православие. Очерки учения Православной Церкви. – Париж: Имка-Пресс. С. 101–102.

⁸¹ Там же. С. 103.

Однако, хотя и «появляются различия между епископами на основании их канонических полномочий», в православном богословии сохраняется то понимание, что *«будучи канонически различны в силу исторических и фактических взаимоотношений, епископы харизматически совершенно равны, и между ними нет свержепископа...»*⁸². Так понимаемое значение епископата ни в коей мере не умаляет значение как духовенства, так и верующего народа. Как подчеркивает о. Сергей, внутри Церкви как народа Божия, епископы в ранней церкви, как и сами апостолы, не делали ничего без согласия и одобрения общины. *«Мы не знаем в истории апостольских времен ни одного факта, – утверждает о. Сергей, – когда бы апостолы поступали как единоличная власть над церковью и без церкви»*⁸³. Мы можем воспринять слова о. Сергия как косвенное указание на преемство соборной структуры и жизни Православной Церкви в Америке от Первого Апостольского Собора в Иерусалиме через преемство с Московским Всероссийским Собором 1917–1918 года, на котором был избран св. патриарх Тихон и был всей Русской Церковью заимствован устав её Северо-американской епархии. Булгаков подчеркивает соборную природу церкви с самого ее начала, с «Церкви Иерусалимской», где основные акты и решения принимались «церковью с апостолами и пресвитерами», приводя в пример Первый Иерусалимский собор, на котором «Павел и Варнава были приняты “Церковью, апостолами и пресвитерами”». На этом же соборе «апостолы и пресвитеры рассудили вместе со всей Церковью», т.е. приняли решение соборно вместе

⁸² Там же. С. 108–109.

⁸³ Там же. С. 113.

с присутствующей «братией» (Деян 15:6; 22-23). Эта полнота Церкви, епископов, пресвитеров и народа, как говорит о. Сергей, была представлена «на Московском Всероссийском Соборе (1917-18 гг.), который состоял из епархиальных, т.е. имеющих единение с паствой, епископов, священников и мирян и в этом своем составе точнее отображал каноническую норму Иерусалимского собора, нежели даже соборы вселенские»⁸⁴.

Эта экклезиологическая модель, принятая Шмеманом в Свято-Сергиевском институте, и была при его инициативе осуществлена в американской митрополии, ставшей ПЦА. Продолжая же наш обзор богословских исследований природы Церкви в Свято-Сергиевском институте, следует назвать прот. Николая Афанасьева, непосредственного учителя о. Александра. Вслед за о. Сергием Булгаковым – его ученик и младший коллега, о. Афанасьев развил евхаристическую экклезиологию уже на базе истории Церкви и канонического права, т.е. тех дисциплин, в которых он сам профессионально подвизался. Опираясь на евхаристическую христологию, разработанную, как мы видели, о. Сергием Булгаковым, Афанасьев показал, что понятие “кафолическая церковь” в раннем христианском сознании означало не территориальное распространение Церкви по всему миру, а ее онтологическое все-присутствие.

«Исходной точкой всего богословского интереса» о. Николая, как писал о нем его ученик и младший друг о. Александр Шмеман, «внутренним двигателем всего его творчества было то, что не назовешь иначе как мистическим прозрением, мистической интуицией “первосущности” Церкви. И вот строим, предельно

⁸⁴ Там же.

научным историческим методом, которым владел он в совершенстве, о. Николай описывал то, что как раз и не вмещается в историю, и анализом правовых, канонических норм определял то, что находится по ту сторону всякого “права”»⁸⁵.

Именно «во всеоружии исторического богословского метода»⁸⁶, прот. Афанасьев показал, что кафоличность («соборность», «вдохновенно и гениально» провозглашенная Хомяковым⁸⁷) Церкви актуализируется за каждой литургией, на каждом евхаристическом собрании, где председательствует епископ, окруженный клиром и верующим народом Божиим. Там, где совершается Евхаристия, присутствует Христос с церковью святых, в которой и дана полнота ”вселенской” Церкви. А поскольку, согласно правилам Православной церкви, для евхаристического собрания необходим канонически поставленный епископ в сослужении духовенства и молитвенном предстоянии народа Божия, то и вся полнота Кафолической Церкви явлена в каждой епархии.

Епископская благодать – это, прежде всего, благодать евхаристического предстояния, а также и рукоположения священников как делегатов епископа, от его имени совершающих Евхаристию вместе с поставлением дьяконов как служителей поместной церкви. Поэтому в каждом епископе явлена полнота апостольской харизмы и в этом смысле все епископы равны. Название “митрополии” или “патриархии” относятся не к

⁸⁵ Шмеман, Александр, прот. Собрание статей 1947–1983 // Памяти отца Николая Афанасьева. – М.: Русский Путь, 2009. С. 839.

⁸⁶ Там же. С 840.

⁸⁷ Там же.

кафолической природе церкви, а к ее геополитическим и демографическим аспектам. Потому патриарх или митрополит в каждой поместной церкви не столько поставлен над церковью, сколько является ее первосвященником, первым среди равных в коллегии епископата.

Это понимание, заложенное в литургической и канонической практике, и теории православия, подготовило почву для преодоления юрисдикционного подхода, согласно которому епископ географически большей области или более важного административного центра (митрополит или патриарх) осуществляет власть над епископами меньших областей. Каждая епархия, собирающая на евхаристию народ и духовенство вокруг епископа, представляет собою в полноте Тело Христово, так что все епархии равны, и огромная митрополия не в большей степени является Телом Христовым, чем маленькая епархия. Отец Николай Афанасьев убедительно показал, как евхаристическая экклезиология ранней церкви была в православии постепенно вытеснена, не без влияния Римо-католической практики и теологии, и под давлением государственной власти, юрисдикционным пониманием церкви как института во главе с иерархией.

Отец Александр и практически вынес это понимание церкви с ранних лет, будучи алтарником и прислужником митр. Евлогия, под омофором которого расцвела истинная свобода православия и православного богословия в подведомственной ему русской епархии в Европе.

«К митрополиту Евлогию, – писал Шмеман, – я был близок, если можно так выразиться, “физически”. С двенадцатилетнего возраста я был его прислужником –

жезлоносцем, рипидчиком, иподьяконом. Мне довелось облачать его в последний раз в печальный вечер его кончины, в августе 1946 года... Владыку Евлогия мы, члены его “митрополичьего штата”, видели только в храме и еще два раза в году – на Рождество и на Пасху – в его покаях, где он принимал свою, как он говорил, “гвардию” и где мы тонули в его доброте, благодушном юморе и гостеприимстве. С одной стороны, он не имел над нами никакой “административной” власти, с другой же – каждый из нас чувствовал себя его собственностью, нужным и даже необходимым участником его жизни и служения в самом важном и священном их проявлении... Но именно потому, что близость эта всегда была в алтаре, у престола, потому что все в ней было отнесено к “священнотайной” красоте богослужения, она претворялась – и чем дальше, тем больше – в ту любовь и ту радость, которые навсегда остались для меня первичной сущностью Церкви, тем ее самооткровением и самоочевидностью, которых никогда не смог... поколебать более поздний и печальный опыт “прозы” церковной жизни, ее “консistorской” стороны. Через митрополита Евлогия и прислуживание ему мне открылось то, что и до сих пор для себя я ощущаю как первооснову православного церковного опыта: одновременно и “величие”, бесконечную высоту, отдаленность и даже “страшиность” всего Божественного, но и близость его и радость и свет этой близости... Ибо он соединял в себе, непередаваемо и непостижимо, и все величие, всю божественную сущность епископства и через него Церкви, и одновременно сущность их как близость и любовь. Ему не нужно было ни себе, ни другим напоминать о величии своего

сана, потому что величие это, самочевидное для него, становилось самоочевидным для всех, соприкасавшихся с ним. Ему не нужно было защищать свою власть, потому что она спокойно и опять-таки самоочевидно изливалась из него. И ему не нужно было искать искусственной близости к людям, потому что и величие, и власть в нем были действительно величием и властью любви. Со смертью митрополита Евлогия кончилось мое церковное “детство” и то почти беспримерное ощущение Церкви как рая, которое с детством этим было связано...»⁸⁸ Отец Александр Шмеман помнит свое рукоположение в священники в соборе св. Александра Невского в Париже и как сторож собора подарил ему «епитрахиль митрополита Евлогия»⁸⁹.

Свято-Владимирская семинария

Но вот о. Александр – в Америке, куда он приехал по приглашению о. Георгия Флоровского, нуждавшегося в профессуре для Свято-Владимирской семинарии. Благодаря трудам и уважению, которым о. Г. Флоровский пользовался в экуменических и академических кругах, семинария получила статус высшей богословской школы, будучи признанной Ассоциацией духовных академий и университетов США. Это ее превращение в духовную академию произошло благодаря чудесному притоку из Европы русских ученых, пригнанных в Америку неустройством и послевоенной нищетой. Первым из них оказался Георгий Петрович Федотов,

⁸⁸ Шмеман Александр, прот. Собрание статей 1947-1983 // Три митрополита – М.: Русский Путь, 2009. С. 831-832.

⁸⁹ Дневники. С. 133.

медиевист, культуролог и историк, по политическим убеждениям христианский социал-демократ, видевший в то время убежище для свободы исключительно в англо-американских демократиях. Оставшись во время войны в Англии, куда он отбыл на чтение лекций, он не вернулся в оккупированный Париж, в Сергиевский институт, где его ждал курс лекций, а уплыл в Америку, по приглашению преподавать в Свято-Владимирской семинарии, до того маленькой провинциальной духовной школы с минимальным профессиональным образованием. В нее-то Федотов и пригласил о. Флоровского. Избранный деканом Свято-Владимирской семинарии, о. Георгий собрал в ее преподавательский состав светочей русской богословской науки: Николая Лосского, Николая Арсеньева, Александра Боголепова, бежавших из послевоенной Европы. Благодаря их трудам и удалось поднять семинарию на уровень высшей школы. Лосский написал за время своего преподавания уникальный для того времени труд по истории русской философии⁹⁰, в котором впервые обозрел основные направления русской философской мысли XIX и XX века, конечно совершенно замолченные и задавленные в Советской России. Федотов успел написать и издать два тома “Russian Religious Mind” и том “Treasury of Russian Spirituality,” ставшие учебниками на всех факультетах западной славистики. Александр Боголепов, законовед, первый выборный ректор Петроградского университета, стал в американской семинарии преподавателем канонического права и специалистом по истории русской церкви в XX веке. Именно он разработал канонические основы для превращения американской митрополии в

⁹⁰ Nicholas Lossky, “History of Russian Philosophy”.

автокефальную церковь в книге “Toward An American Orthodox Church: The Establishment of an Autocephalous Orthodox Church”⁹¹.

Вклад Флоровского хорошо характеризует книга его статей, “The Patristic Witness of George Florovsky”, edited by Brandon Gallaher & Paul Ladouceur. Что однако, парадоксально, по видимости, это то, что редакторы выбрали для обложки книги картину Марка Шагала «Исход», в центре которой в контуре солнца изображено огромное распятие со Христом, Который как бы защищает собой толпу спасающихся бегством евреев. Что же общего нашли издатели между этой картиной и творчеством и судьбой Флоровского? Отец Сергей Булгаков в 30-е годы опубликовал статью «На реке Ховаре», в которой сравнил русских православных беженцев и их духовную школу, которую он представлял, с евреями в Вавилонском плену, изгнанниками с родины. Послевоенный исход из Европы профессоров Свято-Сергиевского института может быть иллюстрирован той же картиной. На мой вопрос о. Александру, почему он приехал в Америку с семьей, он кратко ответил: жить было негде. В Дневниках вспоминает о жизни в загородном домике, в порядочном расстоянии от Парижа и пригородов.

«Мы прожили там (L'Etang la Ville) почти шесть лет (с 1945 по 1951). Оттуда я ездил посвящаться, а потом служить в Кламар. Оттуда также поехал – в октябре 1945 -на свою первую лекцию в Институте. Оттуда Льяна ездила в Кламар к родителям рожать

⁹¹ Alexander Bogolepov, *Toward an American Orthodox Church: The Establishment of an Autocephalous Orthodox Church*, St. Vlad. Seminary Press, 1963, 2001.

Сережу и Машу. Мы были тогда невероятно бедны (иногда, накормив детей, сами не ужинали), но какие же это были счастливые годы! Жили прямо на опушке леса, в продувной избе»⁹².

В Америке, вокруг небольшого островка Свято-Владимирской семинарии, ютящейся в здании епископальной духовной академии и существующей на дотациях этой последней, о. Александр обнаружил огромный архипелаг рассеянных карпаторосских приходов, которые в основном и составляли основное тело здешней митрополии РПЦ. По мере их вступления, начиная с 1890-годов, в русскую епархию, а затем и митрополию, в ней сформировалась свойственная униатам традиция приходского самоуправления и независимости⁹³. Тем более, что митрополия объявила себя еще в 1924 г. независимой от поработенной церкви в СССР и существовала как автономная церковная область. Таким образом, как бы все элементы поместной церкви на месте. Но в каком убожестве, бессилии и бесплодности все эти разъединенные и не связанные между собой элементы пребывали! Хотя основной карпаторосский контингент митрополии относился к Свято-Владимирской семинарии с уважением и доверял ее профессорскому составу, свободные научные интересы последнего, питаемые культурой русского религиозного возрождения начала XX века и русской парижской интеллектуальной

⁹² *Дневники*. С. 129.

⁹³ Подробнее об этом и о политических последствиях их вступления в состав РПЦ см. исследование автора. *Аксёнов-Меерсон Михаил, прот.* Империй Призрачных Орлы: как русская епархия в Америке послужила фактором в развязывании Первой мировой войны – Санкт-Петербург: Алитейя, 2021.

элиты, были ему чужды и малопонятны. Ничего не слышали здесь и о Евхаристическом возрождении. Многие кандидаты в священство предпочитали получать минимально необходимое профессиональное образование в провинциальной пенсильванской семинарии при Тихоновском монастыре. О финансовой поддержке семинарии со стороны приходов по вышеназванным причинам речь даже и на заходила, и Флоровский как ее декан на такую поддержку не возлагал особых надежд, хотя неустанно и призывал к такой поддержке. Собранный вокруг него профессорский состав, по возрасту уже на исходе жизни, а в Америке уже вступивший в третью стадию эмиграции (после славянских стран вроде Чехословакии, Сербии и Болгарии, и после Западной Европы) и не чувствуя реальной почвы под ногами, смирился со своей судьбой приживальщиков у местной господствующей Епископальной церкви.

Нашел здесь Шмеман и множество православных церквей, разделенных на этнические юрисдикции с приходами, исполняющими функции эмигрантских клубов, хранящих собственные обычаи, в которых православие играло привычную подсобную роль. Православие, как открытое заново в Свято-Сергиевском институте усилиями светил русской религиозной мысли и церковной науки, здесь было совершенно неизвестно.

И отец Александр, вынесший из своего образования все богатство православной богословской культуры, поражается ее беспомощностью перед «православной» же жизнью этнических церквей, которые эти культурным наследием и его смыслом не интересуются: *«...Первое, что нужно было бы выяснить, это почему Православие перестало “действовать” на самих православных.*

Будь то у русских, будь то у карпатороссов, греков, албанцев, но у всех между ними и Православием, т.е. собственной верой, стоит какая-то стена, которой не разрушить никакими проповедями, книгами, никакой “религиозно-просветительской” деятельностью. И это так потому, что стена эта и есть, в сущности, их – уже существующее, и веками! – восприятие Церкви, богослужения, “духовности”, самой веры. Тут не просто пустота, отсутствие знания, интереса и т.д. Нет, тут своего рода полнота, наполненность до краев, не позволяющая проникновения в сознание ничего “нового”»⁹⁴.

Однако о. Александр Шмеман, приехавший в Америку молодым энергичным двадцатилетним профессором богословия и церковным деятелем, свободно ориентировавшимся в среде трех языков и культур (русской, французской и английской), сразу же почувствовал нездоровость и неправильность местной церковной ситуации, особенно же пропасти между элитарным уровнем богословского образования и глубоко провинциальной приходской жизни, теплившейся на уровне разбросанных по огромной территории национально-религиозных русинских клубов. Первой целью он поставил связать семинарию с жизнью приходов. Отец Иоанн Мейендорф, его сотрудник по семинарии и соратник по строительству американской поместной церкви, так подытожил деятельность о. Александра, в статье-некрологе о нем: *«Пожалуй, самым ощутимым вкладом отца Александра в жизнь Свято-Владимирской семинарии было то, что ему удалось включить духовную школу в самую ткань церковной жизни. При*

⁹⁴ Дневники. Понед. 26 апр. 1982. С. 631.

нем она перестала быть только академическим учреждением, пользующимся уважением в экуменических кругах, но в значительной мере инородным по отношению к жизни епархий и приходов»⁹⁵.

Во главу угла пробуждения приходской жизни о. Александр поставил Евхаристию, как живое пребывающее свидетельство, выраженное именем «Еммануил» т.е. «С нами Бог» (Мф 1:23), в благовестии ангела Иосифу в начале Евангелия от Матфея. Бог с нами и в нас – это Иисус Христос, дающий Себя в пищу верным, ставший послушной Лозой Церкви: «Я есмь истинная виноградная лоза... а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего» (Ин 15:1;5).

Потому возрождение церковной жизни может начаться лишь с пробуждение того, что о. Александр называет «Евхаристическим голодом», с готовности ответить на приглашение Христа: «Ядющий Мою Плоть и пиящий Мою Кровь во Мне пребывает и Я в нём». (Ин 6:56). Отец Александр был не первый в Америке, кто звал к доступной и обязательной евхаристической жизни для мирян. Еще в бытность архиепископа Тихона (Белавина), будущего Патриарха Московского – исповедника, главой американской епархии в конце XIX века, эта тема вставала в церковной прессе. Священник Александр Хотовицкий⁹⁶, редактор Американского

⁹⁵ Мейендорф Иоанн, *прот.* Жизнь с избытком / пер. с англ. Ю. С Терентьева // Шмеман Александр, *прот.* Дневники 1973-1983 – М.: Русский Путь, 2005. С. 659.

⁹⁶ Впоследствии ставший новомучеником. Хотовицкий вернулся в Россию, оставался близок патриарху Тихону, который назначил его ключарем Храма Христа Спасителя в Москве в сане протопресвитера. Хотовицкий был арестован

Православного Вестника (АПВ), в разделе «Наша Миссия», который он вел регулярно, для возрождения духовной жизни призывал к регулярному причащению Святых Тайн для всех верующих⁹⁷.

Но возвращение к всеобщему причащению за литургией не было простым делом. Разделение на причащающийся клир и не причащающихся мирян настолько глубоко укоренилось в жизни Церкви, что считалось повсеместной нормой. Однако, при более пристальном рассмотрении оказалось, что у этой «нормы» есть своя история. Древняя церковь считала причащение основным делом христианина – по молитве возношения в литургии св. Василия Великого словами самого Господа: «Сие творите в Мое воспоминание. Едя хлеб Мой и пия Кровь Мою, Мою смерть возвещаете, Мое воскресение исповедуете». Христианин, который не причащался без уважительной причины более нескольких недель отлучался от Церкви, поскольку, перестав причащаться, тем самым переставал на практике свидетельствовать свою веру в Воскресшего.

Однако, как было возможно возвращение к этой практике древней церкви после стольких веков забвения этой практики в самих православных странах? Отец Александр начал свой «крестовый поход» за возвращение к регулярному приобщению с попытки

и сослан на Соловки, где и погиб. («По газетным сообщениям 6 мая 1930 года скончался в заключении в Соловках бывший настоятель Николаевского собора (и редактор Вестника) прот. А. Хотовицкий». АПВ, Июль 1930, № 7. С. 167.

⁹⁷ Прот. Александр Хотовицкий, «О еженедельном причащении мирян как о могучем средстве оживления и укрепления церковной жизни», АПВ, № 22, 17–27 ноября 1899. С. 589–592.

убедить епископов. При своем очень критическом отношении к узурпации епископской власти «над Церковью», о. Александр никогда не сомневался в абсолютной необходимости власти епископа «в Церкви». И он старался сохранить это тонкое равновесие между властью епископа и свободой внутри церкви в самой ПЦА. *«Почти мистический парадокс нашей Церкви, – размышлял он уже после провозглашения автокефалии, – она “держит” епископов (уставом, структурами, невозможностью для них, как раньше, безответственного произвола, оправдываемого “архипастырской” властью), но потому и сама “держится” ими: без них невозможно...»*⁹⁸ Он сам не мало страдал от консерватизма, бездумия или страха епископата перед необходимыми переменами, но и ценил его роль в ограждении предания, в хранении церкви: *«Величайшая, глубочайшая правда традиции – это возможность, данная нам, погружаться опять в неизменное»*⁹⁹.

Доклад Священному Синоду об исповеди и причастии

Поэтому свой евхаристический «натиск» о. Александр начал с обращения к епископату. В своем богословском докладе Священному Синоду митрополии, поданному в конце 1960-х годов, о. Александр Шмеман прежде всего призвал к возвращению к практике Церкви в доимперский период, когда она стояла на собственных ногах, а точнее, висела на Господе через постоянное участие в Таинстве Евхаристии.

⁹⁸ *Дневники*. С. 45.

⁹⁹ Там же. С. 181.

«Это известный и неоспоримый факт, что в ранней Церкви причастие всех верующих, всего собрания за каждой Литургией было самоочевидной нормой... Евхаристия определялась и переживалась именно как “таинство Церкви”, “таинство единства”. Христос “сочетался с нами, – цитирует о. Александр св. Иоанна Златоуста, – и растворил Свое Тело в нас, чтобы мы смогли составить одно целое, стать телом, соединенным с Главою”. Ранняя Церковь просто не знала другого символа или критерия членства как участие в этом таинстве. Отлучение от Церкви означало отлучение от евхаристического собрания, в котором Церковь находила свое исполнение и являла себя как Тело Христово. Приобщение Телу Христову было прямым следствием Крещения: как таинства вступления в Церковь, и другого условия для этого причащения просто не было»¹⁰⁰.

Чтобы осуществить это евхаристическое возрождение на практике, он предлагал отделить два таинства Церкви, которые изначально были независимыми, а в ходе истории в практике Церкви соединились – таинство исповеди от таинства причащения. Соединение таинств в жесткую последовательность, в которой одно понимается как необходимое условие для другого, а именно исповедь как условие для причастия, было вызвано самим исчезновением практики регулярного причащения. Если человек причащается раз или два в год,

¹⁰⁰ Protopresbyter Alexander Schmemmann, Confession and Communion: Report to the Holy Synod of Bishops of the Orthodox Church in America, Accepted and Approved by the Holy Synod of Bishops of the Orthodox Church in America, February 17, 1972, p. 5.

то естественно ему перед причащением и исповедываться. Однако это уже становится ненужным и практически невозможным для духовенства, которое причащается за совершением каждой Евхаристии. Причащающийся дьякон, священник или епископ исповедуются не автоматически, а как сознательные лица, каждый в меру необходимости и правил, которые определяет каждому его духовник. Но православие требует такого же взрослого и ответственного отношения к причащению от каждого члена Церкви, иначе бы духовенство и миряне читали бы не одну и ту же, а разные молитвы перед причащением. За разным подходом к причащению духовенства и мирян о. Александр видел клерикализм, противоречащий богословию православия и противный духу православной соборности: *«Относительно же распространенной теории, что существует разница между духовенством и мирянами в принятии Таинства, — далее писал Шмеман, — так что первое может приступать к Нему за каждой Литургией, тогда как миряне не готовы к тому, полезно процитировать св. Иоанна Златоуста, который более кого бы то ни было настаивал на достойном приготовлении к Причащению. “Есть случаи, — пишет великий пастор душ, — когда священник не отличается от мирянина, и именно когда и тот и другой приступает к Святым Тайнам. Всем в равной мере даются Таинства, не как в Ветхом Завете, где одна еда была для священников, а другая для народа и где народу не позволялось приобщаться тому, чему приобщается священник. Ныне же не так: но всем без различия предлагается то же Самое Тело и та же Самая Чаша”»*¹⁰¹.

¹⁰¹ Там же. С. 7.

Синод епископов, рассмотрев доклад о. Шмемана, согласился с его доводами, исходя из сознания перво-степенной важности причащения, с одной стороны, и невозможностью сделать причащение для всех доступным за каждой литургией при ограниченном числе духовенства в Америке. Так как подавляющее большинство приходов имеет по одному священнику, принимать исповедь у всех прихожан перед каждой литургией оказывается практически невыполнимой задачей. Но главным соображением была озабоченность, как бы это таинство исповеди, требуемой при каждом, практически еженедельном причащении, не превратилось в пустую, а потому и тягостную, формальность.

Это решение синода открыло двери к регулярному причащению всем верным Православной Церкви в Америке, которые сами по договоренности со священником находят другое время для таинства исповеди. За годы своей неустанной деятельности о. Александр Шмеман помог превратить русскую митрополию в регулярно причащающуюся общину веры. Но для этого понадобилось переучивать и духовенство служить, подчеркивая центральное место Евхаристии в литургии. За века церковного обихода с его бессознательным клерикализмом, так называемые «тайные», что значит по славянски «тайнодейственные» молитвы, коими пронизана вся литургия, стали читаться почти шёпотом, которым священник произносит их при закрытых царских вратах, убежденный в том, что он сохраняет их от осквернения. Народу же остается слышать лишь беспрерывно повторяющиеся ектеньи и хор, хорошо еще, если приличный. Вот наблюдение о. Александра, причем не одиночного факта, а состояния почти всемирного

православия, которое он отметил после служения в традиционном русском эмигрантском приходе: *«тщательно скрыто все то, что могло бы прийти до сознания верующих, всякое подобие смысла, не говоря уже о молитвах, полная бессмысленность пения, чтения – абсолютно невнятного, включая Евангелие...»*¹⁰². Таков был вековой удел «мирян» за богослужением, в то время как все содержание литургии как подготовки верующего к принятию Бога, сходящему к нему в Таинстве, именно и выражалось в этих «тайных» молитвах. Но боязнь их «осквернить» приводила к их упразднению. Не ожидая внимания народа к ним, служащий священник или епископ, либо их проборматовал чуть ли не автоматически, либо просто опускал. Ведь бессознательно совершитель богослужения «работает на публику», поскольку «Литургия» по смыслу самого слова есть «Общее служение», и построена как диалог между предстоятелем и народом, за которого и от имени которого он и предстоит. Когда этот диалог прерывается через отделение народа от клира, то у последнего исчезает и потребность вникать самому в смысл тайнодейственных молитв. Итак, нужно было изменить эту многовековую практику, при чем повсеместную.

Ни на кого не оглядываться

Отец Александр понимал, что для того, чтобы пробить эту стену замалчивания самого главного, нужно идти вперед, нужно мужество быть самим собой, понимая, что личность вносит свой вклад, когда не оглядывается по сторонам: *«Мне думается, влияет на исто-*

¹⁰² *Дневники*. С. 260.

рию только одно: говорить свое, без оборота на кого бы то ни было, без расчета... И еще: никогда не бояться, что “история” пройдет мимо, не волноваться, как бы не пропустить ее»¹⁰³.

Отец Александр сам начал совершать литургию «громкогласно», вслух, вместе с народом и от его имени, давая звучать всем ее «тайнодейственным» словам. Ему удалось воспитать несколько поколений таких служителей, но после его смерти, эта энергия стала слабеть, и увы, православное литургисание опять возвращается в свою привычную клерикальную рутину, совершаемую опять шёпотом при закрытых царских вратах, т.е. к бессмысленному запрятиванию Новозаветной Жертвы за ветхозаветной завесой. Но пока он был жив, он не оставлял этой своей миссии, которую начал со своего приезда в Америку, а именно – стать апостолом нового времени – вначале через проповедь православия самим православным, соединяя в Тело Христово его разрозненные и между собой почти не связанные «отделы» необъятной митрополии, разбросанной по всему североамериканскому континенту. Его единственным инструментом в этом титаническом предприятии стали сила проповеди и личного свидетельства, личной харизмы и дара убеждения. Но опирался он на основную данность православной практики – богослужение, особенно литургии.

«Как прекрасны ноги благовествующих мир» (Рим 10:15) – писал св. Павел. И такими ногами обзавелся о. Александр. Буквально с первых лет, только-только освоившись, он начал неутомимые объезды, которые продолжал годами, десятилетиями, почти до самой

¹⁰³ Там же. 19 февр. 1973. С. 11.

смерти. Картину, которую описывают его *Дневники* последних десяти лет можно представить и в ретроспективе. Достаточно пары строк из начала Дневников: *«Чудовищная занятость. В пятницу – детское говение, а потом лекция в сирийском приходе в Bergenfield. Вчера в – Watervliet. Завтра – в Buffalo. В среду – Торонто. В пятницу – Филадельфия... Из Баффало в Торонто поехал на автобусе, один, три часа»*¹⁰⁴. И беглого взгляда достаточно, чтобы увидеть, как разбросаны эти места. Собственно, через весь дневник идет отчет о бесконечных поездках, полетах, встречах, богослужениях, богословских симпозиумах с другими исповеданиями и выступлениями в их церквах по приглашению. И это при чтении лекций, пастырской и административной работы в собственной семинарии и бесконечных консультациях с епископатом и духовенством.

Причем подвигало его не чувство непоседливости, моторика внутреннего активизма, а сознание необходимости такой проповеди и долга, движимых благодатью наперекор внутреннему темпераменту и устремлениям: *«Я люблю читать, думать, писать. Люблю друзей и спокойствие и бесконечно счастлив один, дома, с семьей, а вместе с тем вся моя жизнь – одна сплошная обреченность на “действие” – в церкви, в семинарии и т.д.»*¹⁰⁵.

Но эти поездки и встречи служили ему обогащающим духовным опытом, заставляли расти как пастыря, расширяя его кругозор и границы терпимости и понимания: *«Пишу это в иезуитском доме для духовных упражнений на Стэтэн Айлэнде, где в течение трех дней читаю лекции по богословию таинств мельхит-*

¹⁰⁴ Там же. 2–5 апр. 1973. С. 20–21.

¹⁰⁵ Там же. С. 96–97.

скому духовенству»¹⁰⁶. Через неделю: «Снова на Стэтэн Айлэнде, на этот раз в другом доме для духовных упражнений, на съезде лютеранских пасторов, с теми же лекциями о “сакраментальном принципе”. Но какая разница в атмосфере! С мельхитами на прошлой неделе я, несмотря на все... все же чувствовал себя дома, в воздухе Церкви. Здесь теперь этой атмосферы нет, и это несмотря на то, что люди-то, возможно, глубже, чем те...»¹⁰⁷. То, что эти поездки имели целью, прежде всего, православное свидетельство, говорит заметка на следующий день: «Только что вернулся со Стэтэн Айлэнда. Вчера вечером “беседа развязалась”. И снова и снова убеждаешься в том, какие “шансы” были бы у Православия на Западе. Если бы не сами православные, не их уровень, не их восприятие и переживание Православия»¹⁰⁸. И снова и снова повторяются эти сетования в его Дневниках: «В Америке, в “диаспоре” Православие, впервые за много веков, получило свободу. Свободу от империй, от государственной власти, от земледельческого гетто, от этнического гетто и т.д. И вот, попробовав этой свободы, стихийно ринулось назад, в гетто, и предпочитает жить так, как жило под турецким игом, под петровской реформой, во всех видах рабства. Закройте все двери и окна! Из них дует! И постепенно закрывают. И молодые американцы с восторгом устремляются в это гетто, в мракобесие, обсуждение “канонов”, облачений и где можно купить настоящий афонский ладан...»¹⁰⁹. Особенно раздражало

¹⁰⁶ Там же. С. 306.

¹⁰⁷ Там же. С. 307.

¹⁰⁸ Там же. С. 308.

¹⁰⁹ Там же. 29 апр. 1982. С. 632.

его в православных, пришедших из протестантизма и католичества, с какой легкостью они отказываются от собственной рациональной выучки и погружаются в самые мифологические стороны православия, предпочитая, его так сказать, «агаду», благочестивые легенды, стилизацию под «православное старчество». Отец же Александр во всем ценил прежде всего трезвость, остающуюся основным критерием православной духовности, призывающей к «трезвлению» во Христе, причем изнутри самой жизни, в которой «довлеет дневи злоба его». Этой трезвостью старался он всегда руководствоваться и в своем пастырстве: *«Суть христианства мне всегда, с детства, представлялась в том, что оно не разрешает проблемы, а снимает их, переводит человека в тот план, где их нет. В том же плане, в котором они есть, они потому и есть, что они неразрешимы. Поэтому христианство есть всегда проповедь – то есть явление того, другого, высшего плана, явление самой реальности, а не объяснение ее... Мне скажут: а старчество?.. Возможно, даже наверное, что старчество есть особое призвание в Церкви, не совпадающее со священством, с пастырством как таковым. Но ведь и это призвание, если всерьез принять все то, что мы о старчестве знаем, совсем не в этом вот интимном духовничестве, не в объяснениях и разрешениях проблем, а в том же явлении самой реальности. И потому так опасен псевдостарец, столь расплодившийся в наши дни и сущность которого в духовном властолюбии. На это псевдостарчество толкает сама система, делающая из каждого священника “духовника” и маленького “старца”... Лично я вообще бы отменил частную исповедь, кроме того случая, когда человек совершил оче-*

видный и конкретный грех и исповедует его, а не свои настроения, сомнения, уныния и искушения. А что же делать со всеми этими обычными “состояниями”? Я убежден, что подлинная проповедь есть всегда (о чем бы она ни была) одновременно и ответ на них, и их исцеление. Ибо она всегда есть проповедь о Христе, а все это “снимается” только Христом, знанием о Нем, встречей с Ним, послушанием Ему, любовью к Нему. Если же проповедь не есть все это, то она и вообще не нужна»¹¹⁰.

И в этом лихорадочном поиске духовного руководства, отдания своей воли и ответственности за свою жизнь в чужие руки, «духовника», он видел новое рабство и измену христианского призыва к свободе: «Стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства» (Гал 5:1). Отец Александр был убежден, что «мы (и Восток и Запад) расплачиваемся за крах богословия»¹¹¹. В православии это отягчается еще и недоверием к разуму, которому любят противопоставлять «чистую духовность». «Сколько людей не понимают, что неочищенная, непросветленная (разумом) религиозность и есть средоточие демонического в мире»¹¹². Отец Александр остро чувствовал, что на нас «надвигается новое средневековье... новое варварство». «Давно пора понять, что на свете существует очень сильное, очень могучее явление: религия без Бога, религия как средоточие всех идолов, владеющих нашим человеческим “нутром”, как оправдание этих идолов.» Этому о. Александр противопоставлял

¹¹⁰ Там же. Сентябрь 1973. С. 35.

¹¹¹ Там же. С. 151.

¹¹² Там же. Февраль 1973. С. 11.

только одно – свободного человека, самостоятельно думающего человека, *«особенно же свободного “во Христе”, то есть единственно подлинно свободного»*¹¹³.

«Сегодня, – читаем в Дневнике, – идя к утрене, думал о глупости. Думал, что она, в сущности, является несомненным и самым страшным плодом “первородного греха” и даже, еще раньше, падения Денницы. Дьявол умен – говорят всегда. Нет, в том-то и дело, что дьявол бездонно глуп и что именно в глупости источник и содержание его силы. Если бы он был умен, то он не был бы дьяволом, он бы давно “во вретнице и пепле” покаялся бы. Ибо восставать против Бога – это, прежде всего, страшно глупо... Весь “падиший мир” – это “глупость, хитрая на выдумки”. Глупость – это самообман и обман. Дьявол “от начала лжец” (Ин 8:44). Он извечно врет и себе и другим... Глупость всегда самодовольна, а самодовольство импонирует. Можно сказать, что в падишем мире преуспевает глупость, раз и навсегда самодовольно и нагло заявившая, что она умна, одевшаяся в “ум”. Именно потому и христианство, и Евангелие начинаются с “metanoia”, “обращения”, “транспозиции” ума, с поумнения в буквальном смысле этого слова. И потому... так страшно, когда “религия”, возрожденная Христом, наполнившаяся снова “светом разума”... снова и снова выбирает глупость. В современной религии самое страшное – новое восстание против Логоса. Потому так много в ней – на руку дьяволу... Сущность веры не в отрицании “ума” (который-де от дьявола). Отрицание ума есть высшая и последняя победа дьявола, торжество глупости в чистом виде, ибо с “отрицания ума” на-

¹¹³ Там же. Март 1973. С. 19.

чинается сам дьявол. Сущность веры в исцелении ума, в освобождении его от покорившей его себе глупости»¹¹⁴.

Это живое присутствие Христа как Логоса о. Александр искал и умел находить повсюду. Он узнавал, или даже, скорее, угадывал Его присутствие в других, в природе, в чужих дневниках – написанных пусть даже агностиком, антиклерикалом, который сам о Христе и не думает, но своей искренностью и подлинностью об этом вездесущие Христа как-то свидетельствует. И о. Александр узнавал это свидетельство, и с благодарностью его для себя отмечал. В *Дневниках* он часто ссылается на Леото (Paul Léautaud), французского эссеиста, эксцентрика, атеиста, к дневникам которого о. Александр все время возвращается, чтобы обрести внутреннее равновесие в сутолоке церковной жизни. Вот пишет: *читал «14-й том Леото»*. Наши друзья, под впечатлением *Дневников* о. Александра, заинтригованные, нашли Леото, уже твердо забытого во Франции, и прочли, и были еще более заинтригованы тем, что ничего особенного в нем не нашли.

А о. Александр находил, потому что умел находить во всем, и в том, что он называл *«раненой красотой природы»*: *«Я думал: почему мы знаем, что кроме “мира сего” – падшего и во зле лежащего – есть, несомненно есть иной, чаемый? Прежде всего через природу, ее “свидетельство”, ее раненую красоту. И мне совершенно непонятно и чуждо искушение какого бы то ни было пантеизма, все свидетельство, вся красота природы – об ином, о Другом»¹¹⁵.*

¹¹⁴ Там же. С. 298–99.

¹¹⁵ Там же. Октябрь 1973. С. 41–42.

Также указывал он и на спасительную, онтологическую силу семьи, несмотря на все трудности семейной жизни. Наслушавшись бесконечных исповедей о плохих взаимоотношениях между членами семьи и разрыве ее из-за них, рассуждал: *«Семья “трансцендирует” “взаимоотношения”. Ее реальность к ним не сводится. Наоборот, пожалуй, “взаимоотношения” в ней укоренены и ею определяются. Семья – не цель, а источник, питающий жизнь, и сила жизни»*¹¹⁶. При всем своем блеске о. Александр оставался, что называется, «апологетом обывательства», и считал, что семья с ее бытовыми заботами, но и простой радостью жизни – и есть главное в жизни людей: *«Христос был бездомен не потому, что презирал “мещанское счастье”, – у Него было детство, семья, дом, а потому что Он был “дома” всюду в мире, Его Отцом сотворенном как дом человека. Только “дому” (не государству, не деятельности и т.д.) можно, по Евангелию, сказать: “Мир дому сему”. Мы не имеем “зде пребывающего града”, то есть не можем отождествить себя ни с чем в мире, потому что все ограничено и всякое отождествление становится – после Христа – идолопоклонством, но мы имеем дом – человеческий и дом Божий – Церковь. И, конечно, самое глубокое переживание Церкви – это именно переживание её как дома»*¹¹⁷.

Эта духовная «домовитость» о. Александра опиралась на его вертикальный взгляд на жизнь, в котором Крест никогда не терялся из вида, а сила обреталась в словах Господа: «В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь: Я победил мир» (Ин 16:33). В частности, когда

¹¹⁶ Там же. С. 249.

¹¹⁷ Там же. С. 56.

он говорил вещи, идущие в разрез со всеми нашими устремлениями, вроде: *«Тайна христианства: красота поражения, освобождение от успеха»*¹¹⁸. А в ответ на нашу общечеловеческую боязнь старости, выраженную в пословице «старость не радость», утверждал: *«Старость – “торжественнейший из всех возрастов жизни”, к которому мы, в своей ненужной суете, остаемся равнодушными»*¹¹⁹.

Живя в Америке строителем в ней поместного православия, любя ее и сделав ее своим домом, отец Александр оставался европейцем до мозга костей, постоянно сопоставляя эти два мира. В Хельсинки, куда приехал по приглашению Финской Православной Церкви, задаваясь вопросом, почему его из Америки тянет в Европу, из Европы – в Америку, размышлял: *«потому что в Европе духовно легче, есть к чему прислониться почти физически, а Америка духовно трудна. Люди веками бегут в Америку для более легкой жизни, не зная, что жизнь там – на глубине – гораздо более трудная. Во-первых, потому, что Америка – это страна великого одиночества. Каждый – наедине со своей судьбой... среди необъятной страны. Любая “культура”, “традиции”, “корни” кажутся маленькими, и люди, истерически держась за них, где-то на глубине сознания, подспудно знают их иллюзорность. Во-вторых, потому, что одиночество требует от каждого экзистенциального ответа на вопрос “to be or not to be”, и это значит – усилия. Отсюда столько личных крушений». В Европе «даже падающий падает на какую-то почву», в Америке «летит в бездну. И потому – такой страх»*¹²⁰.

¹¹⁸ Там же. С 220.

¹¹⁹ Там же. См. с. 229.

¹²⁰ Там же. С. 207.

Будучи эмигрантом и сознавая эмигрантское происхождение своей церкви, он голосовал за Демократическую партию. Но каковы были его политические взгляды? Аполитичным его никак нельзя было назвать: он следил за всеми новостями, у него были излюбленные телекомментаторы, такие например, как Уолтер Кронкайт, про влияние которого он мне сам рассказывал, приглашая меня смотреть с ним новости по телевизору в те три-четыре недели, которые я, по его приглашению, после моего приезда в Нью-Йорк, прожил у них в доме. Читал он также запоем книги по истории, биографии политических деятелей, следил за тем, что происходит в мире. Но вот его собственное признание: *«Думал недавно: в сущности, наше время, наши “установки” знают четыре позиции, четыре мироощущения. Это (слева направо) – радикал, либерал, консерватор и реакционер. Но что делать тому, кому одинаково противны, более того – глубоко омерзительны и узколобый фанатизм радикала, и бескорыстное всепонимание, всепринятие и поверхностность либерала, и глупость консерватора, и нравственная подлость реакционера?»*¹²¹.

Никакая из этих позиций не отвечала его внутренней установке персонализма, причем христианского персонализма, для которого личность была основной онтологической реальностью и ценностью, но охватить эту реальность можно лишь в свете Христа, так же как и спасти ее от жадной, даже можно сказать, кровожадной хватки мира, к которой по- своему были причастны все перечисленные им «установки». К своему персоналистическому кредо он возвращался снова и снова,

¹²¹ Там же. Ноябрь 1973. С. 43.

им меряя то, что входило в круг его обязанностей как пастыря, богослова, церковного деятеля мирового масштаба. Он выразил его, в частности, размышляя о статье Вадима Борисова о «нации как личности» в солженицынском сборнике «Из-под глыб».

«Даже если нацию и можно, с оговорками, уподобить (именно уподобить) личности, то нравственная оговорка в том состоит, что личность онтологически выше нации. Личность есть и может выразить, воплотить себя и вне нации, и безотносительно. Больше того, в каком-то смысле она противопоставляет себя всякому “безличному” коллективу. Никакого чувства “итальянской нации” у Данте, например, не было. Но было “чувство” Флоренции – то есть родины. А родина и нация совсем не то же самое... Источник путаницы, может быть, в том, что три этих, совершенно разных, понятия сливаются в одно, тогда как на деле они различны даже в элементарном опыте. “Родина” – это почти физическая связь с местом, с детством, со всем тем, что дало нам впервые “вкусить всю радость бытия”. Для меня, например, родина в этом непосредственном смысле – Франция, точнее Париж, куда меня всегда и тянет как именно на “родину”. Но мне столь же очевидно, что я никогда не принадлежал к французскому “народу” и не ощущал Франции как моего “государства”. Принадлежность к народу – это уже плод воспитания, изначально данного “направления”. Еврей Мандельштам – нераздельная часть русского “народа”. Имея “родину” во Франции, будучи частью русского “народа”, я, наконец, ощущал США своим государством. Но что из всего этого – “соборная личность”? Кроме родины (связь с которой я не выбрал и которая

поэтому “дана”, есть факт), пожалуй, все остальное. В этом смысле (главном) – это Церковь, в других (вторичных и не исключающих один другого) – это русский народ, Америка, эмиграция и меньшие “единицы” (семья, конечно...). Богословски это можно выразить как возможность для каждой личности (ипостаси) ипостазировать разные природы (усии). То есть личность сама по себе “соборна”, может и должна в себе самой соборовать и соединять разделенное по “природам”, и теоретически предела этому “соборованию” нет, или, вернее, полнота его во Христе, Богочеловеке, соединяющем в Себе все. Таким образом, личность есть также и преодоление ограниченности всякой “природы” и, следовательно, суд над нею. Всякий “национализм” есть отказ от этого суда, подчинение личности природе, тогда как смысл и сила личности в том, чтобы победить, очистить и преобразовать природу»¹²².

Отец Александр болел Россией и, познакомившись с группой диссидентов, приехавших из России, мгновенно включился в круг проблем правозащитного движения и процессов демократизации в СССР, в судьбу арестованных, прикоснулся с сочувствием к накалу политических страстей среди эмигрантов, оставаясь совершенно свободным от этих страстей. Также известна его дружба и сотрудничество с семьей А. Солженицына и пастырская забота о ней. При всей своей занятости он всегда находил время и средства помочь эмигрантам из России. Но он отклонял настойчивые приглашения со стороны Русской Церкви посетить Советский Союз, хотя его друг и коллега о. Иоанн Мейендорф с охотой туда ездил. В Москве же в эти годы проживал его сын

¹²² Там же. Среда, 29 января 1975. С. 148.

Сергей, вначале бывший тамошним корреспондентом газеты Нью-Йорк Таймс, а затем и возглавивший московское отделение этой газеты. Супруга о. Александра, Юлиана Сергеевна Шмеман, несколько раз ездила туда навещать сына, но без него.

Духовно и интеллектуально он присутствовал в России через свои многолетние радио-проповеди и беседы, через свои книги. В заключение хочу рассказать о том, как о. Александр мне приснился, если можно так сказать, на русской почве, приснился впервые через 23 года после своей кончины, как раз, когда я взялся редактировать главу о нем. Сон приснился в ночь с Чистого понедельника на Чистый вторник после службы Покаянного канона преп. Андрея Критского. Считаю нужным его описать еще и потому что вообще сны мне в те времена снились крайне редко и тут же забывались. Этот же сон врезался в памяти с деталями и сохранился целиком по пробуждении. Отец Александр пригласил меня с Ольгой (женой) погулять по Подмосковью, и мы оказались в каком-то живописном парке, вроде бы находящемся в Серебрянном Бору. Парк был зелен и чист, с лужайками, спускающимися к Москвереке, с обилием прудов и рощиц, на зеленых берегах в тени лип и сиреневых кустов попадались дачники в старомодных нарядах, радушно нас приветствующие и особенно любезно кивавшие о. Александру как давнему знакомому. Он и ориентировался в парке намного лучше нас с Ольгой, которая вообще-то выросла в этом районе, тогда как о. Александр ни то что в Москве, но и в России никогда не был. Побродив по парку, мы вышли к шоссе, от которого подымалась высоченная насыпь к какому-то мосту и о. Александр предложил взобраться

по высеченной в насыпной горе крутой лесенке на самый верх, поскольку есть обычай зажигать на самом верху факелы, или на худой конец ставить свечи, так как оттуда открывается огромная панорама и факелы далеко видны. Я с удивлением отметил, что никогда здесь этой горы не видел и спросил, откуда она взялась. «Зеки насыпали», – бросил через плечо о. Александр, устремившийся по лесенке вверх. Ольга с энтузиазмом поспешила вслед за ним. Мне ничего не оставалось как последовать за ними, ворча, что они втянули меня в эту авантюру.

Откуда-то сверху о. Александр крикнул, есть ли у меня спички, на что я довольно невежливо буркнул, что я не курильщик как некоторые и спичек с собой не ношу. Это было довольно бестактно, так как сам о. Александр курил и помногу. Но о. Александр, ответа не дожидаясь, стремительно поднимался вверх, где-то высоко мелькала его белая ряса и ноги, почему-то в сапогах, и вскоре я вообще потерял его из виду. Высеченную лестницу таковой можно было назвать с большой натяжкой. Ступени, вырубленные в песке, под ногами осыпались, руками схватиться было не за что, ни перил, ни крепких ветвей по бокам, какие-то стебельки и веточки, которые выдирались с корнем, стоило за них ухватиться. Правда, по сторонам действительно кое-где были воткнуты горящие свечи, хотя и непонятно – зачем, потому что видно их со стороны не было. Впрочем, я уже ничего не видел ни вверху, ни по сторонам. Приходилось сосредотачиваться на каждой ступеньке, чтобы удержаться и делать все большие усилия, чтобы подняться выше. Выбившись из сил, я, наконец, добрался до верха, чтобы полностью разочароваться: ни-

какой площадки на верху не было. Лестница упиралась в проволочное ограждение, по ту сторону которого шел крутой обрыв вниз. Тропинки не было. Вид налево, откуда слышался голос о. Александра, был закрыт кустом, а все было в белом тумане. К тому же я почти висел и не мог повернуться, боясь сорваться. «Миша, идите-ка сюда, здесь замечательное плато, я устанавливаю свой факел и есть много места для других», – позвал о. Александр. Я пожаловался, что не вижу тропинки и никак не смогу до него добраться. «Ничего, я брошу вам альпинистскую веревку, она у меня здесь под рукой», – крикнул о. Александр. У меня поджилки затряслись от этой перспективы, я никогда альпинизмом не занимался, а теперь вообще стал неповоротлив, руки и шею ломило от артрита. Не было сил и возможности даже развернуться, не говоря уже о том, чтобы куда-то карабкаться как альпинист.

«Кидайте ему, кидайте, отец Александр», – слышался откуда-то неподалеку голос Ольги, которая меня стала уговаривать не упрямиться, а двигаться на его голос. Тут как раз несколько рассеялся туман, и я увидел брошенную мне в форме клубка «альпинистскую веревку», при виде которой у меня отлегло от сердца, ибо она меня ни к каким альпинистским подвигам не обязывала. Это был клубок не то голубой шерсти, не то ворсистой тесемочки, на конце переходящей в нитку. К тому же она была коротка, я её кое-как поймал, но уже даже и привязать ее было не за что. Я начал отнекиваться, что с такой «альпинистской тесемкой» мне до него не добраться. «Ну ничего, и не беспокойтесь, я уже зажег и установил факел, он отсюда прекрасно виден, и сейчас к вам сам по ней вернусь, сказал о. Александр, и

тут в рассеивающемся тумане я увидел его фигуру в белой рясе,двигающуюся обратно. Вначале мне казалось, что он идет по этой голубой тесемочке, и я стал его возмущенно предостерегать, что эта тесемочка не выдержит и белки. Однако о. Александр продвигался бодро и уверенно, и я дивился, где он научился такому акробатическому искусству. Туман уже совсем рассеялся, и я увидел, что о. Александр не идет по тесемке, а держится за неё для проформы левой рукой, ступая при этом по воздуху. Теперь уже было видно, что туман был обыкновенным облаком, которое отдуло ветром. Воздух, по которому ступал о. Александр, густел у него под ногами, превращаясь в совершенно прозрачную и твердую как стекло пленку. Я махал руками и уговаривал его не ходить по воздуху, потому что он может упасть с этой высоты так, что и костей не соберешь. Отец Александр, впрочем, уже подходил, и когда он оказался рядом, страх мой и все неудобства моего положения исчезли. Сразу появилась возможность оглядеться. Я посмотрел вниз. Далеко под ногами поблескивала на солнце крыша бывшего Моссовета, а ныне Московской Городской Думы, сияли купола церкви свв. Космы и Дамиана, еще ниже указывал рукой куда-то на Северо-Запад Юрий Долгорукий, по обе стороны от реки, переливающейся серебром, до самой линии горизонта раскинулась Москва, хотя уже и не златоглавая, но все же блистающая тут и там куполами церквей.

*Нью-Йорк, США
Июнь 2022*

Мишель ван Парейс OSB

Мишель ван Парейс (Michel van Parys) родился в Генте (Бельгия) в 1942 году.

Закончил лицей отцов-иезуитов в Генте. Поступил в бенедиктинский монастырь Воздвижения Креста Господня в Шеветони (Chevetogne), в Бельгии, в сентябре 1959 года; пострижен в монашество 29 декабря 1960 года.

Изучал философию и теологию в Сольшуаре у доминиканцев и в Парижском католическом институте. Получил степень по философии в 1964 году; защитил докторскую диссертацию о святом Григории Нисском в Сорбонне в 1968 году.

Избран настоятелем монастыря в 1971 году и оставался им до 1997 года.

С 1997 по 2001 год был экспертом в Конгрегации восточных церквей (Ватикан).

Богослов, патролог; главный редактор богословского журнала Irénikon с 2001 по 2013 год.

В ноябре 2013 года Папа Римский назначил его настоятелем греческого монастыря Гроттаферрата под Римом.

С октября 2016 года по июнь 2019 он был духовником Греческого колледжа в Риме; в июле 2019 года вернулся в Шеветонь, где пребывает и по сей день.

ЦЕРКОВЬ ХРИСТОВА И ПОМЕСТНЫЕ ЦЕРКВИ В АПОКАЛИПТИЧЕСКИЕ ВРЕМЕНА

Двадцатый век стал тяжёлым испытанием как для самой Церкви Христовой, так и для поместных церквей. На их долю выпали две мировые войны, противопоставившие между собой нации христианской традиции; геноцид армян, евреев, цыган, народов Руанды; голодоморы; атомные бомбы, брошенные на Хиросиму и Нагасаки; лагеря ГУЛАГа; преследования церквей и христиан. Каким же было свидетельство веры церквей в этих испытаниях? Каким предстаёт оно сегодня?

Испытание или искушение имеет двойное значение в Священном Писании и в христианском сознании. Речь идёт или же о борьбе сил зла, присутствующих в мире: в народе и в сердце каждого человека, или же о склонности ко греху и неверности по отношению к своей собственной совести и заповедям Божиим.

Избранному народу после освободительной Пасхи — исхода из Египта приходится странствовать сорок лет по Синайской пустыне, чтобы подготовиться к принятию дара Закона и присутствию Бога в живительном Слове. «И помни весь путь, которым вёл тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Вт 8:2).

После крещения Иисуса Христа Иоанном Предтечей Дух Святой гонит Спасителя в пустыню, где Он бодрствует, молится и постится в течение сорока дней, искушаемый дьяволом (Мф 4:1-11). Три искушения Христа подытоживают значения главных духовных битв людей

и народов: добывание хлеба насущного, удовлетворение реальных или воображаемых потребностей для жизни и выживания, выставление себя сверхчеловеком и даже тираном, подчиняющим ближнего и окружающую природу. Испытание (или искушение), пройденное победоносно по благодати и по силе воскресшего Господа, очищает сердце народов и отдельных людей и восстанавливает человека как в его изначальном призвании общения с Богом и со своим ближним, так и в присутствии Спасителя в мире. Бог исцеляет сердце испытанием и приносит ему в дар свободу, чтобы принести Богу благодарение и «жертву хвалы» (см. Пс 49:14, 23; Евр 13:15). Эта свобода нам дана либо для жизни, либо для рабского подчинения злым наклонностям и заключению в спирали духовной смерти. Не является ли первым призванием поместных церквей, самой Церкви Христовой – возлюбить Бога живого и быть свидетелями его живительного милосердия посреди человечества, которое так часто блуждает, словно овца без пастыря?

Суд Божий

У церквей всегда было «искушение» прочитывать события мира в терминах катастрофических или апокалиптических. Как же забыть, что «Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин 3:16)? Божья воля – это спасение для любого человека и для всего человечества. Последняя книга Библии – Апокалипсис – это повествование о снятии покрова (как об этом говорит и её наименование

по-гречески – книга Откровения) с разворачивающейся трагедии, приходящей к славному возвращению Господа Иисуса Христа и спасению.

Действительно, Центром истории, а, следовательно, и книги Апокалипсиса является Господь Иисус Христос. «Откровение Иисуса Христа (Откр 1:1)». Иисус Христос, воплощенное Слово «Агнец, принесённый в жертву за грехи мира» (см. Откр 13:8), победил силы смерти. Ибо каким бы ни было испытание и искушение, через которое проходит Церковь, «Я с вами до скончания века» (Мф 28:20). Вот ключ истории или точнее Тот, кто является тем ключом, который открывает дверь смыслу.

Апокалипсис находит своё отражение в слове и в вопросе Иисуса Христа. Говоря о временах, которые будут предвещать Второе Пришествие, Господь утверждает: «И, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь» (Мф 24:12). Уже Василий Великий был убеждён, что эта фраза Христа относилась к разделению христиан и церковей вследствие арианской ереси. Эти слова актуальны для всех времён, как и упрёк Христа церкви в Эфесе (Откр 2:4). В завершение притчи о несправедном судье (Лк 18:1-7) Иисус задаёт тревожный вопрос: «Сын Человеческий, придя, найдёт ли веру на земле?» (Лк 18:8). Чтобы понять важность этого вопроса, следует вспомнить, что Господь рассказывает эту притчу для того, чтобы призвать нас молиться, какими бы ни были испытания, которым подвергают нас злые люди. Молитва, кричащая в ночи, кричащая беспрестанно, – ответ на несправедливость этого мира. Мы можем её опознать в крике пролитой крови Авеля, беспрестанно взывающем к Богу (Быт 4:8-10), и это не крик мести, а крик самой милости, крик крови

Христовой (Евр 12:24), нашего старшего брата, который вступается и за жертву, и за палача. От братоубийства Бытия – к убийству Христа, убийству последнего мученика, воскресший Господь побеждает всё, и утрёт все слёзы глаз человеческих.

Прочитывать апокалиптические времена в свете Откровения

Один из великих уроков, оставленных нам отцом Александром Менем, – это приглашение к чтению апокалиптических времён и испытаний нашей эпохи в свете Слова Божия: «Слово Твоё – светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс 118:105). Книга Откровения помогает нам в этом прочтении жизни – при условии, что мы читаем её с необходимой трезвостью.

Несмотря на свою кажущуюся загадочность и непонятность, последняя книга Библии приносит свет Христов в темноту истории нашего мира. Господь передаёт своё пророческое послание через своего служителя Иоанна, сосланного на остров Патмос, находящийся недалеко от берегов Малой Азии. Иисус Христос – главное действующее лицо разворачивающейся драмы: борьбы князя этого мира, отца лжи, с Тем, Кто был распят и воскрес. За величественным видением победившего Христа (Откр 1) следуют послания Христовы с поддержкой и наказами к каждой из семи церквей Малой Азии (Откр 2-3). Каждая из этих церквей вписана в пространство и время: Эфес, Смирна, Пергамон, Фиатир, Сардис, Филадельфия, Лаодикия. Великое сражение между Ангелом зла и Христом, как обещает нам Дух Святой, завершается – и завершится явлением Церкви

Супруги Агнца, Иерусалимом, спускающимся с небес (Откр 21:9-27). Поразительно, что мы обнаруживаем в книге Откровения ту же полярность между поместными церквями и вселенской Церковью, – полярность, которая, однако, будет преодолена во славе Небесного Иерусалима.

Книга Откровения не говорит ни о будущем церквей, ни о грядущем творении. Это не пророчество «ясновидца», предсказывающего, что будет завтра или послезавтра. Конечно, придут великие испытания и люди будут искушаемы Лукавым, доходя до самого богохульства. Последняя книга Священного Писания даёт возможность понять настоящее церквей и испытания праведных в свете Креста и Воскресения Христова. Это Он идет посреди семи церквей и обращает к ним своё Слово Святым Духом. Так надо понимать загадочные слова: «Свидетельство Иисусово есть дух пророчества» (Откр 19:10). Ведь пророчество лишь комментирует, проясняет и углубляет учение Господа под действием Святого Духа. Откровение помогает нам понять – в некоторой неполной мере – смыслы, которыми живут христиане и церкви, преследуемые в этом мире. Оно делает наш взгляд и наш разум пронизательными для осознания того, каким образом Бог судит грех мира и черпает добро спасения из ожесточения тех, кто отказывается от Его любви.

Созерцать Господа Иисуса Христа

Живём ли мы в конце времён? Это неопровержимо так: между Воскресением и Вторым Пришествием Христа времени мало, что совсем не означает сокращение

или сворачивание исчисляемого времени. Нет, это означает, что Христос близко. Бог и Его Сын носят удивительное имя: «Он Тот, Кто был, есть и грядёт». Он не тот, кто придёт когда-то в далёком будущем... «Он в пути, ὁ ἐρχόμενος, грядущий», потому что Он уже – в дороге, Он идёт навстречу своему творению и человечеству. Первая глава Откровения, своего рода прелюдия, фокусируется целиком на личности Иисуса Христа. А Его послание – это история Его любви к нам. Он полюбил нас и любит нас. Он освободил нас от уз греха ценой Своей пролитой крови. Для спасения всего человечества Он сотворил нас царями и священниками Отцу Своему, народом верующих, идущим за призванным священством, которое было у иудеев во времена первого Завета.

«Вот Он грядёт с облаками, и увидит Его всякое око, и те, которые Его пронзили, и о Нём будут бить себя в грудь все племена земные» (Откр 1:7). Каждый раз эти слова «Он грядёт» кричат об ожидании Церкви, потому что будущее церковей и христианства – это Сам «Грядущий» Христос. Он «грядёт с облаками», как это было предсказано пророком Даниилом (7:13), с неба (Деян 1:9-11). Любое око узрит «Грядущего». Христос во славе несёт ещё на своём Теле язвы страстей, и все мужчины и женщины всех времён и народов станут скорбящими очевидцами Его Пришествия. Из посланий, адресованных семи церквам, становится ясным, что любой из их членов заплачет о том, что ранил Мессию. Согласно пророку Захарии (12:10-14) рыдание раскаяния будет всеобщим. Там же, где раскаяние, там Господь дарует прощение. Там сам грех и сама смерть раскрываются к жизни, как это показывает Евангелие от Иоанна, говоря

о прободённом ребре повешенного и умершего на Кресте Иисуса (Ин 19:35). Именно на Кресте Христос рождает Церковь и продолжает её творение до Своего Пришествия через таинства воды и крови, крещения и благодарения (Евхаристии). Его бессмертная жизнь – в Церкви и в верующих всех церквей. Речь идёт, по сути, о настоящем, о времени милосердия, которое предшествует теперь приходу Грядущего.

Святой Иоанн Златоуст объясняет это, со свойственной ему задушевностью, будущим крещаемым в «Огласительных гомилиях»:

Посмотри, откуда она проистекла вначале и откуда взяла свой источник: свыше, с Креста, из ребра Владыки. Ибо сказано, что, когда Христос умер и ещё был на Кресте, воин, подойдя, пронзил ребро копьём, и затем «истекла вода и кровь»¹. И одно было символом Крещения, а другое – [Святых] Тайн. Поэтому не сказано: «Истекла кровь и вода», но сначала истекла вода, а затем кровь, потому что сначала – Крещение, а затем – [Святые] Тайны. Итак, тот воин пронзил ребро, проломил стену святого храма, а я обрёл сокровище и

¹ Ср. Ин 19:33–34. В тексте Евангелия сказано: «И истекла кровь и вода». В этих словах Златоуст видит прообразовательно указанный порядок совершения Таинств: вода символизирует Крещение, а кровь – Евхаристию. Возможно, Златоуст имел другое рукописное чтение. Такой же текст он цитирует в комментарии на Ин. horn. LXXXV (PG 59, 463). Или же он контаминирует слова Ин 5:6: «Не только водой, но водой и кровью» со словами Ин 19:34. С другой стороны, встречается и верное цитирование, см. энкомий Максиму (Quales ducendae sint uxores) (PG 51, 229, 25–26). Святитель Иоанн Златоуст. Огласительные гомилии // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/oglasitelnye-gomilii/ [Дата обращения 03.08.2022.] (Прим. ред.)

*получил богатство. Так случилось и с Агнцем: иудеи за-
калывали овец, а я наслаждался спасением, плодом этой
Жертвы. «Истекла из ребра вода и кровь». Не проходи
так просто, возлюбленный, мимо этого Таинства. Ибо
я хочу сказать и о другом таинственном смысле. Я ска-
зал, что та Кровь и вода – это символ Крещения и [Свя-
тых] Тайн. И из этих двух [Таинств] родилась Церковь
«банею возрождения и обновления Духом Святым»
(Тит 3:5), через Крещение и [Святые] Тайны. Символы
же Крещения и [Святых] Тайн – из ребра. Стало быть,
из ребра Христос создал Церковь, так же как Он из ре-
бра Адама создал Еву». Жених Церкви идёт Ей навстре-
чу. Господь поддерживает Свою Церковь через таин-
ства, которые творят Её день за днём и оживляют.
Настоящее, таким образом, – это не время апокалип-
тической темноты, но, за пределами испытаний и ис-
кушений, время движения веры к неминуемой встрече².*

В это переходное время Иоанн говорит о том, как христианин может проживать ожидание и движение. Он не один, потому что Христос вызывался быть ему Братом; Он становится частью его скорби, неся вместе с ним крест учеников; они – сопричастники в царстве Христовом, победившем смерть; Он постоянно разделяет с ними своё терпение и преданность.

Именно воскресший Христос открывается провидцу Иоанну в воскресенье, день Господень. Как когда-то по Иерусалимскому храму, Иисус проходит посреди семи церквей, предстающих в образе золотых светильников (Откр 1:10-20). Воскресшего можно не только видеть и созерцать в Его славе царя и первосвященника, но и

² Перевод взят с сайта https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/oglasitelnye-gomilii/

слышать Его голос, его Слово. Каждой из семи церквей он посылает обращение, которое должно быть прочитано и услышано всеми за литургическим собранием. Здесь стоит вспомнить о том, что в древности никогда не читали, просто пробегая глазами, но произносили вполголоса или громко вслух то, что было написано.

Письма семи церквям

Каждая из семи церквей представлена ангелом. Последующая экзегетическая традиция увидела в ангеле – епископа. Он ли несёт, читает и истолковывает послание Господа? Каждое письмо – это «сретение», открывающее сердце церкви, на которую обращён неведомый ей взгляд Господа – и судящий, и полный требовательной любви. Тон и содержание этих писем несомненно напоминают книги пророков Ветхого Завета. Бог их устами постоянно говорит о своей верной любви к Израилю. Его Он ставит под угрозу за неверность, наказывает и даже рассеивает, чтобы вновь оказать милость и собрать воедино.

Лишь две церкви, Смирны и Лаодикии, не заслуживают порицания. Важно осознать, что не только христиане могут быть связаны грехом, но и сами церкви порой становятся неверными Слову Божьему. Глагол Слова Божьего, словно острый меч, глубоко проникает в сердце каждой церкви (Евр 4:12). Снимая покров с нашего сердца, Христос свидетельствует о своей любви, которая призывает церкви в полном доверии покаяться и всецело обратиться к Нему. В размышлениях над будущим христианства в мире нам нельзя забывать об этом суровом предупреждении Христа. Верность

поместной церкви Господу не дана раз и навсегда. Всякий раз Господь требует от Церкви покаяния и со всей строгостью наставляет её. Наконец Господь семь раз призывает слушать Его голос и также говорит о даре, которым Он наградит победителя. Эти два события легко могут случиться в разной последовательности.

«Ангелу Эфесской церкви напиши: так говорит Держащий семь звёзд в деснице Своей, Ходящий посреди семи золотых светильников» (Откр 2:1). Господь — здесь, совсем рядом, Он идёт в каждую церковь. Чтобы долго не растекаться мыслью по древу, посмотрим для примера на письма, обращённые к двум церквям.

Сначала Эфесская церковь получает от Христа похвалы. Она по своей деятельной вере приносит плоды Духа Святого (Гал 5:22-23) и по-евангельски смиренно принимает тяготы жизни в послушании Слову (Лк 8:15). Эфесская церковь проявила благоразумие, потому что сумела разоблачить ложь двух самопровозглашённых лжеапостолов, чьё свидетельство какое-то время испытывало эту церковь, но не лишило её сил. И, тем не менее, Иисус упрекает эту примерную церковь в том, что она «утратила свою первую любовь». Она потеряла эту беззаветную любовь своего Жениха. Этот упрёк напоминает слова пророков Осии или Иеремии, обращённые к Израилю: «И было слово Господне ко мне: иди и возгласи в уши дочери Иерусалима: так говорит Господь: Я вспоминаю о дружестве юности твоей, о любви твоей, когда ты была невестою, когда последовала за Мною в пустыню...» (Иер 2:1-2). Господь, который возлюбил Церковь до того, что пролил за неё кровь, жаждет Её взаимности. Она призвана, обрета веру, вновь возвратиться к первой любви. Она, возможно, потеряет

свое главенство, своё старшинство в «диптихе», предупреждает её Господь.

Мы не знаем, кто такие Николаиты, о которых повествует Христос. Можно лишь строить догадки, не идёт ли здесь речь о христианах-гностиках, так часто выходящих на арену истории церкви. «Побеждающему дам вкушать от дерева жизни, которое посреди рая Божия» (Откр 2:7). От Церкви как собрания верующих перейдём к отдельной личности. Торжество жизни во и через Христа, Победителя смерти, – это личное дело во благо всех. Христос принесёт свой дар! Плод дерева жизни – бессмертие! Согласно традиции Отцов Церкви – Бог, по своей доброте, выдворил первую пару людей из рая, чтобы грех вкушения плода не остался навечно в роде человеческом (Быт 2:9; 3:22-24). Последняя глава Откровения поставит это дерево в центр Небесного Иерусалима – и восхвалит не только его плод, но и листья (Откр 22:2 и 14).

Мы знаем о возможном происхождении Фиатирской церкви благодаря Лидии, родом из Фиатира, «торговавшей багрянницею». Лидию просветил Павел в Филиппах в Македонии (Деян 16:11-15). В конце первого века церковь в Фиатире считалась образцовой и одновременно переживала глубокий кризис. Она отличалась диаконией, делами милосердия и любви, стойкостью в вере. И, несмотря на это, Господь упрекает её в небрежной слабости – терпимом отношении и компромиссе с «гражданской религией» *полиса*. О чем здесь идёт речь? Быть может, об идоложертвенных яствах, которые продаются на рынке? (См. 1 Кор 8) Мог ли христианин потреблять их и косвенно не быть причастным языческому культу? Взаимные уступки, законные в

глазах некоторых, не были ли компрометирующими? Упоминается и имя идолопоклонницы убийцы Иезавели, царицы Северного царства Израиля (см. 4 Цар 9). Осуждение Господа недвусмысленно: политизированная вера – это форма религиозной проституции. Ветхозаветный задний план здесь по-прежнему очевиден: любая форма идолопоклонства, даже скрытая, является неверностью Богу, Жениху избранного народа. Это соглашательство оправдывается эзотерическим учением, взятым из «глубин сатанинских» (Откр 2:24). Иисус поддерживает верных Фиатирской Церкви, оставшихся преданными – теми, кому Он принесёт в дар Утреннюю Звезду, то есть, Самого Себя (Откр 22:16).

**«Кто имеет уши, да слышит,
что Дух говорит Церквам»**

Семь раз повторяется предупреждение слушателям и читателям книги в завершение каждого из семи писем к церквям Божиим. Тут есть чему удивиться. Число семь означает полноту, а значит, и наивысшую настоятельность. Святой Дух влагает голос Христа в уши каждой из церквей и всей Церкви, и этот голос поддерживает, исправляет и порицает. Парадокс опять-таки состоит в том, что в силу тесной взаимосвязи между «я» и «мы» именно у «слышащих» есть миссия передать послание, адресованное группе. Каждое «я» несёт «мы», а «мы», как многократно об этом говорил Николай Бердяев, состоит из свободных и уникальных индивидуумов. Каждый по своему крещению – Храм Божий, Церковь.

Чтобы понять, что означает это безусловное требование слушать и слышать, надо вспомнить о важности

слушания Священного Писания. На горе Преображения раздаётся голос Отца: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте» (Лк 9:35). Иисус Христос – пророк, как Моисей, и Бог вложит в Его уста свои слова «и Он будет говорить народу всё, что Он повелит Ему» (см. Втор 18:15, 18-19 и Деян 3:21). Исповедание веры Израиля начинается с глагола «Слушай» Израиль (см. Втор 6:4-9), эти же слова произносит и Христос в книге Откровения. Пророки неустанно пытаются убедить народ слушать и слышать, а значит, и слушаться заповедей Бога. Жизнь народа и его верность Завету с Богом зависят именно от этого. Господь в свою очередь сталкивается с глухотой сердец, которые предпочитают уклоняться от правил жизни, затыкая уши своего сердца. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф 11:15).

Чтобы слушать, слышать и слушаться сердце человека должно хотеть этого. И даже гореть желанием внимательно вслушиваться. Это не должно быть вполуха. Мы все знаем, что слушаем с удовольствием тех, кого любим – своих детей и внуков, братьев, сестёр, друзей... Мы слушаем тех, кого любим и тех, кто, как мы знаем, любит нас. Так христианская традиция воспринимает 11 стих 44 псалма: «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твоё». Церковь и церкви, любая душа христианская приглашаются напрямь слух сердца «к тому, что Дух говорит церквам». Псалом 94, который латинские монахи первым поют каждый день на утрени, настоятельно просит их: «Сегодня, если вы слышите голос, не ожесточите сердца вашего» (см. Пс 94:8).

Предупреждение, повторенное семь раз, адресовано церквам Божиим. Ибо, прежде чем призвать мир и

народы к суду Божьему и Христа Его, книга Откровения говорит нам в этих письмах, что он начнётся с поместных церквей. Святой апостол Пётр пишет именно об этом: «Время начаться суду с Дома Божия; если же прежде с нас начнётся, то какой конец непокоряющимся Евангелию Божию?» (1 Петр 4:17).

Эпилог

Есть ли будущее у христианства в этом мире? У церквей и христиан есть только одно будущее: Господь, идущий им навстречу. Агнец Распятый и Победитель смерти сотворил из них «царственное священство», чтобы они молились и вступались за всё человечество и за всё, сотворённое Христом. Вспомним о вопросе, заданном апостолами воскресшему Спасителю: «...не в сие ли время, Господи, восстанавлиешь Ты царство Израилю? Он же сказал им: не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти, но вы примете силу, когда сойдёт на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деян 1:6-8). Будем же уважать тайну спасительной воли Бога и предоставим Отцу решать о времени Второго Пришествия Христа. А наше дело – становиться надёжными Ему свидетелями.

Не этот ли смысл вкладывает святой Павел в загадочное слово (2 Фесс 2:7: τὸ κατέχον – удерживающий), обращённое к Фессалоникийцам: «тот, кто удерживает» опасные проявления князя зла – преграды для прихода Мессии? Еврейская традиция и христианские традиции узнают в этом таинственном персонаже скрытых от глаз

сего мира праведников, которые молятся и вступаются за всё человечество. Нам не должно их знать, ибо Святой Дух дышит, где хочет.

Как нас учат семь адресованных к церквам Малой Азии писем, в это переходное время «Того, Кто грядёт», которое мы проживаем, Церковь и церкви ожидают Парусии – Второго Пришествия Спасителя. Мы ждём Его – как церкви, где растут и добрые семена, и злые семена раздоров. Мы крепко связаны и в добром, и в злом. Но мы становимся по-настоящему едины, созидая взаимопонимание между церквами и внутри каждой церкви, через молитву друг за друга. Замечательный румынский православный богослов отец Думитру Станилоэ писал: «Церковь беспрестанно очищается в этой молитве всех за всех, в этом покаянии всех за всех. Чистота и святость Церкви – это деятельная сторона её жизни. Грешники не отстраняются от Церкви, в ней нет членов без греха: все пребывают в этом кипучем заряде очищения через покаяние, через взаимное прощение – испрошенное и данное, через молитву всех и за всех, обращённую к Богу для получения Его прощения. Церковь – это не застывшее и неподвижное общество. Это живое общение между грешниками, которые очищаются через молитву друг за друга – не от абстрактных грехов, но от недолжных поступков или безразличия, проявленного по отношению к конкретным людям» (Dumitru Staniloae, *Bréviaire hésychaste*, в *Irénikon* 52, 1979, с. 372).

Отцы Церкви, комментируя стих «Черная я, но красива» (Песнь Песней 1:4) говорили как раз об этой реальности, спрятанной миром от наших глаз. Супруга Церковь обращается к своим друзьям. Обратимся к

комментарии святого Григория Нисского: «Невеста, чтобы лучше дознали мы безмерное человеколюбие Жениха, Который из любви придал возлюбленной красоту, сообщает обучаемым о чуде, над нею самой совершившемся. Ибо говорит: не тому дивитесь, что возлюбила меня “правость”, но тому, что черна я была от греха и делами освоилась с мраком, но Жених из любви соделал меня прекрасною, собственную Свою красоту дав мне взамен моей срамоты»³. Господь Грядущий во истину предан Своему Завету.

*Бенедиктинский монастырь
Шеветонь, Бельгия
24 мая 2022*

*Перевод с французского
Надежды Пшенко*

³ Перевод взят с сайта: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Nisskij/izyjasnenie-pesni-pesnej-solomona/2 Григорий Нисский, пропо-ведь II, 2 на Песнь Песней (cf. Sources Chr tiennes n  613, 2021, с. 183).

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архимандрит Виктор (Мамонтов)

ПРОПОВЕДИ

Из гомилетического наследия

*(Продолжение. Начало Христианос-XXVII,
XXVIII, XXX)*

Суббота, поминовение усопших

21.03.1998. Литургия

Мк 2:14-17; Ин 5:24-30

За упокой: 1 Сол 4:13-17

Мы созданы для жизни вечной

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Бог только жизнь может дать человеку, не смерть. И когда говорят «всё от Бога», то можно подумать, что Бог дал нам смерть, потому что люди умирают. Но Бог может дать только жизнь. А откуда взялась смерть? Почему она появилась в жизни, не будучи жизнью? И что значит смерть?

Смерть бывает телесная, и смерть бывает духовная. Что означает духовная смерть? Смерть духовная это отрыв души человеческой от Бога, от Источника жизни. Когда человек хочет жить сам по себе, без Бога, он духовно умирает. Он становится живым трупом. Почему? Потому что человек в себе самом жизни не имеет; сказано, что только Бог имеет жизнь в Самом Себе.

Бог ни от кого не зависит, Он самодостаточен. Человек не самодостаточен, он зависимое существо, он —

творение. И для него жить – это иметь связь с Творцом, и если эту нить человек своими грехами разрывает, то он уже не живет, он мертвый. Поэтому и говорят о человеке, который духовно умертвил себя: мертвая душа. И даже есть известное произведение Гоголя «Мертвые души», и у Льва Толстого есть произведение «Живой труп». Т.е. человек, ушедший от Бога, живет только растительной жизнью, природной жизнью, а эта природная жизнь приводит тоже к смерти, потому что всё сотворенное имеет начало и конец, оно не может быть бесконечным.

И физическая смерть означает разлучение души с телом.

Смерть появилась тогда, когда человек согрешил, когда он отошел от Бога; а грех – это отчуждение от Бога. И чем дальше человек уходил от Бога, тем больше он находился во власти греха и смерти. Христос освобождает нас от власти греха и смерти, и вы слышали в первом Евангелии сегодня, от Марка, что Христос пришел в этот мир для того, чтобы спасти грешников. «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию».

«Призвать», только призвать; потому что заставить человека каяться Он не может, ибо человек живет в свободе: он вправе принять Христа, но может и отказаться от Него. Любовь Свою Бог может только открыть, предложить человеку, но заставить любить Себя Он не может. И вот, те, кто увидели эту любовь сердцем, они согласились жить ею и приняли Христа. Те, кто этой любви не увидели, – не приняли её и не стали жить ею; и, если не стали жить ею, следовательно, они пребывали в духовной смерти.

Если Христос имеет жизнь в Самом Себе, значит уверовавший в Него человек как бы становится веточкой, которая прививается к дереву жизни, и, следовательно, она будет жить-зеленеть, и человек во Христе не умирает – человек во Христе живет. Если он физически умирает, то эта смерть не означает уничтожения. Христос тоже умер, но Он воскрес; воскрес, потому что смерть не имеет власти над Ним. Так и над нами смерть не имеет власти тогда, когда мы во Христе: Он воскресит нас, Он нас воздвигнет из тления и Он даст нам ту жизнь, которой мы уже начинаем жить здесь, т.е. вечную жизнь.

Царство Божие, сказано, внутрь вас есть. Т.е. эту жизнь человек уже имеет, живя земной, временной жизнью, – тогда, когда он со Христом, когда он живет Им. И смерть во Христе для нас уже переход – переход в вечную жизнь. Мы умираем, чтобы родиться для вечной жизни. Как зерно бросают в землю, и оно дает жизнь новую, так и мы умираем для новой, вечной жизни. Мы не созданы для временной жизни, мы созданы для жизни вечной. И если эта жизнь без греха и смерти, которую сотворил Господь, была нарушена, то Иисус Христос восстанавливает эту жизнь. И Своей жизнью Он нам показал, как эта жизнь восстанавливается.

И сегодня мы молимся за тех, кто уже совершил этот переход в жизнь вечную: те, кто пребывает уже в другом измерении бытия, кто сбросил с себя эту оболочку тела, которое болеет, стареет, страдает, – мы молимся сегодня за тех, которые живут уже другой жизнью. До Второго Пришествия Христа души усопших находятся, по верованию Церкви, в предварительном определении; ещё не наступило время, когда всё преобразится,

всё наполнится Божеством. И поскольку ещё не время, мы стремимся участвовать в жизни наших ушедших, и таким участием является наша молитва. Мы не можем с ними ни есть, ни пить, ни разговаривать, но мы можем о них молиться.

И нашу молитву они чувствуют, и чувствуют отсутствие её. Если кто-то из родственников, близких не молится об усопших, они дают об этом знать в своих явлениях им и сетованиями на то, что им чего-то не хватает, — и в такой иносказательной форме они выражают свою духовную нужду. И молитва очень многое может изменить в их участи, и если б этого не было, бессмысленно было бы моление об ушедших; но поскольку Церковь имеет об этом свидетельства, и на основании их, мы и утверждаемся в нашей молитве за усопших. Мы верим, что она нужна, что она помогает, и верим, что эта молитва нас соединяет и с усопшими, и с Богом, — ибо мы молимся в Духе Святом, а Дух Святой всех соединяет.

И у Бога мертвых нет, и те, кто ушел, они не мертвецы, они живые души и живые люди, живущие по-другому, не так, как мы. И в Духе Святом мы продолжаем жить вместе с ними в единой святой соборной апостольской Церкви, Церкви Христа — в любви и радости. Радости — потому что Христос воскрес, потому что дарована жизнь вечная, и каждому дана возможность войти в эту жизнь со Христом.

Аминь.

Неделя Крестопоклонная,
слово перед исповедью
22.03.1998.

Тайна жизни со Христом

<...> Церковь – это мы, т.е. все вместе; когда мы не вместе, когда каждый просто приходит в храм, – мы приход, мы не Церковь. Какая разница, что чувствует человек, который стоит со мной рядом, кто он, каково его имя – я не знаю, я пришел спасать свою душу. Но христианство – это не личное спасение, а спасение всех, всех вместе: без ближнего мы не спасаемся; ближний открывает нам дверь в Царство Небесное. Поэтому нужно не шарахаться от людей, не бежать от них, а наоборот, стремиться к общению, – ибо через общение, через отдачу себя мы приобретаем всё: не этот мир, который проходит, а жизнь вечную.

А жизнь вечная для нас это всё, – полнота и совершенство; в конечном нет совершенства. Почему люди так томятся, мучаются, и кидаются от одного к другому в этом мире, – и во всем разочаровываются? Потому что ни в чем конечном мы не найдем совершенства, совершенен только Господь, – и в Боге человек может быть совершенен; если человек отключает себя от Бога, он не живет: он идет не к свету, а идет к гибели, вспять от Источника жизни.

Можно ли оторваться от источника жизни и быть живым? Невозможно. Может ли веточка, отломившись от дерева, зеленеть? Она засыхает. Так и люди, оторвавшись от Бога, они духовно умирают. И воскресить нас может только Христос: если мы не будем

этой оторванной веточкой, а наоборот, – всегда на древе живом, и питаться его соками, – мы будем живыми и будем приносить плоды. В этом тайна жизни со Христом, и эта тайна открывается всем, кто хочет жизни: жизни вечной, радости и любви.

И сегодня мы пришли в храм для того, чтобы поведать Господу о том, в чем мы уклонились от истинного пути жизни, где мы споткнулись; и мы должны поведать Господу, что мы увидели в себе во время Великого поста. Ибо в Великом посту, как уже говорилось, для нас важно прежде всего хранить свою душу в чистоте, свою совесть в чистоте, уклоняться от всякого зла и творить благо, – и смотреть, что в нашем сердце на сегодняшний день.

Мы должны очень хорошо познакомиться с собою, чего нет еще в нашей жизни, – мы не познакомились с собою; мы любим знакомиться с другими людьми и не любим знакомиться с собою, потому что это страшно. Ибо если мы познакомились с собою по-настоящему, мы увидели всю нечистоту, какая есть, – и с грехом играть нельзя, нужно от него отстать, удалиться, а он бывает очень сладок, тем более, что он в таких оболочках в этом мире разукрашенных предстает пред нами. И человек говорит, что: нет, он еще хочет погрешить; еще его привлекает и блуд, и пьянство, и воровство мелкое или крупное, он еще не может от этого отказаться.

Он еще не может отказаться от того, чтобы не служить себе, а служить ближнему: я ближе себе, чем мой сосед, поэтому я должен о себе, прежде всего, заботиться. От этого бывает очень трудно отказаться, но нужно, – потому что Христос не может войти в нашу жизнь, когда мы Ему препятствуем такими чувства-

ми, не Божьими, не светлыми; мы закрываем Ему вход в наше сердце. И открыть наше сердце может только любовь. Любовь должна встретиться с любовью; если любовь встречается со злом, – происходит буря, как и в природе: теплый воздух, встречаясь с холодным, производит бурю.

Мы удивляемся, почему у нас смятение в сердце, почему мы лишены мира душевного, – а мир душевный это естественное состояние души; и противоестественное состояние души – беспокойство, смятение. Оно происходит потому, что мы не очищены, в нас много зла, наше сердце нечистое. И псалмопевец просит Господа очистить его сердце: «сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей», – и об этом мы должны постоянно просить Господа, не материальных благ (конечно, мы все нуждаемся, каждый по-своему, но не на первом месте должно быть это в жизни).

«Что у тебя на первом месте в жизни: Бог или что-то другое, – спрашивает священник приходящего на исповедь, – может быть, не Бог, а деньги, пища, напитки, увлечение зрелищами, спортом? Проверь себя». И вот, когда мы проверяем, мы знакомимся с собою. И ежедневное испытание своей совести вечером, оно помогает нам блюсти себя в чистоте. Если мы этого не делаем, мы нарастаем в грехах; и совесть наша притупляется, и мы уже не видим, чем отличается вчерашний день от сегодняшнего, уклонились ли мы от зла, или нет.

И Господь хочет, чтобы мы всегда были трезвыми, чтобы мы всегда были бдительными, чтобы мы всегда видели того, кто хочет нас совратить с пути истины. И пост – слово, взятое из военной терминологии: быть на посту это значит быть начеку. И мы всегда пребываем

в посте: нет такого дня у христианина, когда бы он не был на посту и не пребывал в посте. Если мы о посте будем думать только как о воздержании в пище, – о недозволенной пище, и дозволенной, скоромной, не скоромной, – то мы и не поймем, что такое пост.

Пост – это ожидание. А кого мы ждем? Мы ждем Христа. Мы всё время ждем этой встречи. И Господь нам дарует эти встречи; но мы часто не узнаём, что к нам приходит Христос. Приходит какой-нибудь человек, просит о помощи, – не мнимопросящий (а сейчас очень много есть мнимопросящих, обманывающих), а настоящий нуждающийся, – и мы часто не отвечаем на его просьбу, и говорим: сейчас все просят, мы и сами бедные, я тебе ничем не могу помочь. И мы не узнали в этом бедном, нищем человеке – Иисуса Христа: Он пришел к нам в такой оболочке странной.

Мы хотим видеть Христа всегда таким, как Он на иконах изображен: т.е. в Славе, просветленный; и нам не нравится, когда Он приходит в другом виде, – мы просто Его не узнаём. Или в образе больного человека, или заключенного... Нас очень раздражают грехи, и мы из-за грехов не видим образ Божий в том, кто грешит. А всякий грех – это крик о помощи; когда убийца стреляет, этот выстрел – это крик о помощи: я хочу, чтобы меня любили (!) я не нашел такого человека, который мне бы это дал в этой жизни (!) и я вот таким странным образом хочу возвестить всем, что я нелюбим.

А мы только склонны отнести это всё к уголовным делам и не отнести к другой области жизни: посмотреть поглубже на вещи и понять, что человек страдает, – страдает, что он был обделен любовью, – и не имея любви, он пал. И только любовью можно поднять такого

человека падшего; никакими угрозами, ни тюрьмами, ни палками, ни преследованиями, – только любовью.

И Церковь в силах дать эту любовь. И, слава Богу, она есть еще в сердцах некоторых христиан, а другие учатся этой любви. И важно, чтобы эта любовь присутствовала в нашей жизни. Митрополит Антоний (Блум) говорил, ссылаясь на своего духовника, что, если человек в этой жизни не увидит в глазах хоть одного человека сияние вечной жизни, – он никогда не будет знать, что она есть, он никогда не будет знать, что есть Христос.

И дай, Господь, нам всем быть таким живым присутствием Христа в этой жизни: Он был гоним всегда, и сейчас гоним, и мы должны Его приветить, мы должны откликнуться на Его любовь, – но не отвергать её, не бояться этой любви. Бояться любви (ко Христу) это показывать свою болезнь, а принять эту любовь это значит выздороветь, – ибо со Христом можно быть только здоровым духовно: радостным, счастливым и мирным человеком. И дай, Господи, нам молитву об этом, – чтобы эта молитва была из глубины сердца, чтобы мы молились не только устами.

Я думаю, что вы дома уже оплакали свои грехи, ваши слезы остались там, где вы молились сегодня утром, и вы пришли в храм, чтобы получить разрешительную молитву, сказав о том, в чем вы сегодня каялись Господу (или со дня прошедшей исповеди). Ибо наша исповедь начинается не тогда, когда мы идем в храм и начинаем думать: что же мне сказать священнику? Когда мы в таком находимся состоянии, это значит, что мы не каялись дома.

Мы приходим сюда, чтобы Господь нам разрешил уже те грехи, которые мы совершили со дня последней

исповеди. А если это люди, которые давно уже не исповедовались, то – поведать об этом грехе: что они забыли Господа Бога, и в жизни их случилось такое, что Бог им нужен был в 1990 году, потом семь лет Он не нужен был, и вот только в 98-м году опять Он понадобился почему-то, – а может быть, это просто как зевота: все идут Великим постом в храм, ну и мне нужно сходить, по обычаю.

Бог нам нужен всегда. И когда мы пропускаем воскресную службу, это значит, – я имею в виду людей, которые не больны, (у которых уважительная есть причина не присутствовать в храме), что Он мне не нужен был. И конечно, мы должны об этом задуматься: почему это происходит в нашей жизни? Почему мы это делаем?

Ведь Бог нам нужен всегда, как воздух. Мы не можем отказаться от воздуха, сказать: я сегодня буду дышать, а потом надо мне прекратить это, я устал дышать, я не буду дышать. Попробуйте прекратить дыхание: не подышите три минуты, – что будет с нами? Мы умрем; нам нужен воздух. А вот без Бога, оказывается, мы можем жить, как нам кажется, – и год, и два, и три; и бывает, человек крещен в детстве, и дожил уже до седин, – и ни разу не причастился, ни разу не пришел на исповедь, и вот только в таком возрасте уже вдруг он приходит к Господу.

Конечно, Господь хранил этого человека, Он жил с ним рядом, Он его поддерживал, – но человек был настолько бесчувствен к этому присутствию Божию в своей жизни, что он всё относил к себе. Когда он вкушал пищу, он думал, что это он сам заработал, и вку-

шает плоды своих трудов. Но если б он подумал, Кто дал ему силы трудиться, – тогда бы, наверное, возблагодарил за ту трапезу, за этот кусок хлеба, за воду, которая на столе, – ибо эта пища — это тоже присутствие Божие; это дар Божий нам, – но мы вкушаем часто это без благодарности, без молитвы.

Почему грешно не молиться перед едой и после еды? Животные вкушают без молитвы; но человек – благоговейное, благодарное существо, он должен смотреть на эту пищу как на дар Божий: что Господь дал мне это, чтобы мой храм, т.е. тело, поддержано было. И поэтому нужно всегда поблагодарить за пищу, которая на столе. Сейчас лежит на столе хлеб, а потом, через какое-то время, он превратится в нашу плоть: мы тоже должны об этом думать, – и благодарить Господа, что он крепит нас, подкрепляет и телесно, и духовно.

Помоги, Господи, нам всем очиститься сегодня и с чистым сердцем приступить к Чаше Жизни, простив всем всё, не имея в своем сердце ни на кого обиды. Когда мы обижаемся, мы показываем свою гордость: я не достоин, чтобы со мной так обходились. Но всегда мы говорим о простом правиле жизни: не думай, как к тебе относятся люди, а думай, как ты относишься к людям, – и тогда не будет никаких обид. Мы же живем так: т.е. смотрим, как к нам относятся люди, уделяют ли они нам много внимания, улыбаются ли они нам, – почему тому улыбнулись, а мне нет, почему этому дали, меня обошли и т.д. Если мы будем этим заниматься, мы на всю жизнь будем обиженными людьми, и у нас будет очень скверный характер, мы будем очень недовольны людьми и жизнью; и мы всегда будем говорить: какая плохая жизнь.

Хорошая жизнь у христианина внешне никогда не бывает, каждая эпоха, время имеет свои сложности, – и мы не можем сказать, что людям X века на Руси, в пору Крещения, было лучше, чем нам сейчас, людям XX уходящего века, – это только так кажется, мы всегда стараемся о прошлом думать в каком-то розовом свете; но в действительности это не так, этот мир предстает перед нами как жизнь, где смешаны добро и зло, – и борются, – и наше сердце, как сказал Достоевский, это арена, где встретились дьявол и Бог, и идет жестокая борьба.

И мы должны в этой жизни прилепиться ко Христу и – как малый ребенок, который не отрывается от своей матери, от отца, а всё время хочет быть с ними, хватается то за одежду мать, то за руку, и, если она уклоняется, он плачет – так и мы должны всегда быть со Христом, жить с Ним вместе. И эта жизнь будет Жизнью, – тогда мы будем жить действительно, а не призрачно.

Господь нас сегодня хочет всех видеть с Собою: Он хочет, чтобы мы все были с Ним. И наш приход в храм сегодня означает, что наше сердце возгорело таким желанием; что ничто земное нас сегодня не остановило: ни родственники, ни дом, ни завтрак, ни зрелища, – ничто нас не остановило. Нас привлек только Христос, и мы пришли к Нему; и если мы пришли по-настоящему, то, конечно, мы не уйдем отсюда с пустым сердцем. Господь нас утешит, Господь нас исполнит жизни и вожделенного мира. Ибо мир – это естественное состояние души, и мы всегда хотим этого глубокого, неотъемлемого мира, который может нам дать только Господь, а не человек.

Аминь.

Крестопоклонная неделя

22.03.1998. Литургия

Евр 4:14-5:6

Мк 8:34-9:1

Мы все призваны к служению

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Мы вынесли из алтаря Крест на середину храма для поклонения, чтобы, устав в нашем духовном пути Великого поста, мы подкрепили себя от Господа той силой – живительной силой, благодатной, – которую нам дает Крест Господень.

Вы слышали Евангелие от Марка, в котором Иисус Христос говорит и Своим ученикам, и всему народу: «кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». Что означает этот призыв отвергнуться себя и взять крест свой? И что такое крест в нашей жизни?

Иисус Христос пришел в мир спасти людей, погибающих во власти зла и смерти. Он имел такую силу, которой можно было победить противника: т.е. победить того, кого человек не в силах был победить, потому что у человека такой силы нет – он творение. И нужна была всемогущая сила Творца, и эту силу явил Христос.

Сила Бога в Его любви, и Христос мог людям дать только Свою любовь, ибо Бог – любовь, и в Боге больше ничего нет, кроме любви. И оказалось, что любовь сильнее смерти. Когда Христа распяли по зависти, и когда Он, будучи и Богом, и Человеком по плоти, умер на Кресте, и когда Его положили во гроб, – то ад думал

принять добычу, и смерть думала, что Тот, Кого распяли на Кресте, – это ее добыча. Но умирает тот, кто грешит, тот, в ком есть грех, а в Иисусе Христе греха не было, – Он во всем был подобен человеку, только не был грешен, – и смерть не имела власти над Ним. И Он испепеляет смерть и побеждает смерть Своей чистотой, и она была поражена, побеждена.

Это было сделано ради нас: чтобы и мы побеждали смерть и грех. Как это возможно? Христос говорит: иди за Мною, живи Мною, и ты победишь, ты будешь победителем; если не пойдешь, ты останешься во власти греха и никогда не освободишься, – ибо Я освобождаю, Я могу только дать свободу. А жить в свободе прекрасно, каждая душа хочет быть свободной. Но эта свобода, эта любовь Христа людей пугает, потому что она требует отказа от того, чем ты жил раньше.

Если человек любил деньги, он должен отказаться от этой пагубной страсти; если он пил, он должен прекратить это; блудил, – должен прекратить блуд; лгал, – должен прекратить лгать, и т.д. А грех, как мы сегодня уже говорили, всегда присутствует в нашей жизни в соблазнительной оболочке; и тот, кто пьет, он говорит: я наслаждаюсь жизнью, это прекрасно: забываешь все невзгоды, забываешь, что у тебя трудности в семье, нищета, кругом жизнь трудная, – всё забываешь, – и так хорошо, свобода, никакой скованности, друзья, веселье, – как хорошо. Т.е. это зелье – оно дает свободу; и в этой скучной жизни надо же веселиться, надо же жить! Так же и человек, который любит деньги, он рассуждает, что они дают свободу, и я становлюсь независимым, и я могу делать всё, что хочу. Но если отнять у людей то, чем они живут: деньги, водку, или ещё что-

то, – им нечем жить. И какая же это свобода? Это настоящее рабство. И всякий грех делает человека рабом греха.

А Христос хочет, чтобы мы были не рабами, чтобы мы были свободными людьми, ибо только в свободе человек расцветает, все его возможности раскрываются. И без этой свободы человек похож на животное: ест, пьёт, размножается, трудится, веселится, и всё. Но человек отличается от животного тем, что у него есть высший запрос: душа его жаждет общения с Богом, потому что человек есть образ Божий. И если эта жажда не удовлетворяется общением с Богом, сатана предлагает другое: забыть об этой жажде; поэтому, когда пьют, говорят: надо забыться. (Или ещё какой-то грех совершают, деньги, кутежи; то же – человек ездит, смотрит всё: нужно ему, не нужно, – забыться.) В чем забыться, что забыть? Забыть Бога.

А забыть Бога, это значит не жить, – это гибнуть и превратиться в живого трупа: носить своё тело на двух ногах и мертвую душу. И мы видим в жизни много примеров, когда человек уже духовно умер – который не может сострадать, не может сочувствовать, который только хочет брать, брать, брать от жизни.

Христос с болью смотрит на таких людей: они страдающие, они мучаются. Но их страдание – по их вине, т.е. они сами заставляют себя страдать. Бог – тоже Страдающий, Христос – тоже Страдающий, но Он страдает не по Своей вине – в Нем греха нет – Он страдает потому, что другие страдают. Он страдает по любви.

Любовь Его не может пребывать без волнения, если видит человека заблудившегося, зашедшего в тупик жизни. И Христос хочет вывести такого человека из

тупика и говорит: иди за Мною. Но этот кроткий, тихий, нежный, любящий голос многие терпеть не могут, он раздражает. Вы встречаете в жизни людей, которые очень не любят тех, кто ходит в храм, и когда они идут, их оскверняют разными словами, и издеваются, и говорят: ну, что, тебе Бог помог?.. Вот, ты ходишь в храм, и что, ты живешь лучше меня?.. Что, у тебя прибавилось денег (или еще чего-то)?..

И тот, кто идет за Христом, должен согласиться на эти страдания. Он должен жить жизнью Христа. И следовать за Христом – это значит, принять Христа полностью; не частично, сказать: вот, я в Тебе люблю, Иисусе Христе, всё, что Ты творишь чудесное, чудеса Твои люблю, а Крест не люблю, потому что Крест это страдание, это смотреть больно на Твое израненное Тело, на раны; я люблю Тебя вот такого, когда Ты в свете, когда Ты Чудотворец, а это – не нужно, я боюсь этого, я ищу покоя в жизни и не хочу страданий, не хочу отдавать жизнь за других, не хочу сострадать другим, я хочу жить для себя, это уютнее, – что мне до страданий других людей? И когда в нас есть такие чувства: жить для себя, – это уже отказ идти за Христом. Он говорит: иди ко Мне; а мы – от Него: кто бегом, кто ползком (кто как может), но только не к Нему, а от Него, – потому что с Христом, говорят, очень трудно, без Христа легче.

А Христос опять говорит нам, глухим: «Иго Мое благо, и бремя Мое легко есть». Он не обманщик, Он говорит правду. И действительно, иго Христово, крест Его – легкий, если мы взяли Его крест. Он нам предлагает Себя, Свою жизнь, и, если мы соглашаемся жить Его жизнью, значит не мы будем нести крест в жизни – а Он; а мы только не должны мешать Ему, не быть

каким-то препятствием, бревном на пути, чтобы не мешать идти Ему вместе с нами.

Согласитесь, разве трудно исполнить следующее: посетить больного? Христос не говорит нам: исцели человека, а Он говорит: если кто-то болен из братьев, ты навести его. Если человек в узах, в тюрьме находится, Христос не говорит нам: освободи этого человека из тюрьмы; Он говорит только: посети его. И разве трудно посетить?

И, конечно, рассуждая так, мы убеждаемся, что иго действительно Его благо, и бремя легко есть. И если мы отдаем то, что нужно ближнему нашему, мы богатеем в Бога, и мы служим и ближнему, и Богу всем своим усердием, всей своей жизнью.

И Господь, когда говорит: «Иди за Мною», предлагает нам, как я уже сказал, жить Его жизнью и служить Богу и ближнему всей своей жизнью. Мы сегодня молились уже, вы слышали эту молитву: и всю жизнь нашу Христу Богу предадим; т.е. всю жизнь, всего себя я отдаю Богу. Зачем мне что-то оставлять для себя? Это неразумно. Пусть Господь всецело живет во мне, и тогда уже не я живу, а Он живет, и Он руководит моими поступками. Я, как человек, могу сделать ошибки; Бог — не делает ошибок, Он не человек. И поэтому человек, отдавший жизнь Богу, не согрешает так, как он согрешает, когда не приходит к Господу.

И жизнь в служении — это то, к чему мы должны все прийти. Христа называют Царем. По земным меркам, земным понятиям человеческим, царь — это человек власти; и некоторым кажется, что царь должен быть недоступным народу, и мы должны служить царю, и всю жизнь отдать ему, а он должен над нами властвовать. Но у Господа не так: Он, будучи Богочеловеком, жил

жизнью бедняка, Он ничего не имел, и единственной Его целью было как можно больше послужить людям. Следовательно, царь – это тот, который служит своему народу, который любит свой народ, – так любит, что согласился занять такой высокий пост, чтобы сделать как можно больше добра. А если человек стремится к власти ради карьеры, то он не царь, достоинства в нем этого нет, он его теряет, разрушает это достоинство. Царь – это слуга.

И мы все пребываем в царском достоинстве. Сказано: вы – цари, священники и пророки, – это о каждом из нас сказано. Какие мы цари, в чем мы цари? Нам всем дано жить в Царстве Небесном, и мы все призваны к служению, и, если мы служим Богу и ближнему всей своей жизнью, мы пребываем в достоинстве царей. Господь очень возвышает нас этим. И нужно только не забывать об этом, и не терять свое достоинство, и не променять его на чечевичную похлебку, что мы часто делаем. Мы не хотим быть свободными, мы хотим быть рабами; свобода нас пугает, рабство нас оболешает, и мы не хотим выйти из состояния рабства. Но идти за Христом это значит выйти из состояния рабства и обрести свободу, и жить в свободе и любви.

Вот, к чему нас призывает Христос, обращаясь к Своим ученикам и, сказано, «обратившись к народу»: идти за Ним. «Ко всем», значит, и к нам, потому что Евангелие – книга, которая существует для каждого из нас, и она, эта книга, должна стать нашей жизнью – тогда, мы, услышав слово Божие, примем его в свое сердце и начнем жить так, как жил Христос, т.е. любя Своего Отца Небесного и самозабвенно любя каждого человека, живущего на земле.

Аминь.

Память великомученика Георгия

06.05.1998. Литургия

Деян 12:1-11; Ин 15:17-16:2

Свидетель Истины и Любви

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Иисус Христос дает ученикам Своим самую главную заповедь: любить друг друга. «Сие заповедаю вам: да любите друг друга». Тот, кто любит Его и любит ближнего, становится Его учеником. Тот, кто не любит Христа, не любит ближнего, становится противником Христа. И противники Христа тогда гонят тех, кто имеет в своем сердце любовь.

Почему гонят Христа, почему гонят Его учеников, за что? Причина гонений в том, что мир лежит во зле: то есть не тот прекрасный мир, который сотворил Господь, а мир как царство греха. Ибо грех и святость несовместимы, добро и зло несовместимы; и мир отрицает Бога ради греха. Любящий Христа, Бога, борется с грехом, чтобы уничтожить зло. Вот почему возникает столкновение: потому что цель жизни у тех, кто любит мир, то есть грех и зло, иная, чем у тех, кто любит добро.

И Иисус Христос заповедует Своим ученикам быть мужественными, твердыми и непоколебимыми в любви и добре. «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел». Он объясняет им причину ненависти к истине: она в том, что «мир любит своё», а «своё» – это грех и неправда.

«Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир». Избрал – то есть выделил из мира, отделил от зла,

отделил от неправды; и если вы не участвуете во зле, то те, кто участвуют в нем, будут вас ненавидеть и будут вас преследовать.

Но свидетельство тех, кого преследуют за истину, является самым ценным и самым истинным. Учёный Паскаль говорил: я верю тем свидетелям, которых убивают, которых преследуют. Ибо они настолько тверды в своем свидетельстве о Боге, истине, о красоте, любви, что никакие угрозы этого мира и соблазны этого мира не могут поколебать их.

Сегодня Церковь отмечает память великомученика Георгия, одного из таких истинных свидетелей веры христианской и истинного свидетеля Божией любви. Он великомученик. Мученик – это свидетель; («мученик» – перевод греческого слова «мартис», которое означает «свидетель»). О чем он свидетельствует? Мученик это прежде всего не тот, кто страдает, а тот, который свидетельствует; самое главное в его подвиге это свидетельство. И о чем он свидетельствует? Он свидетельствует о любви.

Он своим сердцем познал такую любовь, – такую совершенную любовь, такую совершенную радость, – которой не знает этот мир, лежащий во зле. И если он познал высшее, познал полноту жизни, он не может уйти от нее и променять вечное на временное.

Когда великомученика Георгия, этого римского воина, пытали и соблазняли всякими подачками, и всякими планами, и всякими обещаниями, которые бы дали ему богатство, славу в этом мире, – он не соблазнялся, потому что знал ценность другого, ценность вечной жизни и ценность любви совершенной, которой было исполнено его сердце. И поэтому он не по-

колебался в пытках и не изменил Христу, и был усечен мечем, и через его веру открылась истина и любовь тем, кто видел его страдания. Уверовала супруга мучителя, императора Диоклетиана, царица Александра, и уверовали еще многие люди, которые открыто исповедовали свою веру в Того, Кого познало их сердце, и были убиты.

И Иисус Христос говорит о тех, кто не принял Его проповедь, не стал таким свидетелем. Они не верили не потому, что не видели, и не верили не потому, что не ведали, — а видели и не хотели верить; и в этом нехотении их грех, в этом упорном противлении истине. «Если бы Я не сотворил между ними дел, каких никто другой не делал, то не имели бы греха; а теперь и видели, и возненавидели и Меня, и Отца Моего», — и с горечью, повторяя псалмопевца, Иисус Христос говорит, — «возненавидели Меня напрасно».

Но тем, кто возненавидел Иисуса Христа, Он противопоставляет тех, которые стали свидетелями любви и истины, тех, кто был сначала с Ним. И Он просит их, чтобы они не соблазнялись, т.е. не претыкались о те трудности, которыми соблазнились другие, кто отступили от Него, Он хочет, чтобы они стали истинными свидетелями веры и любви, ибо истинный свидетель никого не гонит, истинный свидетель любви — он всегда гонимый, это первый признак истинности его свидетельства. Если гонят за истину, значит, крепка вера исповедника, крепка вера свидетеля; ибо его вера раздражает тех, кто во грехе, его любовь нестерпима для тех, кто не имеет любви, он мешает жить в грехе, а если мешает, его надо убить, его надо преследовать, его надо склонить ко злу. Но истинный свидетель веры

во Христа запечатлевает свою веру своей кровью, своей жизнью. Он отдает свою жизнь за истину, за любовь. И такому свидетелю действительно можно верить, потому что это свидетельство истинно.

Аминь.

19.07.1998. Вечерня

О верности и доверии Богу

Сегодня мы празднуем память двух святых, которые жили в разные века: преподобного Фомы, иже в Малей, (он жил в X веке) и преподобного Акакия (святого VI века).

«Преподобный Фома Малейн до принятия иночества был военачальником. Могуч и храбр, он участвовал во многих сражениях, приносил победы своим соотечественникам, за что пользовался славой и уважением. Но стремясь всем сердцем к Богу, Фома оставил мир с его почестями и принял иноческий постриг. С великим смирением он посещал старцев-монахов, прося у них руководства в духовной жизни. Через несколько лет Фома получил благословение на уединенную пустынножизнь и, укрепленный особым откровением, полученным через святого пророка Божия Илию, удалился на гору Малей (восточная часть Афона). Пребывая в полном одиночестве, святой Фома боролся с невидимыми врагами с таким же мужеством, как раньше на войне с видимыми врагами отечества. Жизнь и подвиги святого Фомы не могли скрыться от окружающих, к нему стали стекаться люди, искавшие духовного руко-

водства, а также страдавшие от болезней, ибо он получил от Бога благодать исцеления недугов. Многие верующие получили помощь по молитвам преподобного и по отшествии его к Богу.

Преподобный Акакий Синайский был послушником в одном из монастырей на Синае. Он отличался от братии особым терпением и беспрекословным послушанием своему старцу, у которого был грубый характер: он заставлял, например, преподобного непомерно работать, морил его голодом, нещадно бил. Несмотря на такое обращение, преподобный Акакий кротко терпел невзгоды и благодарил Бога за всё. Недолго пробыв в таком тяжелом послушании, святой Акакий скончался. Старец через пять дней рассказал о смерти своего ученика другому старцу, который не поверил, что совсем молодой инок умер. Тогда учитель Акакия позвал этого старца к могиле Акакия и громко спросил: брат Акакий, умер ли ты? Из могилы раздался голос: нет, отче, не умер; кто переносит послушание, не может умереть. Пораженный старец со слезами упал перед гробницей, прося прощение у своего ученика. После этого он изменился нравом, затворился в келье близ погребения святого Акакия, в молитве и кротости окончил свою жизнь. Это сказание привел в «Лествице» преподобный Иоанн Лествичник как пример терпения, послушания и награды за них».

Т.е. мы увидели два лика святых и увидели их подвиги, – и, конечно, благодаря этим подвигам они могли приблизиться к Богу и соединиться с Ним. В чем был их подвиг, и в чем была их святость? Святость рождается тогда, когда мы имеем дар Божий и предельную верность Богу; только доверяющий Богу и всецело

отданный Ему человек может принять этот дар. Какой же дар? Дар милости, любви, благодати.

Слово «благодать» означает дар любви, – и вот, святые отцы умели принять этот дар: несмотря на то, что они жили в миру и много было препятствий к тому, чтобы соединиться с Богом и всецело отдаться Ему. Но они понимали, что вера – это не чувства, которые меняются, а нечто другое, и имели решимость противостоять всяким искушениям. И без этой решимости невозможно стать святым человеком, – а к святости мы призваны все: и если мы их почитаем как тех, которых канонизировала Церковь и внесла в свои святцы, то это не значит, что они люди какой-то особой породы, и что мы даже и помыслить не можем о том, чтобы нам стать святыми.

Некоторые до сих пор находятся в таком «благочестивом» заблуждении, в невежестве, когда думают, что святые – это те, которые изображаются только на иконах; а мы, дескать, никто в сравнении с ними, и нам даже мечтать об этом пути, которым они прошли, невозможно. Но святые отцы стали святыми не потому, что они совершили подвиги: можно совершить подвиги и не стать святым; и святые это не те люди, у которых вообще нет никаких грехов.

Святые – это те, кто отдали всю свою жизнь Богу, полностью. И когда их вера, эта отданность, могла поколебаться, тогда они и согрешали, – и Господь показывал им, что они, если начинают надеяться на себя, на свои подвиги, могут выйти из этого состояния верности Богу. А верность означает абсолютное доверие Богу.

Читая жития, мы встречаем многочисленные примеры, как враг нашего спасения и на них нападал, пытался смутить их дух и где-то сыграть на их самости и

на недоверии к Богу: когда внушалась им мысль, что они уже достигли какой-то меры, и теперь можно прекратить подвиг, и уже можно считать, что ты спасен. Но святые отцы, попадая в такие искушения, выходили из них победителями, не веря себе и не веря тому, что они спасены.

И дай, Господи, нам идти таким же путем полной отдачи себя Богу, забывая себя во имя Того, Кто есть Полнота жизни, – и в этой отдаче обрести Бога Живого и жить так, чтобы Он жил в нас. Чтобы уже не мы говорили и действовали, а Дух Святой: тогда мы не будем ошибаться и тогда мы будем мирны. К этому мы все призваны.

И важно стремиться к этому, а как исполнится наше стремление и какую мы получим от Господа степень благодати, это знает Господь; но важно всегда всем своим существом доверять Богу, и дать Ему простор действовать в нашей жизни, – что сделали святые, и поэтому были свободны от рабской привязанности к миру сему и ко всему тому, что не есть Бог.

Аминь.

30.07.1998. Литургия
Мф 16:21-23

Цена нашего спасения – жертвенная любовь

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

С некоторого времени Иисус Христос начал открывать Своим ученикам, что Он должен идти в Иерусалим, много пострадать от старейшин, и первосвященников,

и книжников, быть убиту, а в третий день воскреснуть. То есть Он говорит о Своих страданиях, о Своей смерти, и о Своей славе, приоткрывает им тайну домостроительства Божьего, тайну спасения.

Конечно, понять эту тайну очень трудно, и апостол Петр, услышав слова Иисуса Христа, начал прекословить Ему: «Будь милостив к Себе, Господи, да не будет этого с Тобою». Иисус Христос просит его отойти от Него, назвав сатаной, сказав, что он Ему соблазн, – соблазн потому, что он не думает о том, что Божие, но что человеческое. И затем начинает подробно изъяснять им тайну креста, тайну жертвенной любви.

Весь разговор, который вы слышали сейчас, это беседа Иисуса Христа о жертвенной любви. Иисус Христос понимает, – и показывает ученикам, – что прекословие Петра неразумно; потому что он думает не о том, что Божие, но что человеческое. Если не будет Креста, не будет этой жертвенной любви, полной отдачи Себя Иисуса Христа людям, то не будет и спасения.

Ветхозаветная жертва сжигалась, и она приносилась Богу во очищение грехов. Иисус Христос тоже отдает всего Себя, полностью, людям – ради того, чтобы совершилось спасение. И тот, кто хочет войти в это спасение, спасти себя и ближних, должен не пугаться страданий, не пугаться смерти, которая испугала апостола Петра, а принять их радостно и понять, что страданиями и жертвенной смертью человек соединяется с Господом.

Недостаточно, что ты Меня исповедуешь, – хочет сказать Иисус Христос апостолу Петру, – Сыном Божьим; важно, чтобы ты научился страдать. А страдать для человека это – всё терпеть, скорбное, трудное, что есть

в жизни. Но страдают люди по-разному: страдает и человек, отдавший себя лжи, а не Иисусу Христу, – но его страдание темное, безысходное; а тот, кто страдает во имя Христа, – и это показывает Иисус Христос, – увидит славу Божию, приобщится к этой славе и не вкусит смерти.

Иисус Христос говорит, что желающему идти за Ним нужно отвергнуться себя: «отвергнись себя», – далее, нужно взять свой крест: «возьми крест свой», – и следовать за Ним: «следуй за Мною».

Что значит отвергнуть себя? Святитель Иоанн Златоуст говорил: проверь это на ближнем, – что значит отвергнуть ближнего, другого? – это значит быть равнодушным к нему, не замечать его, есть он или нет (ты безразличен к нему и ты ничем ему не хочешь помочь). И вот, отвержение себя означает отвержение самости своей, того, что нас приземляет, того, что не ведет нас к Богу, а наоборот, уводит от Бога; «отвергнись себя» это отвергнись своих грехов, ибо самость – это грех. И если я отвергаю себя во имя Христа, значит Он во мне; не я уже живу собою, – не надеюсь на свои силы, не думаю, что я могу жить из себя, – а понимаю, что я могу жить только Господом, Его любовью, Его терпением, Его милостью.

«И возьми крест свой и следуй за Мною». Крест означает не только страдание, крест означает любовь. Любовь забывает себя; значит, «взять крест» – это забыть себя, и всё время помнить молитву, которую мы совершаем в храме: «...и всю жизнь нашу Христу Богу предадим». То есть всю жизнь без остатка: я ничего не оставляю для себя, я всецело приношу себя Тебе, Господи. И зачем мне надеяться на себя, если Ты меня

любишь и всё мне даешь? Мне нужно только не мешать действовать Твоей любви в моей жизни, и жить так, чтобы устранить себя; и если Ты просишь, чтобы я был Твоим соработником, то помогать Тебе умело, согласуя свою человеческую волю с Твоей волей, – чтобы здесь не было разлада.

Ибо взять крест свой, отвергнуться себя это не значит потерять личность и превратиться в ничто; это означает: образ Божий, который в нас есть, довести до совершенства, то есть жить только Иисусом Христом. Ибо если ты захочешь самости, то потеряешь всё.

«Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет её». «Если зерно бросить в землю, – говорит в другом месте Иисус Христос, в Евангелии от Иоанна, – и оно не сгниет, не прорастет, то плода не будет; но если оно умрет, принесет много плода». И умереть ради Христа значит приобрести Христа и приобрести вечную жизнь.

Иисус Христос говорит об этом приобретении в конце Своей беседы: «Истинно говорю вам, есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Сына Человеческого, грядущего в Царствии Своем». То есть уже в этой жизни, такой еще не совершенной, не имеющей полноты, – если мы живем вглубь, мы имеем Царствие Божие внутри нас; ибо оно не вовне, а внутри: в глубине наших чувств, в глубине нашего сердца. Если мы с Богом общаемся в полной самоотдаче, если мы с ближним общаемся до самозабвения, мы уже вкушаем вечную жизнь, и мы святы.

Аминь.

Слово после литургии

Причастников поздравляю с принятием святых Христовых Таин, участием в трапезе Господней, трапезе благодарения.

Сегодня день памяти великомученицы Марины (Маргариты). Вчера вы слышали её житие: о ее подвиге христианском, о ее любви самозабвенной к Господу. Когда мы сегодня говорили об отдаче себя Господу, это означало всецело отдать себя Господу и не бояться смерти за Него, потому что в этой смерти за Него мы обретаем жизнь. Любовь побеждает смерть; эту тайну познала великомученица Марина (Маргарита), эту тайну хочет познать каждый из нас, чтобы мы не имели никаких страхов человеческих, которые нас принижают, которые мешают воплотиться той любви, которая нас освобождает, усыновляет.

Память преп. Серафима Саровского
31.07.1998. Вечерня

Истинное христианство

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня православная Церковь празднует первое обретение мощей преподобного Серафима Саровского, которое совершилось в 1903 году, спустя 70 лет после его блаженной кончины. Мы знаем, что преподобный Серафим Саровский отошел ко Господу на 79-м году жизни. Мы имеем и второе обретение мощей, оно совершилось 11 января 1991 г. в Санкт-Петербурге, после того, как

Церковь пережила полосу гонений и чудесным образом эти мощи, вначале поруганные гонителями Церкви, всё же сохранились и Церковь второй раз их обрела.

И сама жизнь, и обретение мощей, преподобного Серафима Саровского это величайшее явление для нас духа святости и духа любви, без которых нет Церкви, а есть её двойник. И жизнь преподобного Серафима Саровского как раз и была явлением Христовой любви и образом Церкви Христовой, она была как бы непрекращающейся линией, нитью первохристианства. И эта любовь, которую должны были познать все, к которой призваны все, воплотилась. Она всегда воплощается, и должна воплощаться, но как трудно её воплощать, знает каждый по своему личному опыту.

И жизнь преподобного Серафима Саровского являет собой не какое-то «новое» христианство, а – это истинное христианство, истинный лик его; ибо, как сказал апостол, «Иисус Христос вчера, и сегодня, и вовеки Тот же». И, следовательно, когда мы имеем великих святых, то мы радуемся тому, что явлена нам вполне христианская жизнь, христианский воплощенный идеал мы видим в нашей жизни. И явление такой жизни в любви очень нужно было нашей Церкви в XIX веке, когда Церковь имела много болезней, – и уклонение в сторону формальной жизни, в сторону обрядоверия, – и нужно было явить истинный лик Церкви. И преподобный Серафим своей жизнью это сделал.

Его житие вы все прекрасно знаете, это – образ величайшей святости и чистоты христианства.

Прохор Мошнин, будущий Серафим Саровский, родился 19 июля 1754 года в г. Курске; а скончался 02.01.1833 г.

Братия и сестры, общавшиеся с преподобным Серафимом, и монастырские, и из мира, слышали от него много мудрых наставлений и советов, и в воспоминаниях о преподобном Серафиме сохранились эти советы. И много появилось воспоминаний к дню прославления преподобного Серафима Саровского, которое совершилось, как я уже сказал, в 1903 году, через 70 лет после его кончины, в день его рождения (19 июня/июля, по старому стилю, это день рождения преподобного).

Мощи были торжественно открыты и положены в приготовленную раку. В прославлении участвовал Николай II со свитой. И было множество исцелений больных, в большом количестве притекших к этому дню в Саров. И прославление мощей преподобного Серафима еще более сделало его известным в православном мире; а сейчас, как вы знаете, его открыла для себя и Западная Церковь, и они его наряду с Франциском Ассизским считают великим святым христианской Церкви.

Так вот, преподобный Серафим Саровский говорил в беседах своих: «Пост, молитва, бдение, всякие другие дела христианские, сколько ни хороши сами по себе, однако ни в делании лишь только их состоит цель нашей жизни христианской, хотя они и служат средствами для достижения её. Истинная цель жизни нашей христианской есть стяжание Духа Святаго Божия».

«Однажды, находясь в Духе Божиим, преподобный видел всю Русскую Землю, и была она наполнена и как бы покрыта фимиамом молитв верующих, молящихся ко Господу. «Господь открыл мне, – говорил преподобный, – что будет время, когда архиереи земли Русской и прочие духовные лица уклонятся от сохранения православия во всей его чистоте, и за то гнев Божий

поразит их. Три дня стоял я, просил Господа помиловать их, и просил лучше лишить меня, убогого Серафима, Царствия Небесного, нежели наказать их. Но Господь не преклонился на просьбу убогого Серафима и сказал, что не помилует их, ибо «будут учить учениям и заповедям человеческим, сердца же их будут стоять далеко от Меня».

И самым важным средством к стяжанию Святаго Духа преподобный считал молитву. «Всякая добродетель, Христа ради делаемая, дает благо Духа Святого, но молитва более всего приносит Духа Божия, её удобнее всего всякому исправлять». Далее, преподобный Серафим считал не обязательным длинные молитвенные правила, и своей Дивеевской общине дал правило легкое. «Божия Матерь запретила отцу Серафиму обязывать послушниц к чтению долгих акафистов, чтобы этим не наложить лишней тяжести на немощных. Но при этом святой строго напоминал, что молитва не должна быть формальной: «Те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву со внутренней, не монахи, а черные головешки». (Кстати, отец Таврион часто, когда обличал насельниц пустыньки, где он жил, делал это таким же образом, как и преподобный Серафим Саровский.) Знаменитым стало Серафимово правило для тех мирян, которые в силу жизненных обстоятельств не могут читать обычные утренние и вечерние молитвы: утром, перед обедом и вечером трижды читать «Отче наш», трижды «Богородице, Дево, радуйся», единожды «Верую», занимаясь необходимыми делами с утра до обеда, творить молитву Иисусову («Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного (или: грешную)» или просто: «Господи, помилуй»), и от обе-

да до вечера – «Пресвятая Богородица, спаси мя, грешного» или: «Господи, Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя, грешную».

«В молитвах внимай себе, т.е. ум собери и соедини с душою. Сначала день, два и больше твори молитву сию одним умом, раздельно, внимая каждому особо слову. Потом, когда Господь согреет сердце твое теплотою благодати Своей и соединит в тебе оную в един дух, тогда потечет в тебе молитва оная беспрестанно и всегда будет с тобою, наслаждая и питая тебя».

«Душу снабдевать надобно Словом Божиим. Всего же более должно упражняться в чтении Нового Завета и Псалтири. От сего бывает просвещение в разуме, который изменяется изменением Божественным». И сам, как об этом уже было сказано, он постоянно прочитывал весь Новый Завет в течении недели; он его носил в котомочке, и там же был этот знаменитый кирпич для томления томящего его.

«Каждое воскресение, каждый праздник неопустительно приобщаясь Святых Таин, преподобный Серафим на вопрос, как часто следует приступать к причащению, ответил: «чем чаще, тем лучше».» Но, конечно, этот совет нужно принять с рассуждением. И мы вопрос задаем часто: «как часто нам причащаться?» Но если человек живет в общине, он имеет возможность, когда община собирается «на одно и то же» дело, т.е. на Евхаристию, всегда причащаться в день совершения Евхаристии. Т.е. если христианин живет в ритме евхаристического общения в день Господень, то для него, конечно, пропуск без уважительных причин Евхаристии в день Господень должен переживаться духовно критически – и нужно укорить себя в том, что в это

воскресенье как бы мне Христос не нужен был: в прошлое воскресенье я шел к Нему в храм, соединялся с Ним в таинстве Евхаристии, а в это воскресенье я отдыхаю от Христа. И, конечно, когда мы в глубине души это осмыслим пред Господом, то совесть наша обязательно нам подскажет верный путь, и мы поймем, что в день Господень, день Евхаристии, община христианская являет Церковь и если я член Тела Христова, то я должен действовать в согласии с другими членами тела, чтобы не повредить ему.

«Священнику Дивеевской общины, Василию Садовскому, он говорил: «Благодать, даруемая нам приобщением, так велика, что как бы ни недостоин, и как бы ни грешен был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступал ко Господу, искупляющему всех нас, хотя бы от головы до ног покрытых язвами грехов, – и будет очищаться благодатию Христовой, всё более и более светлеть, совсем осветлеть и спасется».

(Мне нравится смиренный дух Николая Бердяева, который сказал, что он один из тех христиан, которые из заповедей блаженства Иисуса Христа исполнил только одну – «блаженны жаждущие правды», а другого не исполнил: ни чист сердцем, и ни кроток, и ни смирен и т.д. Но это сказано не от лени, не от распущенности духовной, а – как раз из глубины смиренного духа, знания себя.)

«Верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося». Преподобный, однако, не всем давал одинаковые наставления относительно частого причащения; многим он советовал говеть во все четыре Поста и все двенадцатые

праздники. Необходимо помнить его предупреждение о возможности приобщения в осуждение: даже и приготовив себя к Святому Причащению, никто из нас не может сказать, что он уже без греха, что он очистился вполне, — ибо мы своих грехов не знаем, и знать не можем всех, но важно искреннее стремление к очищению, к чистоте.

Преподобный учил искать мир душевный и никого не осуждать. «Кто в мирном устроении ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары». «Для сохранения мира душевного всячески должно избегать осуждения других. Чтобы избавиться от осуждения, должно внимать себе, ни от кого не принимать посторонних мыслей и быть ко всему мертву».

Мы избавляемся от осуждения тогда, когда принимаем человека таким, каков он есть; ибо все находятся на разной ступени духовного развития: кто-то неофит, кто-то продвинулся уже в вере и познании Христа, кто-то заканчивает свой земной путь, кто-то младенец, кто-то отрок, — и поэтому мы должны принять человека таким, каков он есть на сегодняшний день.

Мы должны всегда отделять зло, грех от образа Божия, который в каждом человеке есть. Вспомним, что Христос сказал женщине, взятой в прелюбодеянии, когда все её осуждали, и склоняли к этому и Христа, — а Он поступил по-другому и сказал: «Я тебя не осуждаю, иди и не греши», — то есть, Он принял её с любовью. А что же мог любить Иисус Христос в этой женщине? Те, кто осуждали ее, уже не видели в ней образа Божьего. А Христос как бы ей сказал: «Грех это не ты, это искажение образа Божьего, затемнение его, это не твоя природа; твоя природа— это чистота». [...]

01.08.1998. Литургия

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Церковь православная сегодня прославляет своего великого святого, сына Божьего, преподобного Серафимого Саровского, про которого действительно можно сказать, что он своей жизнью прославил Бога, и имя Божие свяtilось им, а не хулилось, как сегодня говорит Иисус Христос о некоторых людях, которые жили во времена общественной проповеди Иисуса Христа, и которые имеются и в нашей жизни, жизни церковной, и по сей день.

Иисус Христос говорит тем, кто не собирает с Ним, и о тех, кто собирает с Ним. Тот, кто не собирает с Ним, тот расточает, потому что жить собою – это разрушаться. Человек не может быть источником жизни, любви для себя, потому что он человек. И собирать со Христом это значит отдать Ему свою жизнь и возложить все надежды на Бога и Им жить, а не собою.

И когда Иисус Христос творил чудеса, то они должны были людям реально явить любовь Божию, ибо такие дела могли твориться только любовью, какие творил Иисус Христос; ибо Он пришел не наказывать грешников, не испепелять их, а врачевать и преображать людей и окружающий мир. Но, к сожалению, те, кто были в ветхозаветной церкви, и которые знали Закон Божий, были учителями Закона, – видя чудеса Иисуса Христа и зная, что это добро, – говорили, что Он их творит силой дьявольской, что Он сын Вельзевула. И Иисус Христос заостряет внимание слушателей на этой клевете или на этой хуле имени Божьего; потому что Он просит рассудить людей о том, может

ли из злого источника возникнуть добро, может ли худое дерево принести добрый плод. Если вы считаете, что Мои дела ради людей добры, то почему вы Меня не считаете источником добра и любви, а хулите Меня и клеветаете на Меня?

«Всякий грех и хула простятся человекам, а хула на Духа не простится человекам», – говорит Иисус Христос Своим завистникам и хулителям.

Когда Его осуждали за то, что Он ел и пил с грешниками, то в этом можно было увидеть, ну, какую-то слабость людей, которые в Нем не видели Сына Божия, не видели, Кто перед ними. Но когда люди видят, что сотворенное Им – добро, и сознательно противятся добру и сознательно противятся Духу Святому, без Которого не может быть добра, то это – страшный грех, и «он не простится человекам», – говорит Господь. И этот грех противления Богу, сознательного противления, в истории Церкви продолжался; всегда у Церкви, как мы вчера говорили, был её двойник, темный двойник. И не только в жизни церкви, но и двойник такой присутствует в личной жизни каждого человека. И важно избавиться от этого двойника и прогнать его решительно, и укрепиться в вере только взыванием Духа Святого. Ибо Он не только подается, но и взыскуется.

Когда Серафим Саровский говорит о том, что каждый из нас должен стяжать Духа Святого, то в слове «стяжать» намек на великий труд: стяжать, это значит приобрести с терпением, в борьбе с трудностями, а не так, как иногда мы думаем приобрести что-то духовное без трудов. Сам преподобный Серафим Саровский, как мы вчера слышали на вечерней службе, тысячу дней

и ночей стоял на камне – таков был его молитвенный подвиг – и это во имя стяжания Духа Святого.

Но опять, стяжания, как уже было сегодня сказано, не ради себя, не ради личного спасения. Не ради того, чтобы, обретя мир душевный, успокоиться и уйти от людей; был затвор 15-летний, но это не было бегством от людей, Господь хотел, чтобы Серафим Саровский был с людьми, вышел к людям, и стяжание Духа Святого было во имя служения людям. И Серафим Саровский умел любить жертвенной любовью, т.е. любовью, которая ничего не оставляет для себя, и которая любит всех, несмотря на то, что это может причинить лично любящему неизмеримые страдания, физические и нравственные.

Мы помним, как он возлюбил разбойников, которые пришли к нему ради ограбления, и как он предстал перед ними, вооруженный топором – но не для сражения с ними, для мирного труда своего – предстал перед ними в кротости и смирении; он не стал защищать себя.

Кто такой кроткий человек? Кроткий человек это тот, который не осуждает и не обижается. И вот, увидев пред собою тех, кто способен был убить его, Серафим Саровский возлюбил их; он своим поведением сказал им: я вас не боюсь, я вас люблю, – и победил этой любовью, потерпев страшные физические муки (т.е. он был этим топором оглушен и так побит, что едва-едва добрался до обители, где братья оказали ему врачебную помощь). И он же сказал о своем прощении разбойников.

Серафим Саровский способен был только любить. И его жизнь была прославлением Бога. Даже тогда, когда началась опять полоса гонения в Церкви, когда опять

Имя Божие стало хулиться теми, кто были христианами (те, кто обезумел, те, кто сошел со стези любви и утратил евангельский дух и предпочел букву духу), нетленные мощи Серафима Саровского подверглись поруганию и долгое время находились в месте, о котором никто почти не знал; но Бог поругаем не бывает и во святых Своих. В 1991 г. в Санкт-Петербурге совершилось второе обретение мощей преподобного Серафима, и Церковь празднует и этот день — 11 января.

И Господь нам показывает через это великую любовь свою, которой живут Его избранные чада; и показывает, что они могут жить этой любовью всегда, потому что у них есть решимость жить любовью.

В свое время Прохор Мошнин, будущий Серафим Саровский сделал выбор. Этот выбор утвердил его в вере, утвердил в Духе Святом. Наступил момент, когда он покинул отчий кров, своё родное гнездо, чтобы всю свою жизнь посвятить Богу. И он сумел это сделать: всю жизнь отдал Богу.

Как кусок металла, брошенный в горнило, напитывается жаром, так и преподобный Серафим, отданный Богу по своей доброй воле, пожелав жить только Христом, — мог жить только его любовью. И эту любовь его современники и мы оцениваем очень высоко; и мы можем признать только эту любовь любовью. И в образе преподобного Серафима мы видим лик первохристианской жизни, первохристианской любви, который никогда не был утрачен нашей Церковью, который сиял всегда в жизни таких подвижников и чад Божьих, каким был Серафим Саровский. И в нашей церкви в XIX веке, когда уже стало отдаваться предпочтение

букве церковной жизни, букве, а не духу Евангелия, Серафим Саровский своим горением возвращал сердца и умы верующих людей к любви, к первичной жизни Духа. Сам он в духе жил, в духе служил людям, и этот дух его жизни мы сейчас имеем; ибо в церковном Предании не может быть утрачена такая ценность, какой является жизнь преподобного Серафима. И сегодня мы приобщаемся к этой любви через его наставления, через воспоминания о его жизни, воспоминания о его добрых делах и через ту благодатную помощь, которую он посылает и поныне всем тем, кто с верою к нему обращается, – ибо у Бога мертвых нет, он живой, и мы общаемся с ним в любви.

И эту любовь ныне должны познать все те, кто ещё вне Церкви, которые ищут Бога. И пусть по молитвам преподобного Серафима Саровского их путь к Богу выпрямится, и пусть по его молитвам, по его заступничеству придет помощь всем тем, кто хочет жить любовью Божественной.

Аминь.

Слово перед исповедью
01.08.1998.

Самое главное – это знать своё состояние нынешнее пред Господом: расслаблены ли мы или нет; если расслаблены, то найти причину – потому что у каждого своя причина расслабленности. И грехи у нас, у каждого, свои; и чтобы нам общаться правильно, пребывая в грехах (каждый в своем), нужно стараться не осуждать друг друга. Ибо мы впадаем в осуждение тогда, когда

видим тот грех, которого у нас, как нам кажется, нет (или действительно, может быть, его нет).

Ну, кто-то, допустим, пьёт очень много, алкоголиком уже стал – и мы начинаем осуждать такого человека (допустим, мы не алкоголики). Но у нас есть другие грехи, которых нет у того человека: он пьет, но не осуждает, допустим, никого. И если бросить на чашу весов: алкоголизм и осуждение, – рассудите сами о тяжести этих грехов.

Митрополит Антоний советовал думать о ближнем как о неопалимой купине; т.е. с благоговением общаться друг с другом. Ибо Моисею было предложено снять обувь: такой страх, благоговение перед душой каждого человека, ибо она есть образ Божий, мы должны в себе воспитывать, и всегда отделять грех от образа Божьего, и почитать образ Божий в человеке и ненавидеть зло, которым одержим человек. Если мы смешаем всё: и образ, и грех, – то, конечно, мы не сможем относиться с благоговением к человеку; он нас будет раздражать, он будет нам мешать – а ближний наш не должен нам никогда мешать, даже если он в тяжком грехе. Врач не оставляет больного, даже когда он смердит и, казалось бы, как можно находиться рядом с таким человеком; но врач не убежит, а врач хлопочет... А мы, когда нам делают плохо, мы убегаем от человека: «Не хочу его видеть, – говорим, – не хочу ему руки подать», – и прекращается дружба, прекращается общение, и так мы порожаем сами врагов. А Христос нас не благословлял на это, у Него было иное благословение, и мы должны выходить из таких нравственных, духовных тупиков с победой – т.е. мы должны не понижать духовный уровень при виде его понижения, а наоборот повышать. И на всякое

понижение нравственного, духовного уровня, понижение любви, отвечать только её повышением; и повышением попечения о ближнем и попечением любви о нем, даже если не хочется. Если не хочется помогать, мы должны тогда молиться и Господу сказать: вот, я не хочу любить этого человека, он сделал много зла; он постоянно клеветает на меня, он постоянно меня унижает и т.д. И, казалось бы, невозможно общаться с этим человеком, но Господь хочет, чтобы мы пребывали в общении со всеми так же, как Он был в общении со всеми. Не прошел мимо никого Иисус Христос, ни мимо мытарей, ни мимо блудников, ни мимо тех, кто говорили, что Он сын дьявола, по зависти к Нему. Он входил в их дома, Он беседовал с ними, Он их любил.

Если мы не имеем любви – мы, конечно, не имеем совершенной любви и не можем сказать: раз я не имею совершенной любви, какой с меня спрос, я и не буду любить его, зачем я буду притворяться? Но когда мы стремимся наладить отношения с ближним, не имея даже любви, это не притворство и не лицемерие, это подвиг. Т.е. мы стараемся из своей тесноты, из сухости, нелюбви сотворить любовь. Т.е. мы просим Господа, показывая свою нищету, дать нам силу любить ближнего, потому что сами по себе мы любить ближнего не можем, мы можем любить любовью Христа, и просим, чтобы она была дана нам Духом Святым.

Поэтому, когда мы говорим: я не могу с этим человеком общаться, я не могу его любить, я не могу с ним больше работать, не могу с ним жить, – вот эти слова нужно адресовать не тому, кому жалуемся (а мы обычно это говорим людям), это всё нужно переадресовать Богу. Ибо такая молитва, из нашего нищенского такого состояния, она и будет самой хорошей, самой искрен-

ней, потому что мы в этом случае не прихорашиваемся пред Богом, а показываем всю свою немощь: что вот я ничего не могу, ничего; даже молиться не могу об этом человеке. Поскольку это беседа с Богом, то во время этой беседы Господь может сделать всё, что потребно для нашей души. Но мы о плодах не думаем: важно сказать это Господу, возопить к Нему и принести нашу боль, страдание, открыть наши раны, чтобы Он врачевал. Врачу надо показать раны, наши болезни: просят нас снять одежду и показать, что болит, – так и Господу мы должны показать эти раны, которые Он знает, – но это нам нужно. Господь всегда зрит в наше сердце и знает тайны его.

Помоги, Господи, нам всем очиститься, чтобы принять благодать, которую Господь всегда имеет для нас, но которую нужно принять. И вот эта готовность принять должна быть; то, что Серафим Саровский называл решимостью отстать от греха: я не хочу больше грешить, следовательно, я открываю свое сердце для другого, не для греха, а для благодати Божией.

Те, кто исповедовался недавно и не имеет на совести ничего, что её омрачает, отягощает – могут получить разрешительную молитву и приобщаться Святых Христовых Таин за Евхаристией.

Память прп. Серафима Саровского
01.08.1998. Слово после литургии

Поздравляю всех причастников с принятием святых Христовых Таин и участием в трапезе благодарения, в трапезе любви, Евхаристии, к которой всегда спешил преподобный Серафим Саровский. Даже будучи в своем

15-летнем затворе, как мы знаем, он всегда старался прийти к воскресному дню, Дню Господню в церковь, чтобы участвовать вместе с братией в таинстве, которое нас всех возрождает.

Вспоминая жизнь преподобного Серафима Саровского, мы должны помнить, что она проходила не только в борении внутреннем, но и внешнем – с теми силами, которые противились Божественной любви, которых Божественная любовь уязвляла – и братьев некоторых, и вышестоящих духовных лиц. И преподобный Серафим был личностью гонимой – и своими братьями, и церковным начальством; поэтому нельзя идеализировать его жизнь: как жизнь святого, который постоянно молился, и к которому приходили тысячи, тысячи людей, и который проводил жизнь в таком вот ритме. Было много страданий, и перенести страдание от лжебратьев нелегко; но преподобный Серафим Саровский и из этого тупика жизни духовной выходил всегда доблестно – и прикрывался часто юродством.

Когда братия ревновали Серафима к Дивеевским сестрам и жаловались, что он их запасы съестные отдает сестрам, и прочее имущество, которое им принадлежит, и устраивали обыски на монастырской проходной сестрам Дивеевским, которые шли из кельи Серафима назад в свой монастырь, – то часто бывали эти братья посрамлены, так как Серафим набивал сумки сестер всякой всячиной: мусором, камнями, рваньем каким-то. Преподобный хотел внушить, что у христианина нет ничего своего, никаких денег, всё общее – нужно принять в своё общение всех и ничего не делить.

Случаев таких было немало, но они укрепляли дух Серафима Саровского, и он понимал, что такими стра-

даниями, испытаниями его душа утверждается в любви Божией. Господь хотел видеть в нем совершенное Свое чадо, мужа духовного.

Сейчас мы поблагодарим Господа все вместе: братья из Москвы, Санкт-Петербурга, из Риги, Лиепай, Карсавы, Резекне, из Лудзы – из этих необъятных пределов – за ту милость, которую сотворил нам сегодня Господь. Он дал нам Свои Тело и Кровь, чтобы мы ожили, чтобы мы соединились и с Ним, и друг с другом, и чтобы эта любовь пребывала не только в нас и распространялась с Божьей помощью всюду, где каждый из нас служит.

Никто из нас не мнит себя совершенным в любви, но это не значит, что мы не должны являть её; т.е. являть в той мере, какую Господь кому дал. «Уклонись от зла и сотвори благо», т.е. всегда яви любовь; и на всякое понижение любви – как это умел делать Серафим Саровский, ответить только её повышением.

Мы прикладывались сегодня к иконе, которая была приготовлена как раз к дню прославления преподобного Серафима Саровского; она 1903 года рождения.

К 35-летию пастырского служения

Священник Владимир Лапшин

ПРОПОВЕДИ

Лазарева суббота.

11.04.2020. Литургия.

Ин 11:1-45

Евр 12:28-13:8

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

В последнюю субботу перед Страстной седмицей мы вспоминаем о воскрешении Лазаря. Читается длинный рассказ, почти целая 11-я глава Евангелия от Иоанна...

И в связи с сегодняшними литургическими чтениями можно было бы говорить, конечно, об очень и очень многом. Не раз мы с вами говорили о том, сколь великое чудо совершает Иисус, воскрешая Лазаря. Такого до Него не делал никто и никогда. Мы нигде не находим в Священном Писании, чтобы было совершено нечто подобное.

Мы с вами не раз говорили о том, что эта история, этот рассказ показывает нам человечность Иисуса Христа: Он *плачет* у гроба Лазаря.

Но сегодня я хочу обратить ваше внимание немножко на другое. На то, как переживают смерть своего брата Марфа и Мария. Уже четвертый день Лазарь во гробе, а они всё плачут. Они не могут утешиться. Почему? *Они его любили.*

Ну, естественно: любовь между родственниками – это что-то обычное (хотя сегодня, да и в древние времена, бывало так, что самые близкие родственники друг друга больше всего ненавидели, но речь не об этом). Я хочу обратить ваше внимание на то, что это действительно трагедия. Это переживается как трагедия.

Мы не знаем, почему. Может быть, это был младший брат. И Марфа, и Мария уже достаточно, я так понимаю, взрослые женщины – Лазарь, если бы он был старшим братом, был бы и ещё старше, то есть в принципе пожилой человек; все умирают, что ж тут поделаешь, что же так убиваться – но они действительно очень переживают. Как мне кажется, наверное, потому что он – младший брат. Потерять младшего брата... Вообще, когда умирают младшие – это всегда очень тяжело...

И вот в эту трагедию приходит Господь. Он входит в этот мир, в эту жизнь, и всё встаёт на свои места. Трагедия заканчивается ликованием, радостью. Лазарь жив.

Мы можем вспомнить, сколько других таких историй в Евангелии. Вспомните: отец бесноватого мальчика. Иисус спускается с горы Преображения – а там внизу бушует море страстей, там споры, какая-то трагедия... Он приходит – и мальчик здоров.

Можем вспомнить историю, когда буря на море. «Мы погибаем, Тебе что, дела нет? Мы погибаем!» – и буря прекращается.

Иисус входит как свет – в этот мир, в нашу жизнь, – и мрак делает светом. Неслучайно Иисус в Евангелии очень часто говорит: Я – свет миру, Свет пришёл в мир. Мы можем вспомнить, что Евангелие от Иоанна начинается «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Почему сегодня мне это кажется особенно важным – потому что сегодня мы все живём во мраке, мы живём во тьме страха, порой доходящего до паранойи, до истерий каких-то... Каких только конспирологических версий ни выдвигается по поводу эпидемии¹, этой болезни, её возникновения, её распространения – почему так, а почему не эдак... Этот мрак захлестывает. Открываешь утром интернет – и хочется, увидеть, что всё это кончилось, что уже больше ничего этого нет. Но там всё это есть, и с каждым днём всё хуже и хуже, всё страшнее и страшнее...

Но если Господь войдёт в нашу жизнь, если Иисус входит в наш мир, в наше сердце, – то всё встаёт на свои места.

Просто – молиться, молиться, ничего не бояться.

Да, иногда Он... Мы же «всё знаем», мы «знаем», как Он «должен был» сделать! Мы знаем, как Он «должен» поступить. Мы «лучше Его знаем», как устроен этот мир. А у Него есть Свои планы. Вот Он узнаёт, что Лазарь болен, но не спешит. Ещё два дня остаётся там, где был. Почему? Мы не знаем. Мы не знаем! Но важно довериться Ему, важно понять, что Он *лучше* знает, что и как надо. Суть православной, суть христианской веры – не в том, чтобы вывернуть Ему руки и заставить Его сделать то, что я хочу, а довериться Ему. Отдать *себя* в Его руки.

Как в начальном чтении: Господь просвещение мое и спасение мое, кого убоюсь? Господь защитник жизни моей, кого устрашусь?

Можем вспомнить другие слова древних пророков: даже если пойду посреди сени смертной, не убоюсь зла, потому что Ты со мной, Господи.

¹ Речь идет о коронавирусе. (Прим. ред.)

Самое главное – чтобы мы были с Ним. Он – всегда с нами. Но вот мы-то – с Ним?

Да хранит вас Господь!

После причастия:

Родные мои, я поздравляю вас с праздником, с Лазаревой субботой. Всех причастников поздравляю с причастием Святых Христовых Тайн. Желаю вам духовного укрепления, всех благ, здоровья, радости в жизни, удачи в ваших делах, несмотря на испытания и искушения.

И главное – не бойтесь. Не бойтесь!

Всё хорошо. Всё проходит, и это пройдёт, Господи...

* * *

Пасха.

19.04.2020.

Деян 1:1-8

Ин 1:1-17

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Родные, в эти дни Страстной седмицы, вообще в дни Великого поста, в связи с сегодняшней ситуацией очень многие говорили о том, что именно она помогает нам приблизиться к пониманию того, что было когда-то давно, две тысячи лет назад.

Буквально вчера, в Великую субботу, мы говорили о храме, который символизирует гроб, и о том, что пустота гроба – как отсутствие множества верующих людей...

И вот вчера вечером мне присылают проповедь одного западного архиепископа, архиепископа Иерусалима

(католического) монсеньёра Пьербаттиста Пицабалла, который совершал пасхальную службу неделю назад, — точно так же, как мы, в пустом закрытом храме².

Когда я прочитал эту проповедь, я понял, что это, наверное, самое лучшее, что я в эти дни читал или слышал, и что лучше я всё равно вам ничего сказать не смогу. Поэтому простите меня, я прочту чужую проповедь.

«Братья и сёстры!

То, что мы переживаем в эти дни, как ни странно, сродни пасхальному опыту. Дни величайшей пустоты: отсутствие церковных обрядов, отсутствие лиц, встреч, общения. Жестокая пандемия лишила нас защищённости, отняла наши привычки, наши праздники, наши контакты, вселила в нас страх. Мы растеряны и парализованы. Мы плохо понимаем происходящее и не способны хоть как-то предвидеть будущее.

Разве это не похоже на то, что ощущали жёны-мироносицы ранним утром той первой Пасхи? Не так ли чувствовали себя апостолы, пережившие боль Страстной пятницы и безмолвие Великой субботы? Место их Учителя за столом опустело. Самое сердце их общины утрачено. Иерусалим опустел, стал для них чужим, да что там — враждебным. Дружеские связи между ними отравлены предательством и изменой. И даже после того, как новая, безумная надежда выталкивает их из дома, они натываются на пустую гробницу.

² Из-за пандемии коронавируса городские власти Москвы и власти церковные запретили верующим быть в храмах на богослужениях в Пасхальные дни. Только духовенству было разрешено совершать богослужения. (*Прим. ред.*)

Не стоит слишком быстро убегать от этого переживания. Пасхальная радость – не банальный хэппи-энд евангельской истории, когда все живут долго и счастливо. Она не отменяет боли этого мира, не анестезирует зияющие раны истории. Истинная пасхальная радость делает нас способными заглянуть в пустоту, встретиться с болью: «Жено, что ты плачешь?» – столкнуться со смертью и верить.

Именно здесь, заглянув в пустой гроб, любимый ученик увидел и уверовал. Я убеждён, что пустота, ворвавшаяся сегодня в нашу жизнь, сродни пустоте гроба Господня. Утром той первой Пасхи ученики начали понимать, что пустой гроб – не просто отсутствие тела, но таинство новой жизни. И сегодня утром мы призваны верить, что новая жизнь будет явлена нашим глазам, что новые слова родятся из безмолвия.

Мне кажется, предстоящие дни и месяцы нам понадобятся не только мужество перед лицом неизбежных трудностей – нам понадобится новый взгляд, способный к созерцанию, способный разглядеть сквозь боль и смерть новое Божье творение. Подобно Марии Магдалине, мы призваны идти дальше слёз и причитаний о том, что кажется нам утраченным навсегда, и отважно раскрыться навстречу новым отношениям. Подобно мироносицам, мы призваны разглядеть Иисуса воскресшего и поклониться Ему, иными словами – развернуться от себя к Богу и через Него – к нашим ближним.

Сегодня наша хрупкость уже не может спрятаться за ширмой политической или экономической, или национальной гордыни – она может лишь быть принята в доверии к Небесному Отцу и к земным братьям и сёстрам. Нам понадобится новый взгляд на общины

и общества, нам не выжить без взаимного принятия, разделённой ответственности и любви, воплощённой в конкретных делах. Никакая виртуальность, никакие социальные сети не заменят живого лица и живого общения. Никто не может спастись в одиночку – сегодня эти слова обретают буквальный смысл.

Пусть на данный момент правильнее всего сидеть по домам – я надеюсь, что, выйдя наружу, мы будем больше осознавать тот дар, который мы призваны принять и принести другим. Подобно апостолам, мы призваны снова и снова повторять: мы видели Господа.

Угроза страданий и смерти, нависшая над человечеством, заставляет нас заново осознать, как жизненно необходима этому миру пасхальная весть о Воскресении Христа и о нашем грядущем воскресении. Ибо сегодня нет смысла твердить: «Всё будет хорошо», – и только вера в любовь, победившая смерть, может даровать нам надежду. Без этой веры любое утешение, любая борьба за мир и справедливость ничего не дадут мечущемуся человеческому сердцу.

Братья и сёстры, из пустоты этого гроба, из той пустоты, которую мы ощущаем сегодня, я вновь возвещаю, что Христос воскрес.

Да вдохнет Он в нас и Церковь Свою Дух жизни, да станет эта Пасха новым творением, чтобы хаос мира сего обрёл порядок и красоту. Да дарует нам Господь свой взгляд, чтобы мы узрели то благодеяние, которое Он совершает для тех, кто верит и уповает на Его Любовь. Аминь».

Да хранит вас Господь!

Христос воскрес! Воистину воскрес!

* * *

Неделя о самаряныне.

17.05.2020.

Ин 4:5-42

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Большой, длинный отрывок от Иоанна читали мы сегодня, в неделю о самарянке. И в связи с этим отрывком, конечно, можно было бы говорить об очень-очень многом. Ну, несомненно – и это мы отмечаем каждый год в эту неделю о самарянке – ключевыми словами этого отрывка являются слова Иисуса, обращённые к этой женщине, о поклонении Богу – о поклонении Богу в Духе и Истине.

В связи с этими словами было бы очень удобно обличить церковных ковид-диссидентов – как их называют в интернете, в средствах массовой информации, – которые считают, что надо обязательно ходить в храм, что только на службе в храме можно спастись, и не на каждой, а именно там, в том монастыре, – но я не буду их обличать, не потому, чтобы я разделял их взгляды, конечно же нет, – не буду осуждать их, какие-то их опасения можно понять, – я не буду говорить об этом только потому, что то, о чём мы сегодня читаем, вообще не имеет никакого отношения ни к богослужению, ни к храму, ни, тем более, к сегодняшней пандемии. Потому что это всё – нечто внешнее, это всё относится к религии. Богослужение – это религия, те или иные обряды – это религия, таинства – это религия, и ограничения в богослужении – это тоже имеет отношение к религии.

А христианство – это вовсе не религия. Это полнота жизни, полнота жизни в Духе и Истине, как говорит сегодня Господь. А Дух и Истина – это Он Сам. То есть христианство – это полнота жизни в Его теле. Полнота жизни в любви, в правде. И этого ограничить нельзя. Предположим, я священник. Меня можно запретить в служении, или, может быть, даже лишить сана. Но разве мне это может помешать быть христианином? Нет. Нам можно запретить посещать храмы, закрыть храмы, – но разве это может помешать нам быть христианами? Потому что это внешнее, а христианство – это что-то глубинное, внутреннее, это некая полнота. Болезнь может приковать нас к постели – но разве это может лишить нас возможности быть христианами? Нет. Потому что и это тоже внешнее. То есть важно понять, что христианство и нашу возможность быть христианами, нашу возможность поклоняться Богу в Духе и Истине не может ограничить ничто, ничто не может нас связать, ничто не может нас этого лишить. Это наше.

Кто-то может сказать, ну что ж, значит, можно и в церковь не ходить, и богослужения, все эти обряды, таинства – всё это не важно? Важно. Но важно не только что, важно – как. Я, например, не вижу какой-то большой разницы между богослужением, которое совершается через видеотрансляцию, и богослужением, которое совершается во многих московских храмах, когда все врата закрыты, когда что-то происходит там, внутри, что-то происходит на клиросе – а полный храм народа стоит в качестве зрителей и ничего не понимает, ни в чём не участвует. И, может быть, даже нет большой разницы, когда перед всеми присутствующими в храме священник выходит на амвон с Чашей, «со стра-

хом Божиим и верою приступите», – и разворачивается и уходит в алтарь. Сегодня бывает так реже, но совсем недавно, какие-то 20–30 лет назад, это было сплошь и рядом, особенно по большим праздникам, на Пасху, на Рождество...

Но даже если люди причащаются, как им кажется, Святых Христовых Тайн, но при этом каждый делает это сам по себе, а до всех остальных ему просто нет никакого дела, и он воспринимает христианство как «религию личного спасения», – то разницы абсолютно никакой. Никакого причастия при этом не совершается. Вся суть таинства Евхаристии не в том, что хлеб и вино становятся Телом Христовым. Суть таинства Евхаристии в том, что мы все, любя друг друга, держась друг за друга, поддерживая друг друга своей любовью, своим плечом, всеми нашими возможностями, – мы вместе это совершаем, мы вместе молимся о ниспослании «Духа Святого на ны и на подлежащие дары». То есть суть таинства в том, что мы сами становимся Телом Христовым. Если этого мы не понимаем, если люди в этом никак не участвуют, – о каком Причастии мы говорим? Многие воспринимают Евхаристию, многие воспринимают Причастие чисто магически, как некое волшебство, «волшебную субстанцию» мы приняли – и всё. Но нет – нет, ничего не всё, ничего не произошло. Для того, чтобы действительно что-то произошло, мы должны быть единым сердцем, едиными устами, должны быть единым Телом, Духом и Истиной, то есть Телом Христовым, подлинно Церковью. И именно об этом нам сегодня говорит евангельский отрывок.

Давайте задумаемся.

Да хранит вас Господь!

* * *

Вознесение Господне.

28.05.2020. Литургия.

Деян 1:1-12

Лк 24:36-53

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Как правило, когда мы совершаем божественную литургию в какой-то воскресный день или, может быть, даже в день седмичный, мы размышляем над литургическими чтениями. Мы стараемся найти какое-то место – что-то ключевое, что-то очень важное, что кажется нам сейчас актуальным, что важно для нас сегодня. А в праздники, связанные с теми или иными событиями, мы говорим обычно уже о самом событии, мы говорим о празднике, о том, что значит для нас сегодня это событие и этот праздник.

Но вот на этот раз, в этот праздник, я хочу отступить от этого правила и говорить не о событии Вознесения, а попытаться найти что-то очень важное, ключевое в литургических чтениях. И даже не в евангельском отрывке, а скорее в отрывке из книги *Деяний святых апостолов*. Мне кажется, что там ключевым моментом является диалог между Иисусом и учениками, когда они Его спрашивают: «Господи, не в сие ли время восстанавливаешь царство Израилю?» И Господь отвечает им...

Нам так понятен их вопрос, их так это беспокоит! Нам тоже всё время хочется выяснить: не в сие ли время? А когда? Может быть, завтра? Нам хочется знать времена и сроки, нам хочется стабильности, нам хочется определённости, нам хочется всё планировать, всё

контролировать. А Господь не хочет этого. Господь не хочет, чтобы мы этим занимались. Он хочет, чтобы мы жили не планами какими-то, не проектами – Он хочет, чтобы мы жили просто сегодняшним днём, чтобы мы – *жили*. Мы всё время что-то планируем, мы всё время пытаемся что-то контролировать, что-то пытаемся приготовить, подготовить, где-то соломки подстелить – а Он учит нас просто жить, чтобы мы жили и радовались. Ведь мы же не живём. Мы всё время чего-то ждём. Всё время что-то планируем. Всё время что-то переживаем! А жизнь-то – она вот, сегодня, здесь и сейчас.

Я даже по себе это знаю – вот сейчас, казалось бы, каждый день может быть наполнен радостью уже оттого, что солнце светит...

В отрывке из Деяний святых апостолов Господь прямо говорит – достаточно резко, я бы сказал, даже грубо говорит: «Не ваше дело – знать времена и сроки». И, как правило, и нам с вами Он то же самое говорит если не словами, то какими-то событиями, какими-то обстоятельствами, которые вдруг обрушиваются и на наши личные жизни, и на жизни народов, государств, даже всего человечества... «Не ваше дело» – вы должны жить доверием, доверием к Богу...

Вспоминается детство... Я не знаю, наверное, многие из вас могут такое вспомнить... Например, зима. Когда ты маленький, закутанный в какое-то пальто или шубу, обутый в валенки, может, ещё закутанный платком сверху, чтобы не замёрзнуть, – и тебя везут на санках. Ты лежишь на спине и смотришь – я помню, как мы с мамой ходили папу встречать с работы, он поздно возвращался, зимой это уже темно, – и вот это небо ночное, ты просто

смотришь на звёзды, смотришь на небо – какая разница, куда тебя везут? Ты просто доверяешь. Ты знаешь, что это вот и есть жизнь. Или лежишь на животе, смотришь в эти вот щёлочки между реечками в санках, там снег, в каждой снежинке – радуга, каждая снежинка – целая вселенная. И вот ты смотришь заворожённо... Или, когда идёшь между папой и мамой, они тебя держат за руки, а ты закрыл глаза, ещё и ноги поджать – и висишь, лежишь, паришь. Доверяешь...

Вот Господь хочет, чтобы мы сейчас так жили – помните Его слова, как часто Он в Евангелии говорит: «Если не станете, как дети, не сможете войти в Царство Божие». Царство Божие – оно уже здесь и сейчас, оно уже нам даровано. А мы не живём в нём, потому что всё время пытаемся выяснить, когда нам восстановят наше земное царство. А Царство Божие – оно небесное, и оно – это уже и есть жить, жить, радоваться жизни, жить доверием. Отдать себя в Его руки – и наслаждаться жизнью... Давайте задумаемся.

Мне кажется, это очень важно. Особенно в такие минуты мы это можем понять. Знаете, говорят, в Китае самое страшное проклятие – «чтоб жить тебе во время перемен и испытаний». А у нас поэт говорит – «блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Блажен – значит счастлив. Почему? Потому что именно в эти минуты мы можем действительно что-то понять, о чём-то задуматься. А ведь когда всё стабильно, когда всё ровненько – разве мы живём? Вот только сейчас и жить, именно сейчас и жить, самая настоящая, самая подлинная жизнь: не ждать чего-то – а жить сейчас.

Давайте будем молиться, совершать эту божественную литургию, молиться о ниспослании Святого Духа

на дары, которые мы предложим Господу, и на нас тоже – чтобы мы – ну, хотя бы в это время, хотя бы в эти дни, во время испытаний... Неслучайно мы называем такие моменты, моменты испытаний – моментами истины. Вот сейчас момент Истины, время Истины, и сейчас важно что-то понять, что-то для себя открыть, что-то очень важное. А это важное – это Царство Божие, это Царство Божие, мимо которого мы каждый день пробегаем, но которое открыто для нас, которое ждёт нас, чтобы мы вошли в него, чтобы мы насладились наконец-то.

Да хранит вас Господь!

После причастия:

Дорогие, я поздравляю вас всех с Вознесением Господним. Великий праздник, праздник откровения, скажем так. Праздник-икона, праздник-обещание – чего только в этом празднике нет!

Но, как мне кажется, сегодня важно задуматься о том, о чём мы говорили на божественной литургии. Жить благодарением, жить Евхаристией, жить радостью, каждый день – вот просто жить и радоваться. Жить, радоваться и благодарить Бога...

Вы помните, у нас замечательная книжка в своё время была – Питера Крафта «Небеса, по которым мы тоскуем». Этого нам не хватает в нашей жизни. Научиться радоваться жизни – значит в каждый момент устремляться, «тосковать по небесам». А мы всё хотим здесь, нам надо земное царство, надо здесь укорениться – а здесь всё ненадёжно. И Господь нам всё время показывает, как хрупко здесь всё, как ненадёжно...

Каждый день все меняется. Как тут укореняться? Только и остаётся жить надеждой, верой и любовью друг к другу.

Единственное, что надёжно в мире, в жизни – это отношения между людьми. Бывает, конечно, и друзья предают, и в любви что-то случается, и любовь – «характерами не сошлись» – бывает, куда-то исчезает, пропадает, – но всё-таки, мне кажется, человеческие отношения – самое ценное, самое дорогое, и единственное, на что можно опереться. Конечно, Господь Бог – но Он именно через нас, через наши отношения открывается. В нашей дружбе, в нашей любви Господь открывается. Когда мы говорим на литургии: Христос посреди нас – Он действительно посреди нас. Но почему Он посреди нас? Потому что мы вместе, мы ради Него собрались, поддерживаем друг друга, опираемся друг на друга. Вот это очень важно.

Ещё раз вас поздравляю. Желаю вам всем сил, здоровья, укрепления в вере. Будем молиться, готовиться к Пятидесятнице, к Троице, будем молиться об особом даровании Святого Духа, об обновлении Духа Святого в нашей жизни, в наших отношениях, в наших сердцах.

* * *

Преображение Господне.

19.08.2021. Литургия.

2 Пет 1:10-19

Мф 17:1-9

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем, совершаем праздник Преображения Господня. И вспоминаем одно

из самых удивительных евангельских событий. Но что значит этот праздник для нас сегодня? О чем говорит нам то событие, о котором мы читаем в Евангелии?

Наверное, не раз уже мы с вами говорили о том, что это, прежде всего, откровение – откровение о Боге и о человеке. Это образ, икона. Образ того, какой может быть человеческая природа, человеческая плоть, когда она соединяется с Божеством, когда благодать Божия входит в человека. И здесь речь не только о человеке. Как подчеркивал когда-то владыка Антоний (Блум), здесь речь идет вообще о творении Божьем, о том, что творение Божье может вместить – вместить эту благодать, может вместить в себя Божество. Это говорит о величии человека, о величии твари, это говорит о том, какой может быть и какой должна быть эта тварь, какой ее задумал Бог, для чего Он ее создал.

И вот в связи с этим мне хочется обратить внимание буквально на два-три момента в этом событии. Правда, в отрывке из Евангелия от Матфея они не акцентированы, они как-то присутствуют, но косвенно, потаенно. В Евангелии от Луки – там говорится прямым текстом, в том отрывке, который читался вчера за всенощным бдением. То есть, мы видим, мы читаем о том, какой может и должна быть тварь в этом мире, – творение Божие. Мы читаем о том, каким может быть каждый из нас, ведь мы все призваны к этому: если это произошло с человеческой природой Иисуса, вот это обожение, вот это сияние света, присутствие благодати, то это всё имеет отношение и к нам с вами. Значит, и мы можем и должны быть такими. Но почему этого нет в нашей жизни? Почему это так редко бывает в этом мире? И вот здесь, я еще раз говорю, надо обратить внимание на три момента.

Во-первых, то, что присутствует во всех евангельских рассказах об этом событии – и у Матфея, и у Марка, и у Луки. Иисус с учениками восходят на гору. Это – восхождение. Если мы действительно жаждем обожения, если мы действительно жаждем преображения – и нас с вами, нас лично, и твари вокруг нас, – должно быть это постоянное восхождение. Мы много раз говорили, и, в принципе, говорим об этом перед каждой праздничной, воскресной литургией. Вот это духовное восхождение, это стремление горé. «Горé имеем сердца!» – мы возглашаем во время литургии. Но так ли это на самом деле? Есть ли, действительно, это устремление сердец наших горé, туда восхождение?

Второе. В Евангелии от Луки – там ясно сказано, что взошел на гору помолиться и, когда молился, произошло вот это событие. произошло преображение. Молитва. В Евангелии от Матфея этого слова нет – что пошел помолиться, но как бы присутствует. Ведь... Ну не просто так они пошли на эту гору: Фавор – достаточно высокая гора, и просто так туда бы никто не пошел бы, понимаете? Иисус позвал их туда молиться. Они пошли молиться. То есть – молитва. Восхождение и молитва. Без этого ни обожения, ни преображения не будет. Но это как раз то, о чем мы постоянно говорим, что нам этого больше всего не хватает. Это то, чему мы меньше всего уделяем времени, это то, к чему мы меньше всего стремимся. Восхождение и молитва.

Третий момент. Который так же присутствует, хоть и, косвенно, и в сегодняшнем рассказе, и у Марка, а у Луки сказано прямым текстом. О чем Иисус говорит с Моисеем и Илией? Об исходе, который предстоит Ему совершить в Иерусалиме. Исход. Крестная жертва.

Восхождение на Крест. То есть принесение Себя в жертву. Жертвенное служение во спасение этого мира.

Вот эти три момента – они и открывают возможность к преображению, они и открывают возможность к обожению. Они делают человека подобным Богу, они возводят человека вот к той Славе Божьей. Без этого – без молитвы, без восхождения, без жертвы, без жертвенного служения ни о каком христианстве и речи быть не может. Важно понять, что именно это и есть христианство! Всё остальное – это подмена. Всё остальное – это суррогат, всё остальное – это шаманизм, язычество. Христианство – это восхождение, молитва, то есть общение с Богом, предстояние Богу, и жертва, жертвенное служение. Вот о чем говорит сегодняшний праздник, вот что значит этот праздник для нас сегодня. То есть это не только откровение о том, какими мы можем и должны быть – это призыв. Это весть о том, к чему мы призваны, весть о той ответственности, которую мы принимаем на себя, пытаюсь стать христианами.

Да хранит вас Господь!

* * *

Рождество Богородицы.

21.09.2021. Литургия.

Флп 2:5-11

Лк 10:38-42; 11:27-28

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем Рождество Пресвятой Богородицы. И мы с вами уже не раз обращали внимание на то, что в этот день на аналое, по крайней

мере, в нашем храме лежат две иконы: Рождество Пресвятой Богородицы и Успения Пресвятой Богородицы, символизирующие собой начало и окончание церковного года. Вы знаете, что с сентября год начинается, именно в сентябре мы празднуем Рождество. В августе церковный год заканчивается – последний праздник года – это Успение Пресвятой Богородицы. Но это не только начало и конец церковного года – это начало и осуществление Евангелия. Не случайно сегодня в тропаре мы поём: «Рождество Твое, Богородица Дева, радость возвестило всей вселенной». Евангелие в переводе на русский язык означает радостная весть, радость. Рождество Богородицы являет миру радость. В Успении эта радость исполняется, осуществляется.

Люди, порой, говорят, ну как можно всерьёз это принимать? Как можно в это верить, об этом даже в Евангелии ничего не говорится, ни о Рождестве Богородицы, ни о Её Успении. В Евангелии ничего не говорится, а почему вы это празднуете? А как в это не верить? Если мы верим, что Иисус Христос жил на земле, что это реальная историческая личность, наш Спаситель, и что Он рождён был женщиной. Значит, и эта женщина должна была родиться. А если Она была женщиной, обычной, смертной, такой как мы все, значит, Она и умереть должна. То есть Рождество Богородицы и Её Успение это два неоспоримых факта. Если мы называем себя христианами, если мы верим в то, что Иисус Христос жил на земле, то значит, и это всё было. Поэтому мы верим в то, что с этого момента начинается евангельская история. Но речь даже не об этом сегодня. Мы празднуем день рождения дорогого, близкого нам Человека, который когда-то, очень давно жил на земле.

Но этот Человек нам дорог, близок нам, и мы верим в то, что и сегодня этот Человек является нашим Небесным Покровителем. Потому что в Церкви, в Телесном Христовом, в Иисусе Христе мы все становимся Её детьми. Вот как Он Её Сын, так и мы Её дети. Мы празднуем день рождения нашей любимой Небесной Матери. Но это не только повод для радости. Каждый раз, совершая праздник в честь Пресвятой Богородицы, мы говорим о той ответственности, которую это накладывает на нас. О той ответственности, которую мы принимаем на себя вместе с именем христианина. Неслучайно апостол пишет: «Будьте достойны того звания, которое вы носите». Неслучайно сегодня апостол Павел в отрывке из послания Филиппийцам напоминает нам о том, что в «нас должны быть те же чувствования, что во Иисусе Христе». Христианином быть непросто. Это значит быть похожим на Христа, это значит иметь те же чувствования, это значит быть достойным этого звания, достойным этой фамилии, достойным своей Семьи, в которую нас принимают через таинство крещения. Те же чувствования, что в Иисусе Христе – что это за чувствования? Прежде всего, это преданность Богу, посвященность Богу, это послушание Богу, послушание даже до смерти, и смерти крестной. Мы видим это и в Нём, видим это и у Его Матери. Помните, Она говорит: «Се раба Господня, да будет мне по слову Твоему»? Это видим мы в учениках Христа, святых, имена которых мы носим. И вот, каждый раз, когда мы совершаем Праздник в честь Божией Матери, в честь Пресвятой Богородицы, мы должны задуматься: насколько мы достойны этого звания, насколько это действительно наш

праздник, можем ли мы сказать: это наша Семья, это моя Семья, это мой праздник.

Давайте задумаемся над этим.

Да хранит вас Бог!

* * *

17.11.2021. Литургия.

Кол 3:17– 4:1

Лк 11:42–46

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодняшние литургические чтения, как мне кажется, очень хорошо дополняют друг друга, говорят о самом главном для понимания христианства. В воскресенье мы читали отрывок из послания апостола Павла к Галатам, где он пишет: узнав, что человек оправдывается, то есть спасается от вечной гибели, оправдывается перед Богом не делами Закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали. То есть, человек оправдывается не делами закона, а верою. И вот здесь важно понять, что такое дела закона и что такое вера, о чём идёт речь. В сегодняшних чтениях, в принципе, о том же самом. Для ветхозаветных иудеев, иудеев того времени, то есть для тех людей, к которым Иисус обращался тогда, Закон – это их религия. То есть речь идёт о противопоставлении религии и веры. Очень часто вам, наверное, приходилось слышать от меня, а может быть, ещё от кого-то, что христианство – это не религия. Самая страшная подмена, которую мы совершаем в нашей жизни, – когда говорим, что христианство это одна из мировых религий. Мы говорим, что это

религия самая лучшая, самая правильная, но всё равно религия.

Христианство – это не религия, христианство не может быть религией. Потому что религия – это всегда часть жизни человека, может быть, очень важная, может быть такая часть, которой человек посвящает все свои силы, все свои способности и так далее, но это всё равно только часть его жизни. А христианство – это жизнь, это полнота жизни, это вся жизнь! Иисус обличает фарисеев, говорит: «Горе вам, книжники и фарисеи, горе вам, законники». Почему? Да потому, что они все свои отношения с Богом сводили именно к религии. Они считали, что угодить Богу, оправдаться пред Богом, то есть спастись от вечной гибели, можно, исполняя исключительно какие-то религиозные предписания. А Иисус их обличает за это. У апостола Павла из сегодняшнего послания к Колоссянам мы читаем: «Всё, что вы ни делаете словом или делом, делайте во имя Бога, во имя Господа» – вот суть христианства. Всё, что вы делаете – и он перечисляет, в принципе, все сферы человеческой жизни – супружеские отношения, отношения родителей с детьми, отношения работников и работодателей, скажем так. И это всё должно быть во имя Господа. И сама жизнь, сами эти отношения, всё, что происходит в семье, на работе – всё может быть священнослужением, всё может быть обожено и освящено, если это делается во имя Бога, если это делается во имя Господа.

Нам всё время кажется, чтобы были отношения с Богом, с Господом, необходимы какие-то специальные обстоятельства, какая-то специальная обстановка – храма, например, или, монастыря, или нужно встать, в конце

концов, в угол перед иконами и там молиться. Сама жизнь может быть молитвой. Ведь что такое молитва? Это не бу-бу-бу по книжке чужими словами. Молитва – это общение с Богом, это общение с Любимым, это общение с Другом, это общение с тем, Кого ты любишь. Но общаться можно без слов, общаться можно жизнью, делами. Мы можем вспомнить, например, первую заповедь, которую Бог даёт Аврааму: «Ходи предо мной и будь непорочен». Что значит «ходи предо мной»? Это значит «живи предо мной, чтобы Я тебя видел и старайся быть непорочным, и заповедай это потомкам своим, сынам своим». Можем вспомнить Закон Божий, заповеди, данные через Моисея, там нет ничего ни об обрядах, ни о молитвословии, там нет ничего о жертвоприношениях, о постах. Там только о верности Богу и о любви к людям. Все эти заповеди – не убей, не укради, не прелюбодействуй, не завидуй – здесь раскрывается то, о чём мы уже потом, позже, читаем в Евангелии, но это можно найти и в Ветхом Завете. Помните, у Иисуса спрашивают: какая наибольшая заповедь? «Люби Бога всем сердцем, всей душой и ближнего, как самого себя». В этом – всё христианство! Кто-то может сказать: а зачем мы тогда ходим в церковь, может, это всё тогда не надо? Богу – нет, Богу не надо. Но нам это может пригодиться. Потому что нас это поддерживает, укрепляет. Во-первых, мы здесь встречаемся с братьями и сёстрами, здесь мы поддерживаем друг друга, здесь мы встречаемся с Господом. Здесь мы совершаем братскую трапезу. Опять же, христианство раскрывается именно через отношения с ближними. А где наши ближние? Вот они, здесь. Ближние – наши братья и сёстры во Христе Иисусе, в Боге. Вот именно здесь, в

принципе, это и проявляется всё. Конечно, и дома тоже, и на работе, и в транспорте, и на улице. Но, прежде всего, это происходит здесь. Конечно, если мы будем жить пред Богом, ходить пред Богом и быть непорочными без этого всего – может быть, у кого-то это получается – были же, не случайно мы прославляем каких-то отшельников преподобных, которые зарывались в пещеры, уходили в пустыню и там становились угодниками Божиими. Но это их путь, то, что они выбрали. У нас с вами другой путь, и друг без друга у нас, скорее всего, ничего не получится. Давайте задумаемся об этом. То есть, конечно же, религия может иметь место в жизни человека, но спасается человек, оправдывается перед Богом не религией, а доверием Ему, верностью Ему, то есть важна вера, как верность Богу, проявляющаяся в любви к окружающим нас людям.

Да хранит вас Господь!

* * *

Торжество Православия.

12.03.2022. Всенощное бдение.

Лк 24:12-35

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Много-много раз мы с вами читали этот удивительный отрывок из Евангелия от Луки, и я говорил когда-то давно, что этот отрывок мне очень нравится, он очень кинематографичен. Если бы я взялся писать сценарий или ставить фильм по Евангелию, по Евангелию от Луки, например, я бы начал именно с этой сцены: два путника идут по дороге, к ним пристает третий –

сам Иисус Христос, они Его не узнают, начинается разговор, беседа, диалог. И потом они начинают вспоминать все, что произошло, – и дальше идут события, всё как по Евангелию, а заканчивается преломлением хлеба: они узнают Его, но Он становится невидим, они бегут в Иерусалим, ну и дальше по тексту.

Но сегодня я хотел обратить ваше внимание на другой момент. И, в принципе, мы о нём тоже говорили не раз, но сегодня это звучит как-то... мне кажется, воспринимается как-то особенно остро. Иисус Христос идёт рядом с учениками, своими учениками, с которыми Он провёл несколько лет, которые были рядом с Ним. Но они не узнают в Нём Мессию. Они не узнают в Нём Христа. Почему?! Ответ в самом этом отрывке Евангельском. Они говорят: мы-то думали! То есть у них есть свои представления о Христе. Да, Он был проповедником. Да, Он был странником, то есть бедным, нищим, но при этом Он исцелял больных, кормил голодных и так далее – и они надеялись, что вот Он войдёт в Иерусалим и откроет Себя как царь. Они представляли Мессию как победоносного царя, дальнейшее шествие которого будет от победы к победе, который будет побеждать народы и распространять власть избранного народа над всем миром. А Он, войдя в Иерусалим, оказался оплётанным, избитым и распятым. И умер. Разве этот человек может быть Мессией? И они не узнают Его. Они узнают Его только потом, уже при преломлении хлеба. И для нас это очень-очень такой сегодня важный знак: если мы хотим встретиться со Христом – а ведь мы, наверное, очень хотим с Ним встретиться, мы много раз говорили о том, что в этом смысл человеческой жизни, христианской жизни: встретиться со

Христом лицом к лицу – то искать Его мы должны не в царских чертогах, не во главе победоносных армий, которые завоёвывают чужие земли и идут по чужим странам, а среди странников, среди путников, среди тех, кто готов разделить трапезу с гонимыми, среди тех, кто лишён крыши над головой, кого изгнали из их домов, кому сейчас очень плохо, среди страждущих, болящих, недугующих и среди тех, кто им помогает, кто готов принять их и разделить с ними трапезу. И вот это очень важно понять! Потому что мы часто ищем Христа не там, где Он есть.

Давайте будем об этом помнить.

Да хранит вас Господь!

* * *

Сорок мучеников Севастийских.

22.03.2022. Литургия.

Евр 12:6–13; 25–27

Мф 20:1-16

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Уже много столетий в этот день за литургией, чаще всего, Преждеосвященных Даров, иногда этот праздник выпадает на субботу или на воскресный день, тогда, значит, на литургию либо Иоанна Златоуста, либо святого Василия Великого, но, как правило, всегда Великим постом, читается этот удивительный евангельский отрывок – притча о работниках одиннадцатого часа. И эта притча, и праздник, который мы сегодня празднуем, день памяти святых сорока мучеников Севастийских, имеет такое двойственное значение, двой-

ное значение. С одной стороны, это обещание, это великая надежда, что никогда не поздно стать человеком Божиим, и что никогда не бывает каких-то конченных людей, про которых мы говорим: конченный человек, всё. Любой человек в последнюю минуту своей жизни может стать святым, может стать человеком Божиим. Вы помните эту историю? Было сорок воинов, которые служили на Кавказе, в горах Армении. Это были одни из самых последних гонений на христиан, где-то около триста двадцатого года. Уже был Миланский эдикт до этого. И во многих районах, во многих регионах Римской империи христианство было уже вполне легальной религией, поэтому многие воины римской армии были христианами. И вдруг, где-то там, в одном из регионов, начались гонения на христиан. И вот этих воинов уговаривали отречься от Христа, но они сохранили веру до конца. Их мучили, их выгнали раздетыми на лёд озера Севан. А на берегу, как рассказывает предание, как говорится в житии этих святых, топились горячие бани, была горячая еда. И вот один из них не выдержал и бросился к берегу, бросился к этой еде, к баням этим. А один из мучителей, скажем так, из воинов, которые казнили вот этих мучеников, пораженный их мужеством, сбросил с себя воинские доспехи и встал на место того, который убежал. Он не был даже крещёным. Но он причислен церковью к лику святых. То есть, в последние минуты своей жизни он стал христианином, он стал человеком Божиим. Поэтому – это великий дар, великое обещание, надежда для каждого человека.

Но, с другой стороны, этот праздник говорит об огромной ответственности. Мы очень часто говорим о том,

как важно жить по-христиански, как важно прожить жизнь со Христом. Но не менее важно умереть вместе с Ним, сохранить веру до конца своей жизни. Потому что очень часто в какие-то благополучные времена мы стараемся вести благочестивый образ жизни, живём по-христиански, ходим в церковь, соблюдаем посты, читаем молитвы. И так довольны собой! Но вот может наступить время испытаний, страшных искушений. Можно испугаться за свою жизнь и потерять веру, потерять веру во Христа и умереть уже вне Христа. И что там ждало этого человека, воина, который бросил своих товарищей, который своим поступком отрёкся от Христа? Не знаю. Конечно, мы можем уповать на милость Божию, но как страшно вот так оказаться отлучённым от Христа, оказаться потерявшим веру, испугавшимся и сломавшимся. Мне кажется, это очень актуально сегодня, во время тех испытаний, искушений, которые выпали на нашу долю. Как сохранить веру в Бога, как сохранить веру во Христа, как сохранить веру?.. Мы часто говорим, что Христос – это воплощённая любовь Божья, любовь Божья, ставшая плотью, ставшая человеком. Вот как сохранить веру в эту любовь, в то, что самое главное – любовь и милосердие? И не испугаться... Давайте будем размышлять, и будем помнить этот праздник, этот пример сорока мучеников. Будем помнить, что для Бога, прежде всего, конченных людей нет, и каждый человек в последний момент своей жизни может покаяться и стать человеком Божиим. Это первое. А второе – что и на нас лежит великая ответственность. Можем к кому-то относиться с презрением, кого-то можем считать недостойными любви Божьей, недостойными того, чтобы вообще даже называться

человеком, а сами в последний момент можем потерять и веру, и достоинство, и всё, что есть. С одной стороны – надежда, а с другой стороны – напоминание об ответственности, о нашем призвании в этом мире.

Да хранит вас Господь!

* * *

Неделя Крестопоклонная.

27.03.2022. Литургия.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас третье воскресенье Великого Поста, с которого начинается четвертая седмица Великого поста, то есть самая середина. И это воскресенье называется Неделя Крестопоклонная, когда на середину храма за всеобщим бдением выносятся Крест, который будет находиться там всю неделю, всю седмицу, и будет совершаться поклонение Кресту: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твое славим». Я не случайно повторил эти слова, потому что в них заложена самая суть христианства, самая суть христианской веры. Уже вчера вечером мы говорили о том, что в православии сохраняется очень много древних традиций, некоторые из них даже как-то утратили свой смысл, они оторвались от каких-то исторических корней, от своего происхождения, сегодня им пытаются найти какие-то новые объяснения – современные. Но, по сути, они уже превращаются в своего рода суеверия. И таких традиций много, вчера мы об этом говорили, сегодня не будем повторять. Но вот есть некие традиции, которые очень важны. Вот, например,

традиция поклонения Кресту в середине Великого поста. Но очень важно её правильно понимать. И об этом мы тоже говорили, что многие традиции, даже очень полезные, нужные нам, мы часто неправильно понимаем – и они теряют свою силу. Многие воспринимают вот это поклонение Кресту как некое утешение. Даже в литургических текстах можно найти такое объяснение, что вот христиане очень сильно постились – ну кто сегодня сильно постится? – но вот мы сильно постились, ослабели к середине поста и нам выносятся Крест для нашего утешения, чтобы мы вспомнили о том, что Иисус за нас отдал Свою жизнь, Он страдал на Кресте, чтобы мы не страдали, чтобы у нас всё было хорошо, что ещё чуть-чуть попостимся – и всё будет прекрасно. Вот примерно такое объяснение можно найти даже в Триоди Постной. Но на самом деле смысл-то совсем не в этом. Мы действительно достигли середины поста, и мы действительно приближаемся к Воскресению Христову. Но Воскресение Христово без Креста не бывает. Именно поэтому мы и поём: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое Воскресение Твоё славим». Они неразрывно связаны между собой. Но это касается не только Иисуса Христа. Это касается и нас с вами. Ведь мы тоже чаем воскресения мёртвых, мы чаем своего воскресения. Но и его без креста не будет. Его не может быть без креста. Как пишет апостол Павел в одном из своих посланий: мы со-воскреснем Христу – мы воскреснем вместе со Христом, но только в том случае, если вместе с Ним и страдаем, если вместе с Ним несём этот Крест.

И неслучайно сегодня нам Евангельский отрывок напоминает слова Христа: кто хочет следовать за Мной –

то есть кто хочет быть со Мной, кто хочет быть со Мной в этой жизни, кто хочет быть со Мной в жизни будущей, кто хочет быть со Мной в Воскресении – отвергнись себя – отвернись от себя, забудь о себе, возьми свой крест... Специалисты говорят, что именно в Евангелии от Марка – эта фраза повторяется в разных Евангелиях, но там есть нюансы – что именно в Евангелии от Марка Христос говорит не просто «возьми свой крест», а «каждый день бери свой крест» – каждый день бери свой Крест и иди за Мной. Вот – в этом суть христианства. Но этот крест – крест жертвенной любви. Мы вчера об этом с вами говорили. Господь говорит: «Всё, что вы сделали одному из меньших Моих братьев, вы сделали Мне». Сегодня мы слышим: Кто душу свою хочет сберечь – то есть кто хочет свою жизнь сберечь, душу сберечь – тот её потеряет, тот её растратит впустую. А вот «кто её отдаст ради Меня и Евангелия...», – а что значит ради Него? Это значит – ради других людей, ради ближних и дальних, ради любимых и врагов, ради всех. Вот отдать жизнь свою, посвятить её служению, служению миру, служению любви, служению самой жизни – это и есть нести вместе с Христом Его Крест. Он Свою жизнь отдал на это, Он Свою жизнь посвятил этому, Он ради этого и пришёл в мир. Но и мы рождаемся с вами, и рождаемся в новую жизнь в Таинстве Крещения именно для этого. Вчера мы крестили маленького Мишеньку – сегодня он будет первый раз причащаться – и читали слова из послания апостола Павла к Римлянам: что в таинстве Крещения мы все умираем, мы умерли для этого мира, мы умерли для себя и родились в новую жизнь, в жизнь в Боге, в жизнь для Бога во Христе Иисусе. И вот если мы этого не понимаем,

если все эти древние традиции для нас только такое вот утешение, чтобы мы были тихими, сытыми, богатыми и здоровыми – это не христианство. Это не православие. Это самый примитивный шаманизм. То, о чём мы много раз говорили. Как бы его ни называли, какие бы названия ни придумали – всё равно суть будет такова: древний магизм, шаманизм и так далее. Христианство начинается вот именно с этого: отвергнись себя, каждый день бери свой крест и иди за Мной.

Давайте будем думать об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Родительская суббота.

02.04.2022. Литургия.

1 Кор 15:47-57

Ин 5:24-30

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня последняя родительская суббота этого Великого поста. И, наверное, сегодня уместно, самое время поговорить именно о нашей памяти об усопших, о нашей вере в жизнь вечную, о нашей вере в воскресенье мёртвых. То есть об одном из самых важных моментов, скажем так, – элементов нашей веры, о котором мы, кстати, совсем мало знаем. Если вы обращали внимание, когда мы поем Символ веры, каждое положение этого Символа веры достаточно подробно: мы говорим о Боге-Творце, об Отце Небесном; мы говорим о вере в Господа Иисуса Христа, Который родился, жил на земле, когда Он жил, при ком Он жил, что с Ним

произошло; мы говорим о Церкви, о том, какая она; мы говорим о Духе Святом, тоже достаточно... мы говорим, что Он – Животворящий, что Он глаголил через пророков. А когда подходим к последним словам Символа веры – «Чаю воскресения мёртвых и жизни будущего века»... И всё! А что это за воскресение? Как это, что это? Что это за жизнь будущего века? Мы ничего об этом не знаем, в Символе веры об этом не говорится. Это тайна. Тайна, которая приоткрывается, немножко приоткрывается в Священном Писании. Но сегодня уже не только в Священном Писании. Но, в принципе, это – тайна. Тайна, которую надо принять верой. Из-за того, что это тайна, из-за того, что это нужно принять верой, из-за того, что сегодня мы ничего определенного, точного на эту тему сказать не можем, рождаются какие-то смутные представления. Богословы стараются на эту тему не говорить. Чаще всего на эту тему говорят... бабушки. Такое народное церковное предание, представления. И они очень разные на самом деле. Ну, самое такое простое, самое распространенное заключается в том, что человек умер, но душа живёт, душа продолжает жить, в этом и будет жизнь будущего века – это и есть посмертная участь человеческой души. Но в таком представлении нет ничего христианского. Бессмертие души в том или ином виде присутствует во всех религиях, даже самых примитивных. Даже самые примитивные народы всегда старались как-то похоронить своих родных, близких; общались с ними, верили в то, что они продолжают где-то как-то жить и так далее. То есть в этом нет ничего христианского. Христиане верят в воскресение мёртвых, не в бессмертие души, а в воскресение мёртвых! Вот это очень важно. Но многих это

так смущает, что они стараются об этом не думать. Что за воскресение, как это – воскресение? Тот, кто пытается хоть чуть подумать, начинает смущаться: сегодня на земле живёт 7,5 миллиардов человек, а сколько же их было от сотворения мира, сколько этих миллиардов? Сегодня на земле уже тесно, а если все воскреснут – да что же это будет-то! Лучше об этом не думать. Но на самом деле, родные мои, как говорил отец Александр Мень: «Да мало ли места у Бога в бескрайней Вселенной!». И не надо представлять это воскресение так вот примитивно, что мы воскреснем опять в наших телах и так далее. Не дай Бог! Не дай Бог такое воскресение. Потому что наше тело – оно же немощное, больное, оно слабое, оно хочет есть, оно много чего хочет, но мало может. Зачем такое воскресение?.. И на самом деле в Священном Писании речь идёт о совсем другом воскресении.

Тайну приоткрывает нам Воскресение Иисуса Христа. Ведь когда Он жил, когда Он родился на земле – Он был как мы, во всём как мы, кроме греха, – как святые отцы говорят. Но Он также ел, пил, Он уставал, Он нуждался в отдыхе, Он спал. Он плакал над гробом Лазаря. Иногда, может быть, даже сердился: помните в Евангелии от Марка говорится, что Он «с гневом» посмотрел на книжников и фарисеев. И уже, наверное, когда Он разгонял торгующих из Храма, тоже вряд ли Он это делал с какой-то такой ласковой улыбкой на лице. То есть, Он был таким же человеком. Но после смерти и Воскресения Он становится иным. Он появляется в замкнутом пространстве, когда двери дома были затворенными, а Он вдруг оказывается среди учеников. Мы точно не можем об этом говорить, но мы можем

предполагать, что Он одновременно мог находиться в разных местах. То есть мы читаем, что Он вдруг появляется на дороге в Эммаус и идёт с учениками, а когда те прибегают в Иерусалим, оказывается, что Он примерно в этом же время являлся и Петру Воскресшим. А после этого Он появляется опять в замкнутом пространстве среди учеников и общается с ними. С одной стороны, Он мог показать им руки и ноги Свои и предложить даже Фоме: можешь потрогать Меня, можешь положить свои персты в раны Мои. Но с другой стороны, Он восходит на небо. И вот такими же будем и мы. Сегодня мы читаем в послании апостола Павла к Коринфянам каким был первый человек – перстный из земли. Такими были и мы – перстными. Каков второй человек, небесный человек – Господь с неба, такими будем и мы: «Не всем мы умрём, но все изменимся». Когда и как это произойдёт, мы не знаем. О дне и часе том не знает никто, ни ангелы на небесах, ни даже Сын Человеческий, когда Он ходил по земле. Всё это в руках Отца, Отец знает. Но, может быть, и мы скоро узнаем. Всё в Его руках. И судя по тому, что происходит, что творится в мире, это может произойти очень и очень скоро. Но не это главное. Не важно «когда». Не важно «как». А важно, с чем мы воскреснем. На что мы воскреснем. В сегодняшнем Евангельском отрывке мы читаем о том, что те, кто творил добро, кто жил верой в Иисуса Христа, кто жил Его заповедью, исполнением Его заповедей, тот воскреснет в вечную жизнь, тот на суд не приходит, как говорит Господь, для того суда нет. Но кто творил в этом мире зло, тот воскреснет на суд. И как этот суд называют в Церкви – на Страшный суд. И вот сейчас, когда льётся кровь, когда столько ненависти, столько озлобления в

людях, важно, с чем мы придём на этот суд, какими мы придём на этот суд. То есть сегодня, когда мы вспоминаем родных и близких умерших, очень важно задуматься и о себе, очень важно задуматься о живых родных и близких: как сохранить мир, как сохранить эту человечность, которая дарована нам во Христе Иисусе. Как сохранить божественность, которая дарована в Нём же. Вот что важно.

Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Благовещение Пресвятой Богородицы.

07.04.22. Литургия.

Евр 2:11-18

Лк 1:24-38

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами празднуем Благовещение, благую, радостную весть. Архангел Гавриил приходит к юной деве Марии, чтобы возвестить Ей о том, что Она должна стать матерью Спасителя рода человеческого. Что может быть ещё радостнее, чем эта весть? Но Марии трудно в это поверить. У Неё есть все основания, чтобы сомневаться в этом. Ей нужно что-то убедительное. И архангел Гавриил говорит ей, что у Бога не остаётся, не останется бессильным никакое слово. Марии трудно поверить, но Она принимает, Она согласна поверить в то, что действительно у Бога никакое слово не может остаться бессильным. И Она говорит: «Я раба Господня, да будет мне по слову твоему, да будет

мне по воле Божьей». Иногда бывают такие времена, да почти постоянно, когда во что-то доброе, во что-то радостное очень трудно поверить. Поверить во что-то злое, недоброе — да верить не надо, всё и так видно! А вот поверить в радость, поверить в доброе очень трудно, когда, казалось бы, господствует кругом зло, когда сплошное беззаконие. Но ведь Бог обещал, Бог обещал нам мир и радость.

Когда Божественный Младенец входит в этот мир, ангелы на небесах возвещают: «Слава в вышних Богу, и на земле мир...» людям доброй воли. Значит, будет мир, значит можно жить верой в это, это исполнится. Потому что у Бога не останется бессильным никакое слово, Он обещал. Более того, Младенец приходит в этот мир для того, чтобы мы стали божественными. Каждый раз в Рождество мы с вами говорим о том, что Бог стал человеком, чтобы человек стал богом. И вот это очень важный момент. Для того, чтобы исполнился замысел Божий, для того, чтобы Его слово не осталось бессильным, во-первых, должны быть люди доброй воли, а во-вторых, чтобы человек мог стать богом, он должен быть, прежде всего, человеком! Не зверем, не скотом, а человеком, человеком доброй воли. И вот сохранить это в себе, несмотря на то, что трудно верить в доброе, трудно верить в радость, трудно верить в мир, необходимо сохранить в себе человечность и добрую волю по отношению ко всем людям на земле.

Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас всех Господь!

* * *

Великий Четверток.
Воспоминания Тайной Вёчери.
21.04.2022. Литургия.

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня у нас Великий Четверг, Великий Четверток, и в этот день, как подписано в календаре, мы совершаем Праздник: воспоминание Тайной Вёчери. Но мне кажется, что это название не очень полно отражает то, что действительно мы сегодня вспоминаем, то, что действительно мы сегодня празднуем, то, что мы должны были бы сегодня праздновать. Многие воспринимают эту Тайную Вечерю, таинство Евхаристии, очень часто в таком потребительском плане или как некий магический обряд, укрепляющий наше здоровье, силы, но в отрыве от всего остального христианства. Для многих всё равно, что к бабке сходить, что в церковь сходить причаститься. Мне не раз приходилось слышать: приходит человек, я вижу, что человек приходит в первый раз, мало что знает, спрашиваешь: «Что вас сегодня привело сюда?». «А я вот ходил к бабке-колдунье, она сказала, что надо пойти причаститься, и я стану здоровым». То есть, вот восприятие Евхаристии. Но на самом деле Евхаристия – это только знак, это символ, символ Нового Завета Бога с человеком, символ единства человека с Богом. И не случайно мы сегодня читаем и паремию, рассказывающую нам о становлении Ветхого Завета, то есть, отрывки из Ветхого Завета. Не случайно мы сегодня читаем не только о Тайной Вечери, но и о предательстве Иуды, и о

Гефсиманском борении, и о суде над Христом. А завтра, и уже сегодня вечером, конечно, и завтра будем читать об Искупительной Смерти Иисуса Христа. То есть, это всё неразрывные понятия. Нельзя воспринимать Евхаристию, нельзя воспринимать Тайную Вечерю в отрыве от всего христианства, в отрыве от Креста Господня, от Его Искупительной Жертвы. И не случайно вещами этого таинства Евхаристии являются Тело и Кровь Христовы. Хлеб и вино «вместообразующее». Но «вместообразующее» чего? Тела и Крови Христовых. То есть, нет Евхаристии, нет таинства Евхаристии, без Христа, без воспоминания Его Искупительной Жертвы. И это, я ещё раз подчёркиваю, это знак, символ завета человека с Богом. И когда мы пренебрегаем Таинством Евхаристии, когда многие подолгу пренебрегают этим Таинством или, когда мы достаточно поверхностно подходим к этому Таинству, это пренебрежение не просто неким обрядом, это пренебрежение не просто одним из таинств, это пренебрежение всем христианством. Это пренебрежение Искупительной Жертвой Христа, это пренебрежение Заветом, единением Бога с человеком. Это очень серьёзно. Но в этом Таинстве, в том, что мы сегодня вспоминаем, есть ещё один очень важный момент. Ведь Завет объединяет не только каждого отдельного человека с Богом, Завет объединяет людей вокруг Бога. Мы можем вспомнить Ветхий Завет. Моисей выводит из Египта двенадцать колен израилевых, которые за сотни лет очень далеко отошли друг от друга и в языках, обычаях, традициях. Но с израильтянами, с этими двенадцатью коленами, выходят какие-то многие другие, которых называют пришельцами. И вот, заключая этот Завет у подножия горы Си-

най, Бог объединяет всех этих людей в единый народ. И не просто народ – они становятся семьёй, они становятся народом Божиим, домом Божиим, семьёй Божьей. И мы, заключая Новый Завет через Иисуса Христа с Богом, тоже становимся едиными, тоже становимся единой семьёй, единым народом Божиим. И когда мы, называя себя христианами, считая себя православными, совершаем Таинство Евхаристии, воспоминание Тайной Вечери, причащаемся Телом и Кровью Христовыми, но при этом между нами нет мира, мы грызёмся между собою (или, как ученики на Тайной Вечери – мы читали в отрывке из Евангелия от Луки – спорят, кто бы из них был больший даже там, почти у подножия Креста, в преддверии Искупытельной Жертвы, они спорят, кто из них был больший), когда всё это мы совершаем – это самое страшное предательство Христа.

Важно это понять: нельзя причащаться Телом и Кровью Христовыми и убивать людей, нельзя причащаться Телом и Кровью Христовыми и идти предавать кого-то, лгать, обманывать, подличать. Неслучайно мы сегодня пели прокимен: «Господи, изыми меня от человека лукавого, избави от мужа неправедного». Это самое страшное. И можно предавать Христа не только проливая кровь, но и молча, предавая правду. Как Пётр, который отрекается. Ему говорят: «Ты тоже был с галилеянином, с Иисусом». Казалось бы, что? – ну да, был. Но он отрекается, он молчит, он испугался. Сам страх становится предательством. И это очень важно для нас. Мы так легко называем себя христианами, мы так легко называем себя православными, мы так легко говорим о себе, как о верующих. Мы приходим и за просто причащаемся Телом и Кровью Христовыми, но не предаём ли мы каждый день Христа? Не предаём ли

мы Бога, не нарушаем ли мы Завет единства человека с Богом, единства друг с другом, когда нам нет дела друг до друга, или, когда мы не любим друг друга, когда мы ненавидим друг друга? Не предаём ли мы тем самым всё это, ради чего Бог стал человеком, ради чего Он страдал на Кресте, за что Он умер? Давайте задумаемся над этим. Да, сегодня у нас праздник, Великий Праздник, да, сегодня действительно мы вспоминаем великие события, происходит нечто очень-очень важное. Но это ещё и напоминание, напоминание нам о той ответственности, которую мы воспринимаем, принимаем на себя вместе с Заветом с Богом.

Да хранит вас Господь!

* * *

Перенесение мощей свт. Филиппа,

митрополита Московского

и всея России чудотворца.

16.07.2022. Литургия.

Евр 13:17-21

Ин 10:9-16

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Сегодня Русская православная церковь совершает память святителя Филиппа, митрополита Московского и всея России, чудотворца, одного из величайших святых святителей не только Русской православной церкви, но вообще вселенского христианства. Святителя, который стал исповедником и мучеником, живя и проповедуя, казалось бы, в православной стране, при правлении царя, считающего себя верующим, и бывшего «церковным человеком». Митр. Филипп стал мучеником за то, что

обличал неправду правителя страны – царя – неправду пред Богом и народом. Он обличал его жестокость, он обличал его грех. Иногда говорят, что Церковь должна быть вне политики. Конечно, Церковь должна быть вне политики в том смысле, что она не должна стремиться к власти и богатству в этом мире. Но она призвана во все времена проповедовать Евангелие и обличать неправду этого мира. Она призвана к тому, чтобы назвать чёрное – чёрным, а белое – белым, войну – войной, грех – грехом. Да, за это во все времена могли преследовать, наказывать и даже казнить, убивать, как это сделали с митрополитом Филиппом. Но как пишет апостол Павел: «Что значат нынешние временные страдания пред той славой, которая откроется перед Сынами Божиими». Важно помнить, что мы все – дети Божии, мы все водимы Духом Святым, а это значит, что мы приняли не духа рабства, а духа свободы. И это очень важно знать и помнить. Святитель Филипп – пример того, какой должна быть Церковь в целом, но и каким должен быть каждый христианин. К чему мы все призваны.

Давайте задумаемся.

Да хранит вас Господь!

* * *

17.07.2022. Литургия.

Рим 10:1-10

Мф 8:28-9:1

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Чуть ли не каждый раз, когда мы с вами читаем за Божественной Литургией Евангелие, мы что-то слышим

о бесах, мы что-то слышим о бесноватых, которых Иисус исцелял в большом количестве. Но вот есть несколько отрывков, несколько рассказов, где об этом говорится более подробно. Сегодня мы с вами читали один из таких.

Обычно нам кажется, что бесноватость – это что-то такое экзотическое, это что-то такое, с чем мы почти не сталкиваемся. Нет, ну, если съездить в Лавру, на отчитку, там, где отчитывают бесноватых, или, может быть, где-то еще, то можно увидеть это, так сказать, вживую. Но так, обычно мы с этим, как нам кажется, не сталкиваемся, это что-то не из нашей жизни. На самом деле, бесноватость – это очень распространенное явление. И мы можем наблюдать его чуть ли не каждый день, достаточно включить телевизор.

Вот сегодня в Евангелии мы слышим: главная такая характеристика бесноватости – это свирепость. Можно это охарактеризовать другими словами – жестокость, ненависть, озлобленность и желание запугать.

И сегодня это сплошь и рядом происходит с нашими людьми, с нашим народом, с нашей страной. Сколько озлобленных, сколько свирепых, сколько ненависти! Сколько злобы. Это просто страшно представить. И это всё бесноватость, которая губит людей, губит народ, страну. Бесы просят Иисуса: «Если Ты выгонишь нас из этих людей, дай нам войти вон в тех свиней». – «Ну идите». И всё стадо погибло. Представляете, сколько в двух человеках может поместиться этой гадости, что целое большое свиное стадо не вынесло этого и бросилось в пучину? Именно в пучину и гонят эти бесы тех, кто впускает их в себя, кто их содержит внутри себя.

Поэтому сейчас для всех нас самое главное – не расчеловечиться, не впустить в себя эту нечисть, эту гадость. Сопротивляться всеми силами, стараться оставаться людьми. Чтобы не было ненависти, чтобы не было злобы, чтобы не было в нас агрессии и желания кого-то запугать. Помните, я уже рассказывал, хочу просто сейчас вспомнить. Когда-то я работал на радио, в девяностые годы, и мне очень часто звонили: наша страна такая несчастная, она сейчас такая бедная. «Раньше нас все боялись! А теперь нас никто не боится». Это счастье было – когда нас никто не боялся. Нас уважали, нас жалели, может быть. Да, кто-то скажет, что жалость унижает... Глупости это всё. Нам старались помочь, нас поддерживали, нам везде были рады. Теперь мы напугали всех, теперь нас опять боятся. Нам что, стало лучше? Мы стали счастливее, да? И это всё бесы, это всё – бесноватость.

Давайте будем помнить об этом.

Да хранит вас Господь!

* * *

18.07.22. Литургия.

Гал 5:22-6:2

Мф 13:10-23

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Итак, сегодня мы с вами совершаем память величайшего из святых земли нашей – преподобного Сергия Радонежского. И сегодня же мы совершаем память святых преподобномучениц великой княгини Елизаветы и инокини Варвары. И преподобный Сергей и

преподобные Елизавета с Варварой являются нашими небесными покровителями. Один из престолов храма посвящён преподобному Сергию, и в храме пребывают княгиня Елизавета с Варварой святыми своими мощами, врезанными в ту поразительную икону, которая встречает вас при входе в храм. И удивительным образом совпало, что дни памяти совершаются в одно время, в один день. Конечно, можно было бы сказать, что это совпадение, что это случайность. Но, как говорил когда-то отец Александр Мень: «В этом мире случайностей не бывает, во всём есть знак Божий, во всём есть свой смысл». Мне кажется это очень верным, по крайней мере, в отношении к дням памяти преподобного Сергия и великой княгини Елизаветы.

Сегодня читается отрывок из Евангелия от Матфея, рядовое чтение сегодняшнего дня, понедельника, который идёт после пятого воскресенья по Пятидесятнице. И каждое слово этого евангельского отрывка, если вслушаться, если вчитаться, бьёт в самое сердце, обличает. Конечно, в первую очередь, Господь говорит в этой притче, в этом отрывке о своих соотечественниках, о своих братьях по плоти, об израильянах. Но это всё также относится и к нам. И не только сегодня, но и на протяжении веков это относится ко всему нашему народу, к нашей Церкви. Это о нас сказано, что люди, которые слушают и не слышат, глазами смотрят и не видят, сердцем не уразумевают. Это те, где семя сеется, но попадает на каменистую почву или при дороге, и вытаптывается. И лишь немногие, великие, действительно святые нашей земли, те, кто услышал Слово и понял его. Кто принял семя и принёс плод. Это преподобный Сергий, это преподобномученица великая

княгиня Елизавета. В самые страшные времена жестокости, кровавой разрухи, междоусобной брани, озлобления, ненависти они и словом, и делом проповедовали мир, проповедовали милосердие, любовь, прощение. Кто это услышал? Кто это уразумел? Кто это принял?

Сегодня опять сердца людей наполнены злобой, ненавистью, непринятием, жаждой крови, убийством, воровством. Мы говорим, что преподобный Сергей наш святой. Да не наш он святой, не достойны мы, чтобы называть его своим святым. Кто-то может возразить и сказать: ну как же, преподобный Сергей тоже, благословлял Дмитрия Донского на битву, на войну и так далее. Да, есть такое предание. Но надо сказать, что в самых ранних, первых житиях преподобного Сергея, написанных сразу после его смерти, нет этого. Но даже если это было, то же предание говорит о том, что перед благословением преподобный Сергей долго умолял князя Дмитрия не ввязываться в эту войну, не ввязываться в эту битву. Уговаривал его откупиться, заплатить дань. И только когда Дмитрий заявил, что битве быть, тогда преподобный Сергей вынужден был его благословить, чтобы хотя бы не погиб, сохранил жизнь свою, чтобы было кому править на земле. А преподобный прекрасно понимал суетность всего этого происходящего. Действительно, история всё расставила по своим местам: не прошло и двух лет, как Москва была разорена и сожжена ордынцами, а татаро-монгольское иго продолжалось ещё сто лет. И ещё сто лет платили дань. Но вот в тот день, там, на том поле были положены, погибли десятки тысяч русских воинов. Зачем?.. И если действительно Сергей Радонежский, преподобномученица Елизавета, инокиня Варвара являются

нашими святыми, мы должны услышать Евангелие, услышать ушами, уразуметь сердцем и попытаться воплотить это в своей жизни – их призыв к миру, призыв к милосердию, призыв к незлобivosti, скажем так.

Давайте задумаемся об этом.

Да хранит вас Господь!

Слово о. Владимира после литургии

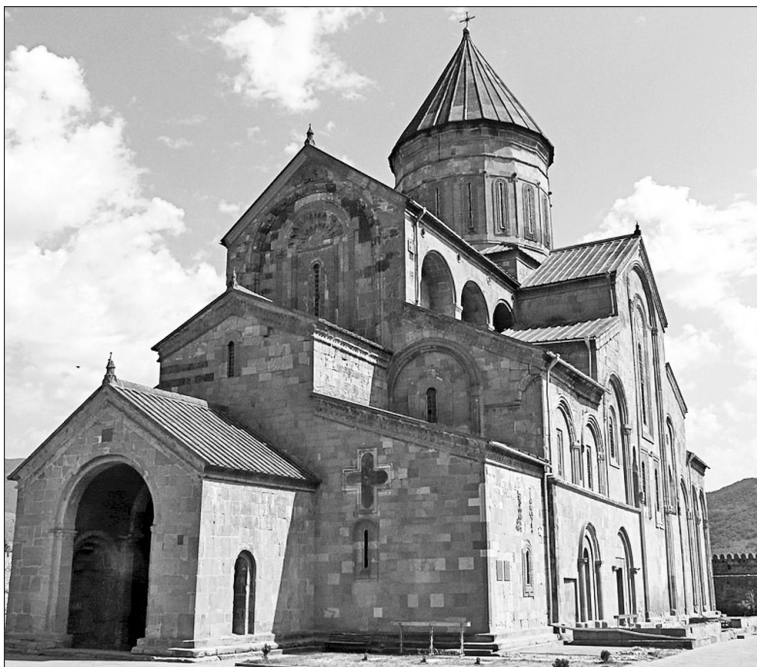
Родные мои, я **поздравляю** всех с нашим престольным, храмовым праздником, праздником всероссийским! Я уже говорил, что это не просто годовщина этого праздника – 600-летие со дня обретения мощей преподобного Сергия, то есть это действительно великое торжество. То, что мы сегодня говорили за Божественной литургией, очень важно. Надо думать над этим, размышлять. Мы очень легко называем себя христианами, православными. Мы русские, у нас русская церковь, вот наши святые – преподобный Сергий, мы его духовные наследники. Это как будто и так, но – так ли на самом деле? Вот, например, великомученица Елизавета – она была немка, но она оказалась к преподобному Сергию гораздо ближе, чем миллионы крещённых православных, родившихся на Руси, которые убивали друг друга, которые дышали ненавистью, разрушением и так далее. То же самое мы можем встретить и сегодня. Преподобный Сергий – это воплощённое смирение. Вы помните, вы читали, надеюсь, его житие? Вы помните, когда в основанном им монастыре, в отстроеном им монастыре, братия оказалась недовольна им? И он, вместо того, чтобы разогнать братию, смиренно взял котомочку с сухариками и ушёл сам, оставив всё им. Вот это смирение. Или вот: уговаривал Дмитрия –

не надо, откупись, не проливай кровь, это ж сколько людей погибнет и с той, и с другой стороны! Он всех жалел, и ордынцев жалел, каждого человека. Вот это трепетное отношение к жизни, милосердие, смирение, кротость. Где это сегодня?

Еще раз поздравляю вас с праздником!

Дай Бог здоровья всем, радости в жизни, успехов во всех ваших делах!

**ГРУЗИНСКАЯ
ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ**

*Светицховели (животворящий столп) –
кафедральный патриарший храм XI века Грузинской
Православной Церкви, во имя двенадцати Апостолов.
Город Мцхета, древняя столица Грузии*

«У ХРИСТИАНИНА ДОЛЖНА БЫТЬ ПОЭТИЧЕСКАЯ НАТУРА»

Беседа с архимандритом Адамом (Ахаладзе)

Архимандрит Адам (в миру Вахтанг Ахаладзе) родился 1 марта 1962 г. В 1978 г. окончил школу в Батуми. В 1985 г. с отличием окончил Тбилисский государственный медицинский институт и продолжил учебу в клинической ординатуре в Институте сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева в Москве, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата медицинских наук.

В 1991 году вернулся в Грузию и продолжил работу в кардиохирургической клинике Института экспериментальной и клинической хирургии им. акад. К. Эристави.

С 1999 г. член Национальной комиссии по биоэтике, профессор кафедры хирургии Тбилисского государственного университета. В 1994–2001 гг. руководил творческой телевизионной группой при Патриархии; создал около 30 авторских телепередач. В 2001 г. основал неправительственную организацию – Центр биоэтических исследований и культуры.

С сентября 2006 г. назначен председателем департамента здравоохранения и генеральным директором родильного дома им. свв. Иоакима и Анны Грузинской патриархии. Член Координационного совета страны и Национального совета по репродуктивному здоровью.

4 апреля 2004 г. был пострижен в монахи. В том же году рукоположен в иеромонахи. 27 сентября 2005 г. Католикосом-Патриархом всея Грузии Илией II возведен в

сан игумена, а 21 декабря 2008 г. в сан архимандрита. В 2006 году основал женскую монашескую общину в честь св. царицы Тамары.

В 2006 г. избран настоящим членом-академиком Академии профилактической медицины Грузии. 3 июня 2009 г. избран настоящим членом-академиком Академии Гуманитарных наук и Изящных искусств Грузии.

12 марта 2009 г. назначен ректором Университета им св. царицы Тамары Грузинской патриархии. Занимается педагогической деятельностью. Автор 4 книг, более 60 научных трудов и более 70 художественных и публицистических статей, доктор медицинских наук, профессор.

Настоятель церкви апостола Иоанна Богослова в Тбилиси.

Грузинская Апостольская автокефальная Православная Церковь – одна из древнейших христианских церквей мира – занимает 9-е место в диптихе древних восточных патриархатов.

Как предполагают историки, в 324–326 гг. царь Мириан III провозгласил христианство государственной религией Иверии и запретил почитание языческих богов. После этого, по совету святой Нины Каппадокийской, трудами которой Благая Весть распространялась в народе, царь отправил посланника к императору Константину I с просьбой прислать в Иверию епископов и священников, что император и выполнил.

«...что же создала святая Нина? Не оставив нам в наследство никаких писаний, ни живописи, – она изменила образ грузинского народа, преобразила его духовно» (Католикос-Патриарх всея Грузии Илья II).

Просветительница Грузии, равноапостольная Нина, свершив свой подвиг, почил в селе Бодбе, где Мириан воздвиг храм над ее могилой. И вскоре после кончины св. Нины, еще в первой половине IV века – по свидетельству древних летописей – в Бодбе был основан монастырь. Бодбийский монастырь – обитель, где покоится св. Нина – живет и действует по сей день, пережив многое за века своего существования. В 1902–1906 гг. настоятельницей монастыря была игуменья Ювеналия II (в миру Тамара Александровна Марджанишвили, в схиме матушка Фамарь). Преподобная схиигуменья Фамарь исповедница почитается в лике святых и Грузинской Церковью, и Русской Православной Церковью МП.

Принятие христианства вызвало расцвет культуры, литературы в Грузии. Грузинская литература возникла в V веке и до XI века все произведения были наполнены исключительно церковно-религиозным содержанием.

Наталия Большакова-Минченко: Отец Адам, что вы можете сказать о развитии грузинской литературы в древности, об авторах?

Архимандрит Адам: Всю нашу литературу создавали монахи. Первый сохранившийся памятник грузинской литературы, это сочинение священника Якова Цуртавели (или Якова Хуцеса)¹ – «Мученичество святой

¹ Яков (Иакоб) Цуртавели (груз. იაკობ ცურტაველი), также Яков Цуртавский, священник Яков (груз. იაკობ ხუცესი, Иакоб Хуцеси или Яков Хуцес) – грузинский писатель V века. Ему принадлежит агиографическое сочинение «Мученичество святой царицы Шушаник» (между 476 и 483) – первый сохранившийся памятник древней грузинской литературы.

См. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9578721f-628de8e5-6a171b18-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Iakob_Tsurtaveli (Прим. ред.)

царицы Шушаник». Написано было это агиографическое произведение сразу после мученической кончины Сусанны Шушаник, царицы Ранской (475 г.).

Н. Б.-М.: Царица Шушаник почитается во многих Церквях, в том числе и в Русской Православной Церкви, как великомученица.

Архим. А.: Также литературным памятником является и «Житие св. Нины».

Н. Б.-М.: Вообще, можно сказать, что древняя грузинская литература была «житийная»?

Архим. А.: Да, агиографический жанр преобладал, но не только.

Вот, например, прекрасный образец духовной поэзии, созданный царем Давидом IV (Строителем) в конце XI века – «Покаянный канон». Это песнопение Давида Агмашенебели – блестящий пример высокой поэзии, наполненный глубоким содержанием и отличающийся великолепной художественной формой.

Как и у Андрея Критского – ведь его «Великий покаянный канон» – это шедевр! Я бы включил в Библиотеку Мировой Литературы *Канон* Андрея Критского. Мы на двух языках читаем его в храме. Это очень хорошо, потому что можно сравнивать, как это на церковнославянском и на древнегрузинском. Если бы не было великих монашествующих творцов, – не было бы вообще христианской цивилизации! А многие сегодня и у нас в церкви говорят, что нельзя монаху быть поэтом, художником, музыкантом. Нельзя монаху быть ученым.

Н. Б.-М.: Откуда это идет?..

Архим. А.: Думаю, от неграмотности, от бескультурии. И от неверия.

Н. Б.-М.: Эти запреты творчества, запреты на занятия наукой, на работу врачом, на преподавательскую деятельность и т.д. – для монашествующих, и вас коснулись?

Архим. А.: Конечно! Не было раньше принято, так сказать, в ближайшей истории, чтобы монах работал в родильном доме.

И вот Святейший Илья II благословил, и я стал генеральным директором родильного дома. Но это надо точно принять, как послушание и как благословение, потому что приходится делать то, что как бы не положено, не принято, особенно – монаху: например, благословлять женщин сразу после родов.

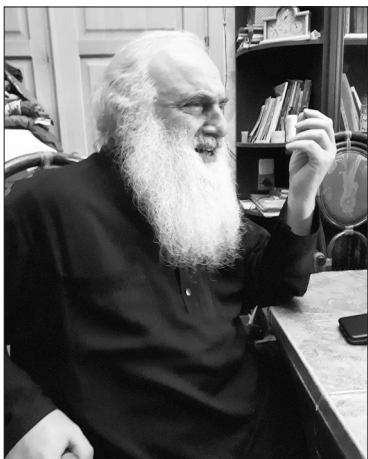
Тогда же я начал преподавать в Медицинском университете, приходя на лекции в полном облачении, вспомнив, как владыка Лука (Войно-Ясенецкий) заходил в аудиторию обязательно в клобуке.

Или в больнице одевал белый медицинский халат прямо на подрясник, кто-то сфотографировал меня, и по всей Грузии публиковались эти мои фотографии. Ой, как интересно: халат и подрясник! И все подумали, что так и надо! И этим тоже надо было воспользоваться – я и говорил, что это так полагается.

Н. Б.-М.: Вы разрушали стереотипы!..

Архим. А.: На самом деле, это страшные преграды тюремные! А нам нужна свобода. Свобода и всё!

Когда я издал книгу по своей докторской диссертации, монографию, мне говорили: «Зачем тебе это выпускать? Ведь ты же монах!». А я спрашиваю: «Так вам наука не нравится?..». И я решил, что в ответ на это я выпущу сборник своих стихотворений и срочно стал собирать все, что у меня было. Собрал все – и выпустил!

Во время беседы 3 мая 2022 г.

Фото В. Минченко

Вот, говорят: «Он еще и стихи издал!». Да, не понравилось. В ответ я опубликовал манифест, где написал, почему мы пишем, и что такое поэзия...

Н. Б.-М.: А почему же у ваших современников-христиан такое сопротивление по отношению к плодам творчества и к их создателям? Ведь монахи исторически участвовали в создании грузинской культуры! Это же давняя многовековая традиция в Грузии?!

Архим. А.: Беда в том, что христианская традиция прерывалась, не было преемственности. С начала XIX века, с 1801 г., когда Грузия оказалась в составе Российской империи, произошли большие изменения в Грузинской Церкви Кавказа, с центром в Тбилиси, кому подчинялись все христиане этого региона. И все христиане (они были православными) молились на грузинском языке не только в Грузии, но и на всем Северном Кавказе. А когда произошла децентрализация в структуре

грузинской церковности, то христианство стало угасать и в народностях Северного Кавказа, и в самой Грузии. Во многих деревнях исчезало православие; не стало грузинских священников; богослужение почти везде стало совершаться на церковнославянском языке. Таким образом, нарушилось самоопределение народа: куда пойти грузину, чтобы найти службу на грузинском языке?.. И грузин отчуждается от церкви, в течение более, чем столетие так продолжалось.

Н. Б.-М.: Да, это был и в Русской Церкви, так сказать, период упадка и монашества, и всей христианской жизни, ее формализации. В отсутствии патриаршества, когда не собирались Соборы, когда Церковь превратили в один из государственных департаментов... Наследие Синодального периода до сих пор отзывается в церковной жизни Московского патриархата.

Ну, а сегодня, когда ничто не мешает Грузинской Церкви вернуть свою идентичность, везде богослужения на грузинском языке только, даже у вас, в единственной «русской» (как написано) церкви Иоанна Богослова, служба идет полностью на грузинском языке, только Св. Писание читается на двух языках: на грузинском и на церковнославянском, а проповедь только на грузинском, – являет ли Церковь миру свое свидетельство, миссионерствует ли она?

Возникают большие сомнения по поводу миссии Грузинской Церкви, т.к. богослужения совершаются на непонятном современному человеку древнегрузинском языке. Что скажете, отец Адам?

Архим. А.: Но язык-то один у нас. Древний – это ведь только письменность и некоторые правила грамматики. А так, мы его понимаем также, как современный язык.

Н. Б.-М.: То есть, вы хотите сказать, что современный грузин понимает?..

Архим. А.: Как церковнославянский и русский – они же очень схожи!

Н. Б.-М.: Да не понимает русский человек сегодня церковнославянский язык!

Архим. А.: Не знаю, почему не понимает! Потому что я – не русский, но я понимаю, а я церковнославянскому не учился никоим образом.

Н. Б.-М.: И грузин сегодня не понимает древнегрузинского языка, и богослужения не понимает. Об этом мне говорила грузинка, образованная женщина, воцерковленная, у которой родной язык – грузинский. Она говорила, что ни она, и никто из всех ходящих в церковь, кого она знает, не понимают древнегрузинского языка... Та же проблема существует и в современной русской Церкви, поэтому некоторые священники уже стали совершать богослужения, читать Священное Писание на русском языке.

Отец Адам, а кто такой для вас христианин?

Архим. А.: Христианин – это человек, у которого должны быть предельно обострены все чувствительные органы. То есть абсолютно все: и духовные, и душевные, и телесно-физиологические. Все должны чувствовать всё! Любое состояние природы должно отражаться в сердце.

Один афонский монах говорил, что христианином может быть только тот, у кого поэтическая натура, кто обладает чувствительностью, способностью понимания и сопереживания...

Еще важное качество – самокритичность, а также благочестие, благородство, совесть.

Конечно, очень важно, какое воспитание получил христианин. И не сразу рождается христианин, важно человеком хорошим быть – ведь человеческие качества очень важны. Как жаль, что у нас не приветствуется христианская антропология!

Н. Б.-М.: Отец Адам, скажите, каково, по-вашему, главное назначение Церкви? Во все времена и сегодня, в том числе?

Архим. А.: Помочь человеку, рождённому на земле, стать человеком.

Н. Б.-М.: Спасибо!

Тбилиси, Грузия

3 мая 2022

«НАСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ БЕЗ ХРИСТА НЕ СУЩЕСТВУЕТ»

*Беседа с митрополитом Ахалкалакским и
Кумурдойским **Николаем (Пачуаивили)***

Наталия Большакова-Минченко: Владыка, для начала расскажите, пожалуйста, о себе.

Владыка Николай: Сначала я учился в Тбилисском гос. университете на факультете физики и тогда была такая программа обмена студентами. И меня из Тбилисского университета после окончания третьего курса направили в Московский университет тоже на третий курс, и я проучился там три с половиной года. Параллельно с этим я заинтересовался в Москве искусством, потому что там искусство было более доступно. Любое.

Москва – это один из мировых центров, поэтому даже в советское время туда приезжали очень интересные люди, коллективы, выставки интересные были, фильмы интересные показывали, то есть практически все можно было найти и увидеть.

Н. Б.-М.: Музеи какие были!..

Вл. Н.: Да, музеи уже погружали в огромный мир искусства. И поэтому я, как жаждущий человек, фактически приобщился к мировой культуре. Для меня Москва – это европейское образование и мировая культура. И настолько это было тогда для меня новым, серьезным, важным, что я даже решил поменять профессию. Я сильно заинтересовался искусством и, особенно, киноискусством, которое дает возможность общаться одновременно со многими людьми, с тысячами. Поэтому меня это очень заинтересовало, что можно создать произведение киноискусства и поделиться со многими

людьми. И, будучи еще студентом в Москве, я, практически получил образование по истории кино.

Н. Б.-М.: Вы тогда и во ВГИКе поучились?

Вл. Н.: Нет, были и другие возможности тоже. Во ВГИКе я посещал лекции, и мне было очень интересно смотреть там фильмы.

Н. Б.-М.: А «Дом кино»?..

Вл. Н.: Да, «Дом кино»... Но последовательно, – это, скорее всего, кинотеатр «Иллюзион». Я тогда уже познакомился с теми, кто там работал. И даже настолько, что они мне доверяли билеты, которые я распространял среди студентов. Целыми группами мы ездили. Там часто показывали хорошие фильмы. И, в том числе, и во ВГИКе я посещал такие просмотры. Студенту уже как-то легко попасть на любое мероприятие. Даже я ходил в посольства разных стран, на показы интересных фильмов. А когда я вернулся в Грузию, решил профессионально этим заниматься, и поступил в Тбилисский театральный институт.

Н. Б.-М.: И на какой факультет?

Вл. Н.: Я, вообще говоря, уже многому научился, смотря кино и читая книги. Очень много читал тогда. У нас в Тбилисском театральном институте прием на кинофакультет каждый год был разным. Т.е. иногда это был режиссерский факультет, иногда актерский. И я тогда выбрал самого главного человека в кино. По-моему, это был Канделаки. И он набирал группу по анимации, в моем представлении анимация – это не частный вид киноискусства, а наоборот – киноискусство есть частный вид анимации. Это я уже как физик к этому подошел (смеется). Потому что это есть изображение уже более общее, чем обычная кинолента. Поэтому я

начал изучать анимацию, и параллельно я очень сильно заинтересовался изучением богословия и где-то через два года, – это было в 1988 году, у нас – это было настоящее чудо – после 80 лет у нас открылась Тбилисская Духовная академия.

Н. Б.-М.: А семинария была...

Вл. Н.: Семинария была, но высшего учебного заведения богословского не было. И я бросил тогда все и поступил в Духовную академию, это был первый набор и я больше не изменял своего увлечения, хотя, уже будучи священником, даже будучи архиереем, мои профессии меня не оставляли. В своем училище, которое у нас открыто для священнослужителей, мы ввели специальный курс естествознания, и мы обсуждаем вопросы, который пересекаются – религия-физика, религия-математика. Там есть очень много смежных вопросов, которые мы обсуждали и, что касается кино, – я с одной стороны использую своё образование по истории кино и я выбираю и показываю фильмы разным людям. Я начал с подростков, а потом это распространилось на все возрасты и мы смотрим фильмы и обсуждаем. Я выбираю фильмы с библейскими архетипами самых разных стран и разных времен. И с другой стороны, мне очень часто приходится самому брать камеру в руки. Я снимаю, так сказать, не останавливаясь. Потому что это не прямо художественное кино. Это, так сказать, художественно-неигровое кино. Т.е. с одной стороны я, из-за своего положения в обществе, попадаю в такие ситуации, которые недоступны другим людям и часто приходится использовать свою камеру, поэтому у меня телефон такой – с хорошей камерой, а с другой стороны каждую субботу после Божественной

литургии я рассказываю о тех святых, которых именно в эту субботу поминает церковь и мощи которых мы имеем. А мы собираем мощи святых и сейчас у нас около 3000 мощей.

Н. Б.-М.: Вот здесь, в вашей епархии?..

Вл. Н.: Да, мы хотели бы, чтобы вы посмотрели, но там сейчас идет вечерня. Но, когда она закончится, мы могли бы заглянуть, и я вам покажу. Вот в этой маленькой комнатке – там собрано около 3000 мощей. Часто приходится разъезжать по тем местам святых, мощи которых мы имеем, и внутри страны и в другие страны, иногда я еду специально, чтобы описать и исследовать жизнь святого. Путешествую по местам, которые были для меня раньше абсолютно неизвестны.

Я это все снимаю и выкладываю на свой ютуб канал.

Н. Б.-М.: Удивительно! Я вот слушаю вас и вспоминаю, как отец Александр Мень, который очень любил кино, – он мечтал снять фильм на тему «Жизнь и смерть». Он написал сценарий, но это все пропало. Видимо, сценарий был в том портфеле, который тоже пропал во время его убийства.

Вл. Н.: Очень тяжелые были времена, мы тогда еще не вышли из Советского Союза... Тогда еще, когда я учился, я ходил на лекции Отара Иоселиани, и он нам говорил: «Вы то последнее поколение, которое изображения касается руками». Я тогда слушал и не понимал: ну, вот кинолента, о чем идет речь?! А сейчас у меня в кармане кинокамера с такими возможностями, что я могу все снимать и всегда снимать. Без ограничений. И не только снимать... я могу и в самом телефоне монтировать и прямо с телефона я могу помещать на ютуб.

Н. Б.-М.: Чудеса!

Вл. Н.: Да! И я могу за три дня сделать двухчасовой фильм

Н. Б.-М.: То есть и монтировать можете?!

Вл. Н.: Да, и монтировать и потом, уже, так сказать прямо выставить, загрузить. Мое направление таково: я стараюсь, что вижу, что слышу – все передать другим людям. А по сути это и есть кино.

Н. Б.-М.: Ну, в общем, – на основе агиографии?

Вл. Н.: В основном, конечно. Ну, меня самого это больше всего интересует. Хотя были какие-то проекты, которые не касались непосредственно агиографии. Это именно искусства иногда касается. То, что вы сказали про отца Александра «Опыт жизни и смерти» – у меня даже есть такой фильм, который я показывал. Фильм называется «Цена жизни». Это и в прямом, и переносном смысле. Речь идет о работе врачей в отделении реанимации. Мне пришлось пожить в отделении реанимации и я видел такие вещи, которые никто другой и не видел, потому что пациенты без сознания, родных туда не пускают, а врачи, даже если захотят, – они так устают там, по 24 часа дежурят, иногда 48 часов дежурят без остановки! Я думал, что они где-то спят, что у них там кровати. Какие кровати! Они на ногах там стоят! И так устают, что потом даже вспоминать не могут, что случилось! А я видел, как посторонний человек, потрясающие вещи и я попробовал это передать.

Когда у Реваза Давидовича Чхеидзе был первый набор на профессию киноактера, он меня пригласил прийти к киноактерам, чтобы я преподал им что-нибудь из Священного Писания, а я предложил такой курс: драматургия Священного Писания. То есть я учил их драматургии на примерах Священного Писания.

Н. Б.-М.: Ну, по-моему, там такая драматургия!..

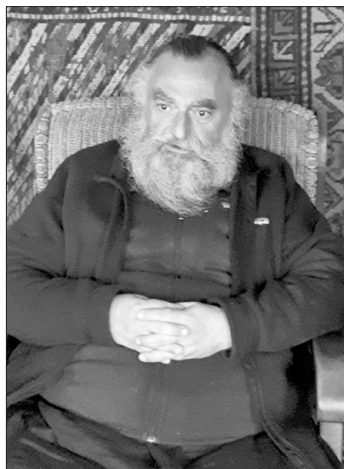
Вл. Н.: Абсолютно! Там ни один писатель даже близко не подойдет!

Н. Б.-М.: Как интересно! Слушаю вас и думаю, что границы свидетельства Церкви – они необозримы!

Вл. Н.: Абсолютно нет! Потому что это есть Божественное откровение, которое всегда и везде может работать, никто не скажет лучше!

Н. Б.-М.: И то, что вы, - митрополит, возглавляющий епархию, такое делаете – это замечательно!

Вл. Н.: Это моя миссионерская работа, – так скажем. Я в Москве защитился в Свято-Тихоновском университете по предмету миссиологии. Поскольку у них даже не было этого предмета, то у меня межпредметная диссертация «патрология-миссиология». Потому что я хотел только миссиологию, но они сказали, что лучше так. В общем я даже две диссертации написал по миссиологии и «Миссиология в Ветхом Завете». Это очень интересно, потому что вроде Ветхий Завет закрыт миссионерству, на самом деле оказалось, что нет. И не может быть этого и поэтому у меня миссионерская деятельность. Я – заместитель председателя миссионерского отдела Грузинской Православной Церкви. То есть это моя такая профессия – прямо параллельно.

Во время беседы
Фото В. Минченко

Н. Б.-М.: А в Свято-Тихоновском вы защищали диссертацию на русском языке.

Вл. Н.: Естественно!

Н. Б.-М.: А издавалась диссертация?..

Вл. Н.: Диссертация издавалась ограниченным тиражом – для интересующихся. А сейчас в Москве, наверно, скоро выйдет моя книга по этой диссертации.

Н. Б.-М.: Очень интересно! А, скажите, миссионерство это ведь такая важная часть служения и жизни Церкви, собственно от церкви мы именно это и ждем. Мы мало знаем про Грузинскую Церковь. Миссионерство есть в Церкви в целом?

Вл. Н.: Есть такое понятие «внутреннее миссионерство», когда это миссионерство – оно внутри страны и в пределах своей Церкви. Мы занимаемся этим, потому что мы пока еще не достигли такого результата, чтобы ехать за пределы страны проповедовать.

Отец Александр Мень этим и занимался на самом деле. Он был миссионером внутри Церкви. Все его книги, все его работы, вся его деятельность, – она была направлена на несение этого служения словом. И он служил словом.

Н. Б.-М.: И он, в общем, во времена тоталитарного режима привел к Богу тысячи людей!..

Вл. Н.: Да! И почему? Потому что он обращался к людям на понятном им языке. В общем, что и мы стараемся делать.

Н. Б.-М.: А как богослужение в вашей епархии идет, и Священное Писание читается – на каком языке?

Вл. Н.: Все на грузинском происходит.

Н. Б.-М.: На современном, простите?..

Вл. Н.: Нет! На современном грузинском не существует даже текстов и все службы у нас на старогрузинском. Но современный грузинский и старогрузинский – они более близки, чем любые другие языки. Т.е. как церковно-славянский...

Н. Б.-М.: Он не понятен русскому человеку!..

Вл. Н.: Вот я и говорю: как церковно-греческий не понятен...

Н. Б.-М.: Греку... Да!

Вл. Н.: А у нас, хоть и есть какая-то разница, но она более-менее понятна. Если человек часто ходит в храм и прислушивается, то у него привыкает ухо и, кроме того, мы этот язык учим в школе – старогрузинский, – т.е. начиная с 8-го класса мы проходили тексты на старогрузинском. Но я сейчас не об этом... я не знаю, почему вы спросили, но у нас вообще-то епархия миссионерская. У нас всего три процента православного населения, поэтому я, конечно, ищу людей, чтобы подготовить кадры для службы на армянском языке. Это, конечно, было бы идеально! Потому что я даже не слышал, чтобы где-нибудь литургия Иоанна Златоуста служилась на армянском языке.

Н. Б.-М.: Переведена ли она?..

Вл. Н.: Переведена, она у меня есть на армянском языке, но не служат. Эту литургию не служат. У них, в основном, служат, так называемую, литургию Марка. И отличается она, хотя она канонична.

Н. Б.-М.: А Василия Великого?..

Вл. Н.: Нет, нет...

Но Священное Писание, и какие-то молитвы – они есть, но просто некому это преподавать людям, поэтому они это стараются все воспринимать на грузинском,

потому что грузинский язык у нас все-таки государственный, и те люди, которые обращаются в православие к нам, идут на литургию на грузинском, но любая моя просьба, которую я произношу, – она переводится обычно на русский потому что очень многие люди, которые здесь живут, даже армяне, считают, что у них родной язык – русский. Они так воспитывались.

Н. Б.-М.: И все читают по-русски?

Вл. Н.: Да! Да-да... Здесь в течение многих лет была русская военная база и при ней была школа, русская школа, которая вообще-то была не сравнима, так сказать, с армянской, лучшее давала образование, чем их армянская школа. Поэтому все более-менее образованные люди своих детей водили в эту русскую школу. До сих пор у нас есть русская школа, которая по величине больше, чем армянская школа.

Н. Б.-М.: Да, у вас своеобразная ситуация...

Вл. Н.: Абсолютно своеобразная ситуация!

Н. Б.-М.: То есть для Грузии это уникальная ситуация?..

Вл. Н.: Абсолютно уникальная ситуация!.. Сами грузины как-то не очень это понимают, потому что как-то мало ездят к нам... Мы живем, как маленькая часть при границе. Ведь наша епархия находится на окраине Грузии, по соседству с Турцией и Арменией.

Я, когда приехал в эту епархию, тогда были все расценки по русским рублям и телевидение было все русское, московское, – грузинского не было и ни одной грузинской надписи не было в городе. Самое интересное, что я случайно обнаружил, – что когда спросишь который час, то они отвечали, имея в виду московское время.

Н. Б.-М.: То есть люди жили по московскому времени? А вообще разница – час?

Вл. Н.: Да! Когда есть – да! Иногда она бывает, иногда нет.

Н. Б.-М.: Ну, а то, что именно вы здесь оказались, это воля Божия, видимо?..

Вл. Н.: Воля Божия и мое желание – такое сильное.

Н. Б.-М.: Вы понимали, что здесь такая ситуация...

Вл. Н.: А я поэтому и хотел! Для меня это был, так сказать, персонально – вызов такой. Я с детства всегда искал приключений и поэтому мне всегда было интересно.

Н. Б.-М.: Сколько лет вы уже здесь и возглавляете епархию?

Вл. Н.: Ну, как архиерей я с 2002 года возглавляю эту епархию. А путешествовую, хожу, эти края пешком обходил, все деревни, – это с 1989 года. Когда мы начали первый раз, по благословению нашего Католикоса-Патриарха Илии II, – устроили паломничество по стопам равноапостольной Нины, шли от места её предполагаемого входа не территорию Грузии, от озера Паравани, которое сейчас в моей епархии находится, и до древней столицы – Мцхета, мы шли 27 дней. Это 300 км по прямой, если по дороге, то 330 километров.

Н. Б.-М.: Ого!

Вл. Н.: И мы каждый год ходим пешком, и уже дети ходят. Гости приезжают часто из разных стран. В общем – мы этот путь проходим. Когда изначально я ходил, то я уже учитывал время, чтобы останавливаться на ночь в каждой деревне. И каждый год мы по-разному ходили, через другие деревни и мне это очень помогло познакомиться с этим краем, с этими людьми и подружиться с ними.

Н. Б.-М.: Да... Чтобы митрополит ходил по деревням... это я впервые слышу!

Вл. Н.: Нет, почему?! У вас был Феодосий! Такой был митрополит Феодосий, в XVIII веке, у меня даже его икона и мощи его есть. Он все время ходил пешком, так что все новое – это хорошо забытое старое. (Все сменяется.)

Н. Б.-М.: Еще такой важный вопрос просвещения, которое мы тоже ждем от Церкви. Ведь миссия церкви – свидетельствовать о Христе и просвещать людей, каждого человека, и в целом народ. И как у вас с этим? Наверно, это все входит в общие ваши задачи?

Вл. Н.: Абсолютно! Это входит и в общецерковные задачи. У нас есть сейчас очень много различных училищ. На разных стадиях развития христианина – и для начинающих и для более развитых. У нас есть все ступени образования. Что касается меня, я тоже в своей епархии этим занимаюсь, и мы здесь организовали училище, мы намеренно не назвали его высшим заведением, но это практически магистерские курсы для священнослужителей. Училище для священнослужителей. И чтобы они здесь работали над магистерской диссертацией, так скажем, которая вообще может быть и не написана, а эта диссертация может стать даже и как проект миссионерский. Допустим, взять какую-то часть Грузии и там, в этом краю осуществить какой-то миссионерский проект. Ну, мы даем священнику образование и очень большая часть этой программы поддерживается Св.-Тихоновским университетом (Москва), у нас с ними договор и я приглашаю, по-моему, самых интересных преподавателей, и за многие годы мы с ними очень подружились. Я сам как-то пошел, как студент, я им сказал:

«Я, правда, архиерей другой страны, другой поместной церкви, но я предупреждаю, что если вы хоть чуть-чуть повысите мне оценку, – то я буду жаловаться на вас (смеется). Так что со всей строгостью подходите!». Так и получилось. И мне было интересно: за что и как ставятся оценки, и какие преподаватели, и какие курсы ведутся. Я вообще-то с этим университетом очень близко познакомился, поступил к ним в 2004 году в качестве аспиранта.

Н. Б.-М.: Но их программы вы считаете очень хорошими, да?

Вл. Н.: У них есть очень хорошие программы. Я считаю, что это одно из лучших – во всем мире – учебных заведений. Их подход очень интересен. Преподавание богословия очень хорошее.

Н. Б.-М.: Ну, да. И женщины туда могут поступать.

Вл. Н.: Во-первых, женщины могут поступать, во-вторых, они добились, что богословие как предмет был внесен в список ВАК (Высшая аттестационная комиссия). То есть сейчас официально можно получить ВАКовскую аттестацию на диссертацию по предмету «богословие».

Н. Б.-М.: То есть, в университетах, в светских учебных заведениях...

Вл. Н.: В светских, да!

Н. Б.-М.: Прекрасно! Скажите, владыка, когда вы рукополагаете священника, какие критерии для вас важны, существенны, чтобы этот человек мог быть священником?

Вл. Н.: Понимаете, мне повезло, что у нас такой патриарх, который все проблемы сам решает и поэтому я могу себе позволить, особенно в этой епархии,

рукополагать только, скажем так, без компромиссов, без икономии.

Н. Б.-М.: О, замечательно!

Вл. Н.: Это потому, что у меня «спина» такая! Крепкая «спина».

Н. Б.-М.: Он поддерживает!..

Вл. Н.: Да, Святейший поддерживает, тем, что все люди, которым надо какие-то поправки делать, – это, в общем, там – в Тбилиси делается, так скажем. Я могу никаких поправок не делать...

Н. Б.-М.: Бескомпромиссно!

Вл. Н.: Абсолютно! Потому что самому это потом «расхлебывать»... Здесь карьеру не сделаешь, тут другой интерес должен быть.

Н. Б.-М.: Ой! Это радостно слышать!

Вл. Н.: Понимаете, у нас условия такие, пограничные. Потому что мы граничим с другими странами: Турция, Армения и еще другое пограничное обстоятельство обусловлено климатом, потому что это место называется «Грузинская Сибирь».

Н. Б.-М.: Да, мы это почувствовали сегодня: снега по дороге. Такой ветер, ливень!

Вл. Н.: Ливень-то ливень. А зимой у нас до сорока градусов морозы доходят. Мы же в горах находимся. Здесь, в Ахалкалаки мы находимся на высоте 1700 метров над уровнем моря. Это очень высоко. Но у нас есть населенные пункты на высоте 2100 метров! Здесь, в моей епархии. Озеро Паравани и там есть деревни – это очень высоко и поэтому здесь все по-другому. «Налоги» у нас другие: природе платим «налоги» какие-то, которые никто не понимает, что мы это делаем...

Н. Б.-М.: Ваши трудности особенные!

Вл. Н.: Очень, очень! Абсолютно так!

Н. Б.-М.: А храмов хватает для вашей паствы?

Вл. Н.: Храмов-то хватает, потому что наши предки построили очень много. У нас приблизительно 80 памятников архитектуры старинных и, в основном – это храмы, хотя есть и крепости. У нас не хватает священников, которые были бы согласны в этих условиях жить... это подвижничество в этих условиях священнику находиться... Естественно, никаких доходов у нас нет. Все наши церковнослужители, – они являются сотрудниками этой богословской школы. У нас еще есть другое, не богословское прямо, раньше такое называлось профтехучилище, – у нас есть такое профтехучилище, в котором мы учим разным ремеслам. Это касается и современных технологий, и касается народного творчества, и там тоже наши люди работают, и там они получают зарплату.

Н. Б.-М.: А молодёжь есть среди мирян в церкви?

Вл. Н.: Давайте скажем так: одна треть прихожан в нашей церкви – это местные армяне и, в основном, молодые и среднего возраста.

Н. Б.-М.: И мужчины есть?

Вл. Н.: Ну, с мужчинами всегда везде трудно. Во всем мире трудно с мужчинами – их мало. Зато у нас хорошо с армянскими соседями – они меня приняли в свой круг... Мужчины весомую роль играют в обществе. Поэтому они не совсем прихожане, но все-таки они очень интересуются. Я никому никогда не навязывал, чтобы они в церковь приходили. Просто они, дети особенно, начали интересоваться, когда мы вместе время проводим и вдруг я исчезаю на какое-то время, – куда это я исчез и они заглядывают.

Н. Б.-М.: В общем, ваша дружба с миром, она и создает основу для прихода человека в церковь! Это очень важно!

Вл. Н.: Это естественно происходит.

Я епархию пешком обхожу... «В пешей доступности». (Смеется.)

Н. Б.-М.: Да, вы ближе к людям и к земле.

Вл. Н.: Понимаете, мы по численности маленький народ и поэтому приходится жить дружно, быть ближе друг к другу.

Н. Б.-М.: Скажите, вы прошли такой путь и получается, что все ваши знания и дарования вы принесли в Церковь в конечном итоге. Что для вас Церковь? И как бы вы ее и в общем охарактеризовали, и с богословской точки зрения, и для вас лично.

Вл. Н.: Вы знаете, вот у нас есть одно слово такое на грузинском языке... вообще национальное восприятие разных вопросов – оно очень интересно. Вопрос о спасении. По-русски есть слово «спасение» и это слово используется и в других языках. А у нас это слово прямо так не применяется, у нас «спасение» – это есть жизнь. Слово «жизнь» применяется для обозначения и земной жизни, и для загробной. То есть мы, когда говорим «человек спасается» или «человек спасся», мы говорим, что человек живет. То есть мы представляем себе, что это есть жизнь вечная. То есть на грузинском языке это помогает каждому ищущему богослову воспринимать жизнь, бытие, как начало жизни вечной. И вечная жизнь, – как продолжение жизни земной. Поэтому Церковь для меня – это есть Жизнь. По-другому я себе не могу это представить. То есть Церковь – это есть Жизнь. А все остальные вещи уже из этого вытекают. Для чего

нужны священники, для чего нужны иконы, мощи... богослужения... Они, так сказать – часть жизни.

Н. Б.-М.: Это проявление церковной жизни – и жизни земной и жизни небесной.

Вл. Н.: Это есть бытие. Это есть самое главное свойство, так сказать, даже Бога. Потому что когда Господь Бог открылся Моисею, и он спросил: «Кто Ты, Господи», – Он сказал – Свое слово, которое считается наиболее точным описанием сущности божественной: «Я есмь Сущий». То есть «Я есть, кто Я есть».

Н. Б.-М.: Или «Я есть тот, кто Я есть».

Вл. Н.: Вот! Так это переводится на русский язык. И на грузинском то же самое. (Цитирует по-грузински.) И вот это и есть, так сказать, самое главное. Это самый главный дар человеку. Это есть то, что мы есть, то, что мы существуем. И один из современных богословов даже дерзнул такое сказать, что одно хорошее свойство есть и у дьявола – он существует (смеется). Такой положительный божественный дар есть и у него.

Н. Б.-М.: То есть, есть бытие его...

Вл. Н.: Да, да...

Н. Б.-М.: Интересно. А кто-то отрицает его...

Вл. Н.: Так ведь и говорят, что самое большое достижение его, начиная с XVIII–XIX века, что он убедил человечество, что его нет.

Н. Б.-М.: Да! Отец Александр Мень всегда говорил, что не надо играть в прятки с ним. Он есть!

Вл. Н.: Да, да... Отец Александр все это очень хорошо понимал, конечно.

Н. Б.-М.: Сегодня в европейских странах многие считают, что мы живем в постхристианском мире.

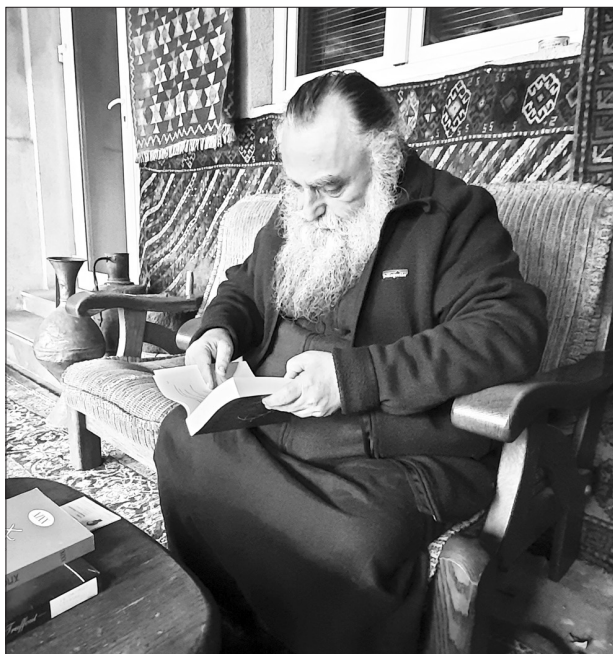
Вл. Н.: Это выбор человека.

Н. Б.-М.: Один мой знакомый мне говорил: «Слушай, твоего христианства осталось лет десять». Ну, «моего» – он имеет в виду, что христианства в целом. Я говорю: «А что будет по-твоему?» – «Ну, как же! Уже постхристианский мир. Ну, а дальше ислам все и всех завоюет». Я просто думаю, что если мы начинаем рассуждать о том, «есть ли будущее у христианства», то этот вопрос перетекает в «есть ли будущее у Христа?!». Если мы под христианством понимаем не цивилизацию или какие-то там прикладные вещи, а суть, то есть явление Христа в мире, тогда получается, что если нет будущего у христианства, то нет будущего у Христа. Что мы можем сказать читателю в вашем лице на это?

Вл. Н.: На все вопросы есть ответы в Священном Писании и это все было. Об этом даже говорить нельзя, что все что должно сбыться, оно уже случилось много лет назад, а то, что вы сейчас говорите, это было, когда Ной строил ковчег и его называли дураком. Он был патриархом, представляете, еще в те времена он был патриархом, он был религиозным лидером своей страны – и над ним издевались, когда он строил ковчег. И когда он построил, – то вдруг потоп и всего один единственный корабль, и восемь человек в нем выжили всего. Ну, они были, в общем, те, которые продолжили жизнь человеческого рода.

Н. Б.-М.: Ковчег спасения!

Вл. Н.: Ковчег спасения... Христос говорит нам в Евангелии, что врата ада не одолеют Церковь. Но сегодня вопрос стоит по-другому: много ли нас останется в Церкви? Вот это есть вопрос! Многие ли из нас спасутся? Многие ли из нас смогут удержаться, устоять после искушений и не покинут Церковь? Цер-

Знакомство с «Христианосом»

Фото В. Минченко

ковь-то будет, обязательно будет! Вот, в этом направлении мы должны думать!

Н. Б.-М.: Хочу напомнить последние слова о. Александра Меня, обращенные им к людям, к аудитории в созданном им Общедоступном православном университете в лекции «Христианство» (8 сентября 1990 г.). Они звучат, возможно, парадоксально, но нельзя не думать о них, ведь это, по сути, его завещание.

«Христос призывает человека к осуществлению Божественного идеала. [...] Христианство сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор

непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается...»

Как вы воспринимаете такие слова сегодня? Больше тридцати лет прошло с тех пор, как он это произнес...

Вл. Н.: Я это сам по себе чувствую. Когда я начал изучать истории святых, про которых я вообще не слышал, что они когда-то существовали... Изучаю... Открываю себе все большее и большее пространство и изучаю жития, или житие, как сказал один из богословов, — потому что это есть одно житие, которое проживают все святые. И хотя все они по-своему это проживают, но житие одно. Это житие во Христе. И вот это житие я сейчас изучаю. Еще прямо с первого класса приходится мне это делать, хотя я уже много лет архиерей. В какой-то момент я думал, что, в основном, я уже все знаю, а сейчас что-то открывается и оказывается, что прав Сократ, что ничего не знаю на самом деле (смеется). И вот сейчас я вижу, что фактически каждый святой есть свидетель. И он засвидетельствовал: более праведной жизнью, подвижничеством или мученической смертью, но засвидетельствовал. Эти свидетельства, они, конечно, очень интересны. Но, на самом деле, в этом житии очень много поучений и многому мы учимся. Поэтому, если посмотреть с такой точки зрения, — на слова отца Александра Меня, — то может быть, это всегда так было и всегда так будет, что мы должны заново открывать и изучать все христианство. Потому что каждое поколение, каждый новый человек, каждая новая душа — она проходит весь путь. От начала и до конца, и это никогда не закончится. Опыт отцов не будет достаточным

для сына, для другого поколения, чтобы потом ничем не заниматься, ничего не делать.

Евангелие в личном опыте должно проявиться.

То, что апостол Павел говорит: уже не я живу, а живет во мне Христос, – вот это должно случиться с каждым христианином. Это и есть путь к спасению.

Павел это сказал в тот момент своей жизни, когда он это все понял. А у нас это все еще впереди! Мы должны к этому стремиться.

Н. Б.-М.: То есть так пережить ощущение Христа? Его – внутри себя?..

Вл. Н.: Абсолютно! По-другому не получится! Все остальное – кажущаяся, мнимая реальность. Настоящей жизни без Христа не существует!

Н. Б.-М.: Скажите, владыка Николай, из вашего опыта изучения жизнеописаний святых разных эпох, – можно ли считать, что наступило время Евангелия или оно было раньше? Как вы это видите?

Вл. Н.: Об этом в самом Евангелии написано. Помните, в Новом Завете в Послании к Евреям сказано, что Христос вчера, сегодня и во веки один и тот же! То есть это даже не то, что время Евангелия наступило, а Евангелие само есть Время. Понятие времени – это евангельское понятие – оно вечно. Так и начинается Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово» – это и есть начало. (Произносит по-гречески.) Вот это есть начало, и оно есть вечное из вечного! Это изображено на иконе преподобного Андрея Рублёва, которая называется не просто «Троица» Рублёва, как принято называть, а это есть «Предвечный Совет». Так называется эта икона. Это есть 26–27 стихи из первой главы Бытия: «И сотворил Бог человека по образу Своему» – это предложение,

оно, так сказать, воплощено на этой иконе. То есть это предвечное что-то – до сотворения мира оно существовало, и мы приобщаемся к этому времени. Чем больше и глубже мы заходим лично, так скажем, условно, в религиозную жизнь, – тем больше мы приобщаемся к этой вечности. Это есть вечность – там нет ощущения времени вообще.

Н. Б.-М.: И Рублёв это пережил!..

Вл. Н.: Он пережил это и потрясаяще выразил это!

Н. Б.-М.: Еще интересен ваш опыт в такой теме: как человек может встретить Бога? Где вообще мы встречаем Бога? «Где» – это вопрос не в физическом смысле, хотя здесь могут быть и обстоятельства или что это?..

Вл. Н.: Ну, я не знаю, как точно на этот вопрос ответить, но, чтобы встретить Бога, надо, чтобы совпало внешнее и внутренне обстоятельство. Я встречал несколько раз... Христа.

Как-то я ехал на машине и вижу прямо на трассе, – там не населенный пункт, – представляете?! – человек идет с двумя костылями и ноги у него какие-то кривые, и еле своими ногами он передвигает, и на костылях как-то передвигается по шоссе. Я сначала проехал, а потом подумал: ну, как же так?.. Я остановил машину и спросил его, куда он собрался? Он назвал какую-то деревню, то есть не первую, близлежащую...

Н. Б.-М.: А где-то далеко?..

Вл. Н.: Далеко, да. Я говорю: «Я тоже туда еду. Давайте, садитесь». В общем, я подвез его и потом довез до дома, и выяснились какие-то обстоятельства, просто потрясаящие. Он, оказывается, совсем не простой человек. Потом я познакомился с его семьей, с его родителями. И тогда я подумал, сначала, что я ему помо-

гаю, что я ему помог. А потом оказалось, что на самом деле это он мне помог очень во многом. Я узнал, что он абсолютно не виноват, что оказался в таком положении. Он родился таким, и родители делали все возможное еще в то, советское время. Показали всем врачам Советского Союза и то, что он так ходил – это большой труд родителей. Он вообще был прикован к постели. В общем, до сих пор мы с ним продолжаем общаться. Я и других людей приобщил. В общем, общаемся с этой семьей и для меня эта встреча однозначно была – встреча с Христом. Вспомнил слова Евангелия, что то, что вы сделали одному из малых сих...

Так что, на самом деле, это я встретился с Христом. Ведь это было откровение для меня, – однозначно! И сейчас для меня сформировалось какое-то время ожидания, когда в следующий раз я Христа встречу. Я скупаю очень (смеется).

Н. Б.-М.: Это как-то сердечно происходит? Откликается сердце?..

Вл. Н.: Сердце откликается очень. Из-за моего математического склада ума, физического образования, у меня очень ум развит, поэтому всегда первые выводы, первые заключения, первые решения я принимаю головой. А потом и сердце открывается, конечно.

Поэтому меня иногда упрекают, что разум преобладает. От этого часто мои решения какие-то сухие очень. Тем не менее, я стараюсь, чтобы сердце тоже отзывалось!

Н. Б.-М.: Еще такой вопрос: для вас, лично, – кто такой христианин?

Вл. Н.: Для меня христианин, – человек, исполняющий заповеди. Первая заповедь, это в псалмах еще написано, что уразумеите, что Я есть Господь!

Нужно уделить время познанию, человек должен интересоваться своим вероисповеданием: что такое христианство; христианин – который все время изучает и углубляется, с одной стороны, а с другой стороны, – христианство невозможно без практической жизни, личной. Надо правильно жить просто. Опять-таки – следовать заповедям. И делать, то, что нам полагается делать: все то, что спросится с нас на Страшном суде. В общем, христианин – человек добрый. То есть, не добрый по настроению, а добрый всегда и везде.

Н. Б.-М.: Это уже другое нутро какое-то!..

Вл. Н.: Да, это и есть обязанность христианина – быть христианином. Это не дело настроения. Сегодня у меня такое настроение – я буду так себя вести, а завтра я буду вот так... Извините, сегодня я не в настроении, – я не буду вам помогать...

Н. Б.-М.: В современном мире с его индивидуализмом это очень как раз распространено. Сегодня я не в настроении, не трогайте меня... человек считает, что он имеет право – это же моя личная жизнь!..

Вл. Н.: Да, человек имеет право, но христианин не имеет такого права.

Н. Б.-М.: Христианин 24 часа в сутки!

Вл. Н.: А что? У христианства отпуска не бывает!

*Ахалкалаки, Грузия
4 мая 2022*

**МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)
К 90-ЛЕТИЮ МОНАШЕСКОГО
ПОСТРИГА**

Мать Мария (Скобцова)
(1891–1945)

Нина Каухчишвили

Нина Каухчишвили (20 августа 1919, Берлин – 4 января 2010, Милан) – итальянский литературовед.

В 60-е годы организовала славяноведческую кафедру в университете Бергамо (Италия) и была там профессором.

В 90-е годы была одним из организаторов ежегодных конференций в монастыре Бозе (Италия) на тему русской духовности.

Тематика научных исследований Н. Каухчишвили – русская литература и общественная мысль, взаимосвязи русской и итальянской культуры, православие. Изучала творчество И. С. Тургенева, Андрея Белого, матери Марии (Скобцовой), отца Павла Флоренского. Вкладом в пушкинистику стала её публикация части французского дневника Д. Фикельмон. Интересовалась семиотикой, имела научные связи с Тартуским университетом (Эстония), где прочитала курс лекций.

Ниже мы публикуем фрагмент книги: Nina Kauchtschischwili, Profilo di spiritualità. Mat' Marija Skobcova, Simone Weil, Edith Stein, // Donne di desiderio: Nina Kauchtschischwili tra oriente e occidente / a cura di Lucia Fagnoni ; introduzione di Francesca Melzi d'Eril Kauchtschischwili. – [Torino] : Effatà, 2016.

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА). ПРОФИЛЬ ДУХОВНОСТИ

Мать Мария и западная культура

*Все естественные движения души
управляются законами, подобными закону
тяготения в материальном мире.
И только благодать составляет исключение.*

Симона Вейль

Как я говорила ранее, имя Елизаветы Юрьевны (урожденной Пиленко, по первому мужу Кузьминой-Караваевой, по второму – Скобцовой) было связано с культурой «Серебряного века» – выдающегося явления в России начала XX века. Но совершенно очевидно, что ее принадлежность к русской литературе, философии, богословию – ко всей русской духовной культуре не исчерпывается рамками этого явления. Большую часть своей сознательной жизни она проживет на Западе. Это позволяет – и, думаю, даже, обязывает, – сопоставить ее с двумя другими великими европейскими женщинами той эпохи – Симоной Вейль и Эдит Штайн.

Я думаю, что к матери Марии тоже можно отнести слова, сказанные об этих двух женщинах: «Их роднит то свойство экзистенциальной самоотдачи, которое можно назвать духовной жизнью – оно выражается в полной верности своим убеждениям, без попытки подстроиться под чужое мнение [...] в поиске абсолютного начала, к которому надлежит стремиться [...] в потребности соотносить свою жизнь с измерением вечности [...] в реальном участии в судьбе Другого, присутствовавшего в их жизни» (D'Agostino 1993:85).

Эти слова оправдывают мою попытку набросать крупными штрихами картину возможного духовного родства между тремя женщинами, для которых общей была исключительная историко-экономическая ситуация, с одной стороны, и опыт глубокого страдания – с другой. Поэтому я попытаюсь продемонстрировать некоторые элементы созвучности их интеллектуальных миров, которые мне удалось уловить.

Симона Вейль

*Что мы знаем заранее, так это то,
по мере роста индивидуальной способности
думать и действовать, жизнь будет
становиться все менее бесчеловечной.*

Симона Вейль

Я бы хотела провести историко-культурную параллель между судьбой Елизаветы Юрьевны и судьбой Симоны Вейль – исключительно одаренной еврейской девушки, которая, также как и Лиза, была воодушевлена духом нонконформизма. На долю Симоны Вейль (1909–1943), которая была почти на двадцать лет моложе Елизаветы Юрьевны, выпал уникальный жизненный путь, полный превратностей, с которыми она справилась, проявив недюжинную смелость и решительность. По окончании учебы, Симона поступается собственным комфортом ради других, движимая принципом ничего не просить для себя, отказаться от любых удобств или преимуществ, ради любви к социальной справедливости – и, как мы знаем, той же идеей была

движима мать Мария. Блестящая ученица Алена¹ – философа, проповедовавшего анти-интеллектуалистскую мораль, она была убеждена в необходимости воплощать в конкретных смелых поступках учение своего наставника, который надеялся привести индивида к счастью, а общество – к справедливости. И, вместе с Мадлен Дави мы можем добавить: «Именно потому, что они [Ален, Симона Вейль, Бердяев] любят человека, они желают сотрудничать в преображении мира» (Davy 1991:30) – эти слова вполне можно отнести и к матери Марии.

Вдохновляемая подобными намерениями и марксистскими идеалами, Симона посвятила себя «униженным и оскорбленным», надеясь освободить их и привести к более достойному *condition humaine* (фр. условия человеческого существования). Став преподавателем лица, она в первую очередь заботится об образовании рабочего класса. Той же целью была движима и шестнадцатилетняя Лиза, и, хотя краткий опыт русской девушки не сравним с ответственной самоотдачей Симоны Вейль, но, тем не менее, он свидетельствует об идейной общности.

Обе женщины в молодости мечтали стать соратницами подлинных революционеров (это стремление на время сблизит Симону Вейль с Борисом Сувариным) и переживали период революционного идеализма, который привел их в последствии к глубоким разочарованиям, хотя они и сохраняют верность своему изначальному социальному призванию. Обе они руководствуются в своих поступках социалистическими идеалами – при-

¹ Алэн – псевдоним французского философа Эмиля-Огюста Шартье (1898–1951). (Прим. пер.)

верженность марксизму требует от Симоны полного самоотречения, согласно ее пониманию аскетизма. Из любви к народу она была готова лишиться самого необходимого, пренебречь своим здоровьем и интересами, отказаться от всего внешнего. Она словно стала западным воплощением образа юродивого. В ней, как и в Елизавете Юрьевне, была некая *gaucherie* (фр. угловатость, неуклюжесть), контрастировавшая с красивыми, сияющими и приветливыми глазами. Но и Е. Ю., по словам Милютиной, «совершенно не обращающая внимания на свою одежду, очень близорукая. Но эти близорукие глаза так умно поблескивали за стеклами очков [...] такая убежденность была в ее высказываниях [...] что невозможно было не верить в ее правоту...»².

Таким образом, существует некоторое различие между аскетизмом Симоны Вейль, основанном на принципе равенства, и отказом от себя, который практиковала мать Мария:

«Произошло явление небывалое. Якобы на почве гуманизма, якобы во имя человечества или, во всяком случае, одной его части – трудового класса – пролетариата – в забвении Бога и отречении от Христа возродился суровой аскетический путь. Каждый верный был обязан оставить не только отца и мать свою, каждый верный выводился из-под законов обычной, применившейся к человеческим слабостям морали – ему внушалась иная, суровая мораль, мораль классовая. Во имя дела, во имя торжества целого он должен

² Милютина Т. П. Люди моей жизни. – Тарту: Крипта, 1997. С. 66. Цит. по: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1252> – Дата доступа: 05.03.2021 (Прим. ред.)

был отречься от всего, включая отречение от своего лица человеческого. Чердаки мира, проплёванные и прокуренные, кабачки всех европейских столиц могли бы много рассказать о том, как калечились людские души во имя нового безбожного закона, как истреблялись «предрассудки» в этих душах, как предъявлялись им требования суровой партийной дисциплины как все подчинялось поискам единой – пусть фальшивой – жемчужины, – не Царствия Небесного, не небесной веси, а веси земной»³.

Они обе стремились к отказу от своего «я», и занимали похожие позиции по отношению к обществу. В страданиях, сближающих Симону с пролетариатом, она разглядит глубокое противоречие, которое поможет ей осознать, что ее душа *по природе* религиозна. Ее видение общества обретет контуры духовного измерения, побуждая устранить то, что могло стать барьером между ней и угнетаемыми, предоставив всю себя в их распоряжение:

«Приношение: мы не можем принести в дар ничего иного, кроме нашего “Я”, и все то, что называется приношением, есть не что иное, как ярлык, навешенный на самоутверждение “Я”». (Weil 1988: 35 – *Симона Вейль*. Тяжесть и благодать. – М.: Русский путь. 2008. С. 39).

Это внутреннее понимание побудит ее впоследствии написать:

³ *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. // Аскетизм. – Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 169–170. (Прим. ред.)

«Наша любовь не должна быть ничем иным, кроме как милосердием. Государство не может стать объектом милосердия. А вот страна может – как среда, являющаяся носителем вечных традиций». (Weil 1947:188 и Perrin 1967:56 – *Симона Вейль*. Тяжесть и благодать. С. 132).

Перед нами мысль, которая могла бы быть сформулирована и матерью Марией – она выражает суть любви к собственной стране, к собственному народу, и к ближнему. Симона напишет в последние месяцы жизни:

«С раннего детства я имела христианское представление о любви к ближнему, называя ее справедливостью – тем именем, под которым она фигурирует во многих местах Евангелия и которое так прекрасно...» (Weil 1966:40).

Любовь к бедности и красоте

*Мы должны определить красоту
как преобразование материи...*

Владимир Соловьев.
Красота в природе⁴

Социальная обеспокоенность и постоянная устремленность к другому привели Симону Вейль к решению поступить простой рабочей на завод «Рено», но ей показалось недостаточно этого опыта, чтобы утолить эту жажду *солидарности* с угнетаемыми. Она хотела испытать и другой тип физического труда – сельскохозяйственный, и в последние годы жизни работала

⁴ Цит. по: <https://azbyka.ru/fiction/krasota-v-prirode/> – Дата доступа: 24.03.2021 (*Прим. ред.*)

на сборе винограда на юге Франции, пытаюсь войти в единение с землей и природой. Лиза тоже трудилась на виноградниках в своем родовом имении, а потом, в смутные годы революции, давала работу крестьянам. Обе питали иллюзии, что от контакта с землей в человека могут проникнуть подлинные ценности, сублимируя материальное существование и приближая его к последней истине – к итогу жизни, который символизирует все та же земля. Когда марксизм перестал удовлетворять духовные чаяния Симоны Вейль, она обратила свой взгляд на другие стороны жизни и, привлеченная францисканством, совершила путешествие в Италию:

«Я сразу полюбила святого Франциска, как только услышала о нем. Я всегда верила и надеялась, что судьба однажды доведет меня до того состояния бродяжничества и попрошайничества, которое он избрал добровольно» (Weil 1966:40)⁵.

Симона так вдохновится красотой Италии, что вместе с Франциском будет воспевать дар хлеба, прекрасного камня и прозрачного фонтана, щедро дарованных нам, чтобы преодолеть расстояние, отделяющее человека от Бога. Симона привязалась душой к умбрийской земле, словно для того и созданной, чтобы породить святого Франциска; поднявшись вплоть до Карчери⁶, она прочувствовала, что здесь все пронизано духом францисканского нищенствования. Италия и

⁵ Simone Weil, *Attente de Dieu*, Fayard, 1966. (Прим. пер.)

⁶ Эремо деи Карчери (Eremo dei Carceri) – расположенный на высоте 800 метров над уровнем моря санктуарий на склоне горы Субазियो, примерно в 5 км от Ассизи, на месте горного скита, куда удалялись для молитвы Франциск Ассизский с первыми братьями. (Прим. пер.)

Ассизи помогли ей обрести уверенность в выбранном ею направлении пути к Абсолюту. Завершая свое путешествие по Умбрии и Тоскане, она чувствовала себя обогащенной и ощущала, что ее жизнь устремилась к новым интеллектуальным целям:

«Во Флоренции за короткое время я испытала множество чистейших удовольствий: Фьезоле... Сан-Миниато... старая ризница Сан-Лоренцо, Донателло, барельефы на Кампаниле, фрески Джотто... “Концерт” Джорджоне, Давид... Тут переплетены строки из Данте, Петрарки, Микеланджело, Лоренцо Великолепного...» (Bouchardeau 1995:199).

Еще один биограф Симоны, размышляя о том, какое влияние оказала на нее Италия, добавляет:

«Какое плотное переплетение: музыка, поэзия, философия, геометрия, живопись, скульптура, архитектура, история – все поочередно становится то основой, то уткóм [...] А Симоне Вейль всего 28 лет» (Bouchardeau 1995: 204).

Этот *Erlebnis* (нем. *опыт*) жизни в Италии не только помог Симоне Вейль узреть тайный смысл красоты в новизне форм, но и открыл внутреннюю связь между наукой и искусством. Это была точка встречи между Я и Богом, между вещами и Абсолютом, вечным и преходящим, как итог опыта проживания красоты в искусстве (D’Agostino 1993:89), который открыл ей, что

«Творение – это акт любви, и оно совершается беспрерывно. Каждый момент нашей жизни есть проявление любви Бога к нам. [...] Наша жизнь есть ни что иное, как постоянное ожидание этой любви, как наше

согласие не существовать. Он постоянно вымаливает у нас жизнь, которую нам дает, Он дает ее нам, чтобы у нас ее вымаливать» (Weil 1988: 42)⁷.

Этот опыт (*Erlebnis*) укрепляет в ней *согласие* (*consentement*), все больше и больше приближает ее к любви Божией, любви к другому, воплощенному в бедном, в творчестве, в сотрудничестве с Богом, в «плотном» «переплетении» смыслов. Симона в Ассизи осознала, что она всегда была христианкой. (Эта уверенность пронизывает всю ее *Autobiographie spirituelle* – *Духовную автобиографию*, написанную к концу жизни.)

Внутренний курс матери Марии во многом похож – путь опыта становится для обеих, и для Лизы и для Симоны, путем «со-чувствования» окружающей их реальности, от которого душа восходит по нарастающей к «со-чувствованию с Богом». Осознание религиозного чувства достигает в Симоне определяющего и универсального измерения. Как и Ален и Бердяев, она любит человека, и как мать Мария «желает сотрудничать в преображении мира» (Davy 1991:30). Я бы хотела добавить, что они обе стремятся, порой неосознанно, к идее *целостности*, близкой к концепции Соловьева о *всеединстве*.

⁷ Ссылки на произведения Симоны Вейль даны по полному собранию сочинений на французском языке: Simone Weil (préf. André A. Devaux), *Œuvres complètes, Premiers écrits philosophiques*, Gallimard, 1988. (Прим. пер.)

К корням мистики

*Метафора легкости,
применяемая к духовным сущностям,
двояка – как двояка сама природа «духа»,
этой по определению легчайшей сущности,
как бы подвешенной
между пустотой и благодатью.*

Роберта де Монтичелли

И хотя интеллектуальное образование Елизаветы Юрьевны и Симоны Вейль не имеет параллелей, я думаю, что можно сопоставить их духовный мир. Для Симоны христианство становится религией в полном смысле слова, источники которой она находит в греческой философии и цивилизации, подобно тому, как корни русской духовности происходят из греческой культуры. Удивляет ее утверждение, что Аристотель

«находится вне греческой традиции. Платон – вот все что у нас есть от греческой *духовности*» (Weil 1974:47).

Аристотель видится ей скорее тяготеющим к латинскому рационализму – подобную идею развивали Хомяков и мать Мария, которые тоже видели именно в Платоне предтечу христианства. По мнению Симоны, Платон развивал «мистическую духовность, неизбежно унаследованную греческой мыслью из предшествующей ей мистической традиции» с того момента, когда в ней стала доминировать идея «нищеты человека», вызванная «удаленностью от Бога», и еще более «удаленностью от трансцендентности Бога» (там же).

Греческая мысль, по ее мнению, является единственным посредником между человеческой ничтожностью и божественным совершенством: Платон является «подлинным мистиком» и даже «отцом западной мистики» (там же: 50-51).

Совпадает с русским представлением о Платоне также уверенность в том, что «идеи Платона – это мысли Бога и атрибуты Бога» (там же: 53), указывающие людям всех времен путь к сверхъестественному:

«Платон считает истинную мудрость сверхъестественной сущностью. Невозможно выразить противостояние двух возможных концепций мудрости яснее, чем это сделал он. Те, кто считает мудрость возможным приобретением человеческой природы, думают, что, если кто-то стал мудрым, это именно человеческий труд вложил в него то, чего не было раньше» (там же: 71).

Эти мысли в некоторой мере предваряют концепцию Софии, выступающей уже в воззрениях Платона в качестве посредницы между человеком и Богом – эту идею мать Мария усвоила благодаря софиологии в богословии отца Сергия Булгакова. Мать Мария была знакома с платонизмом прежде всего через писания отцов Церкви, изложенные в *Добротолюбии*⁸. Она часто цитирует в своих статьях Макария Великого (IV век), Евагрия (346–399), Ефрема Сирина (ок. 306–373), Исаака Сирина (VII век). Вдохновляясь писаниями отцов Церкви, она превозносит мистическую платоническую традицию, проникает

⁸ Греческое издание «Филокалии» было издано в Венеции в 1782 году. Первый том русского издания под редакцией Паисия Величковского был издан в 1793 году синодальной библиотекой Москвы и имел большой резонанс по всей России. (Прим. авт.)

в смысл внутренней тишины, «прекраснейшей» любви Божией, превосходящей мир и страсти, наполняющей все чистой любовью к Богу и ближнему.

После того, как Симона Вейль разделила судьбу отверженных, угнетенных, страдающих, она ради них принимает крестные страдания, описанию которых она посвятит целую главу *Тяжести и благодати*. Крест для нее – это высшее откровение Христа, путеводитель к мистическому видению, переступающему границы этого мира (Weil 1988:103). Тогда ее любовь к другим еще более очищается, поскольку духовная жизнь требует многих усилий. Симона отвергает полуправду и компромиссы, отвергает «любую форму компенсации», поскольку она «содержит в себе деградацию энергии» (Weil 1988:16 – *Тяжесть и благодать*. С. 26). Она осознает, что нужно: «отказаться от всего, что не есть благодать, и не желать благодати» (*Тяжесть и благодать*. С. 29).

Возможность разделить с угнетенными «мистику человекообщения», страдая вместе с ними, привела мать Марию к тому, чтобы обнять крест:

«На кресте пересеклось время и вечность, история наша на какое-то мгновение соединилась с тем, что за нею»⁹.

Симона признается Жану-Мари Перрену:

«То, что я называю благой участью [...] это крест Христов. Если же я не заслуживаю подобного прием-

⁹ *Мать Мария*. Стихотворения, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. // Прозрение в войне. – Paris. La presse française et étrangère. Oreste Zeluck, Editeur. 1947. С. 137. (Прим. авт.)

ства, то, по крайней мере, – разделить крест с благо-
разумным разбойником» (Weil 1966:31).

Сделав этот выбор, и мать Мария, и Симона находят-
ся под сенью благодати, «тяжесть» исчезает, а душа сублимируется: расстояние до Бога сокращается. В этом состоянии благодати человек осознает, что легкость и прозрачность открывают путь к красоте в ее чистейших проявлениях. Мать Мария, хотя и была погружена в социальную жизнь, она жила среди вещей, как бы потерявших всю свою «тяжесть»¹⁰ и превратившихся для нее, как и для Симоны (и для Эдит Штайн, как мы увидим позднее), в средство движения к красоте, проявлявшейся в благодати. Мать Мария в конечном итоге придает духовный смысл каждому повседневному действию и переживает аскезу, как слияние реального со сверхъестественным. Это мироощущение хорошо выражают следующие слова Симоны:

«Нисходящее движение, это зеркало благодати, составляет самую суть музыки. Все остальное – лишь оправа к ней. Движение нот вверх – вполне внятное чувствам движение. Движение вниз – это одновременно и уловимое чувствами движение вниз, и духовный подъем. Вот он, столь желанный рай: когда природный склон заставляет подняться к благу». (*Тяжесть и благодать*. С. 123).

¹⁰ В статье «Прозрение в войне» м. Мария пишет: «...Настоящее горе, безвозвратные утраты, больше всего смерть любимых, – это все то, что на какие-то сроки уничтожает нашу тяжесть, даже вообще нашу весомость, что вдруг властно и повелительно уводит нас из этого мира с его законами в мир иной, законы которого нам не ведомы». Там же. С. 134. (*Прим. авт.*)

Музыкальный образ, который употребляет Вейль, приводит нас еще к одному выводу: они обе создали духовное пространство, в котором понимание красоты, «трансцендентного» достигается через произведения искусства, созданные человеком, так как все подчинено Духу. В этом пространстве мы касаемся того измерения благодати, которое есть не только божественная благодать, но и милость в том двойственном смысле, который приписывается ей русской духовной традицией.

Кроме того, можно сказать, что Симона Вейль тяготела к антропологической мистике, очень сходной с мистикой матери Марии, ведь духовный поиск их обеих вписан в контекст сложной и «революционной» исторической эпохи, наложившей особый отпечаток на занимаемую ими позицию. Каждая из них по-своему пыталась достичь глубокого синтеза между духовным измерением и повседневной реальностью.

Тридцатые годы и диктатуры

Основными вопросами описания всякой семиотической системы являются, во-первых, ее отношение к вне-системе, к миру, лежащему за ее пределами, и, во-вторых, отношение статики к динамике. Последний вопрос можно было бы сформулировать так: каким образом система, оставаясь собой, может развиваться.

Лотман Ю. М.¹¹

Написанные в 1934 году «Размышления о причинах свободы и социального угнетения» (*Réflexions sur les*

¹¹ Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2000. С. 12. (Прим. пер.)

causes de la liberté et de l'oppression sociale) Симоны Вейль можно сравнить со статьей матери Марии «Четыре портрета», вышедшей в 1939 году. Оба сочинения весьма показательны, поскольку написаны примерно в одно и то же время, на фоне политической и гуманитарной катастрофы, постигшей европейские страны после захвата власти Гитлером. Это событие побуждает обеих женщин задаться вопросом, как можно выжить в тоталитарном режиме и, с другой стороны, в какой степени демократия способна обеспечить подлинные *condition humaine* (фр. условия человеческого существования).

Вейль считала «Размышления» одним из своих наиболее законченных произведений, в котором она хотела прояснить, почему марксизм оказался неспособным освободить современного человека от угнетения. С одной стороны, она сетует на то, что марксистские организации не уважают законное стремление человека к свободе¹², и, с другой стороны, она вынуждена с сожалением заключить, что даже демократия не в состоянии обеспечить человеку свободу:

«Нынешний период принадлежит к тем временам, когда исчезает все, что в обычное время дает силы жить, и все должно быть поставлено под вопрос, если человек не хочет потерять себя и утратить связь с реальностью» (Weil 1955:9).

Симона Вейль не намерена отрицать теоретическую обоснованность марксистских тезисов, но вынуждена

¹² Согласно М. Дэви, стремление к внутренней свободе составляет прочную связь между Бердяевым и Симоной, хотя центром вселенной для Симоны была Греция, а для Бердяева – Иерусалим (Davy 1991:30). (Прим. авт.)

признать, что русская революция не смогла применить их на практике:

«Слово “революция” – это слово, от имени которого убивают, за которое умирают, за которое целые народные массы отправляются на смерть, но которое не имеет содержания». (Weil 1955: 39).

Эти горькие размышления привели ее к выводу, что реальный социальный прогресс, за который ратовали Гегель, Ламарк и Дарвин, невозможен, потому что действительность состоит из людей с бесконечно разнообразными потребностями. И поэтому общество, которое не уважает эту множественность, обречено стать жертвой самого себя. Правители должны осознать, что человек «рожден для свободы и никогда не сможет принять рабство, потому что он существо мыслящее» (Weil 1955:85) – убеждение, почти буквально совпадающее с идеями Бердяева и матери Марии, которые не терпели никакой формы принуждения. Можно сделать вывод, что для Симоны Вейль, пока вещи не освобождаются от присущей им *тяжести* посредством благодати, они втягивают общество в бессмысленную круговерть.

Симона Вейль, в отличие от матери Марии и Бердяева, принимает во внимание также социально-экономические критерии, связанные с отношениями между индивидом и предприятием, где человек остается подавленным *condition ouvrière* (фр. условиями существования трудящихся)¹³, и обнаруживает себя загнанным

¹³ См. Simone Weil. *La condition ouvrière*, Paris: Gallimard, 1951 – название «Условия существования трудящихся» возможно аллюзия на название романа А. Мальро «Условия человеческого существования» (*La condition humaine*, 1933).

в тупик, из которого он сможет выйти только, когда «индивидуальная способность мыслить и действовать» сможет освободить его от угнетения (Вейль 1955:147). Когда разум человека «окажется в состоянии одержать верх над мускулами» (там же: 91), то его *condition humaine* (фр. условия человеческого существования) обретет измерение «духовности»: все это произойдет тогда, когда уже не будет существовать диспропорции между телом, духом и вещами – атрибутами человеческой жизни, которые в настоящее время находятся в состоянии глубокого неравновесия (там же: 125).

Статья матери Марии «Четыре портрета» намного короче, чем «Размышления» Симоны Вейль и, как мне представляется, наполнена символическим смыслом. Здесь представлены три крупнейших тоталитарных государства – Россия, Италия и Германия, которым противопоставляется одно европейское демократическое государство – Франция. Мы знаем, что мать Мария неоднократно писала на подобные темы.

Мочульский вспоминал сразу после Второй мировой войны:

«Мать Мария прочитала мне свою статью о тоталитарных государствах и демократии. А в кружке, который собирался на квартире И. И. Фондаминского, она говорила, что “предчувствует неслыханную катастрофу; культура кончена. Мы вступаем во времена эсхатологические... Неужели вы не чувствует, что конец уже близок, “при дверях”? Ее христианство освещено огнем мира и Страшного суда. В духе книги Откровения она заключила: “Наша цель – ускорить конец”»¹⁴.

¹⁴ Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания. // Журнал «Третий час», № 1. – Париж, 1946. С. 72. (Прим. ред.)

Для символического изображения этих политических реалий мать Мария прибегает к аллегории, заимствованной из фольклорной традиции:

«С точки зрения демократически-обывательской, современная картина мира могла бы быть изображена очень обычным образом: некий страшный дракон, как бы трехглавый удав, стережет невинную царевну, попавшую к нему в плен»¹⁵.

Подобное сравнение было ей подсказано византийской легендой «*Чудо святого Георгия о змие*», получившей широкое распространение в русской народной культуре. В этом древнем сказании святому, обладавшему недюжинной силой, удастся освободить девушку из-под власти дракона. Однако, в политической ситуации 1939 года дракон обладает такой силой, что для царевны, олицетворяющей демократию, не остается другого выхода, как уступить обольщению дракона и позволить себя перевоспитать и тоже превратиться в чудовище. Единственная возможность спасения заключена в надежде на то, что три головы змея пожрут друг друга, в акте самоуничтожения. Но такой вариант мало правдоподобен, отчасти потому, что в отдельные государства, управляемые драконом, прежде всего поддерживают его, и в гораздо-меньшей степени – царевну.

«Мне же кажется нужным как-то разобраться беспристрастно в истинной сути и дракона, и царевны и, может быть, вынести нравственный приговор им обоим»¹⁶.

¹⁵ *Мать Мария (Скобцова)*. Воспоминания, статьи, очерки. Т. 1. // Четыре портрета. – Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 296. (*Прим. ред.*)

¹⁶ Там же.

Следовательно, демократия не способна ни вселять уверенность в человека, ни гарантировать ему свободу.

В этой политической сказке одна из трех голов, советский марксизм, обвиняется автором в создании человекобога и разрушении, таким образом, самой сути русской идеи (*idée russe*) – одной из главных движущих сил русской духовной жизни, основанной, по мнению матери Марии, на смиренной и ответственной совести человека. Осудив фашизм, мать Мария, в частности, обвиняет немцев в гнусном нацизме, не оставляющим сомнений в том, что любой тоталитаризм обладает непобедимой и чудовищной силой дракона. Это наблюдение дает нам ключ к тому, почему она прибегает к столь распространенному народному образу – она остается верна славянской духовной традиции, и, вместе с тем, она убеждена, что все тоталитарные системы, хотя и в разной мере, являются воплощением невидимой дьявольской силы, той самой, что придает непобедимость легендарному дракону.

Таким образом, эти два сочинения – одно из которых рациональное и аналитическое, а другое обогащено воображаемыми элементами – совпадают в постановке вопроса и свидетельствуют об ответственном отношении двух женщин к обществу того времени. Но, прежде всего, они демонстрируют, что духовность, обуславливающая общественную и частную жизнь граждан, является единственным принципом, способным приводить человека к решениям, соответствующим человеческому достоинству.

Симона Вейль и Россия

*Свободны те, которые избегли бедности,
или войны, или не имеют нужды
в попечительстве других*

Василий Великий¹⁷

В заключение этих размышлений я хотела бы напомнить, что Жан-Франсуа Дюваль пишет о неодолимой пылкой вере в свободу¹⁸, которая привела Бердяева к радикально новой парадигме, основанной, с одной стороны, на тайне жизни Церкви, а с другой – на образе жизни христиан, укорененном в проживании повседневности. Жизнь матери Марии тоже испытала потрясение от этой «ужасающей свободы» (этот эпитет принадлежит Дювалю (Duval 1992:270), но встречается и в текстах русской эмиграции). Эта вера в свободу привела ее к тому, чтобы руководствоваться только собственной совестью; так же поступала и Симона Вейль, как показывают последние написанные ею страницы, собранные в книге *Attente de Dieu (Ожидание Бога)*. Стремление к подобной свободе руководило этими двумя женщинами в их размышлениях о *condition humaine* (фр. условиях человеческого существования) в Европе тридцатых годов, при сложившейся тогда политической ситуации, приведшей к радикализации борьбы

¹⁷ *Василий Великий*. О Святом Духе. К святому Амфилохию, епископу Иконийскому. / «Творения. Том 1: Догматико-полемические творения. Экзегетические сочинения. Беседы». С. 91. (Прим. пер.)

¹⁸ Ссылка на книгу Jean-François Duval, *Flamboyante liberté: Essai sur la philosophie de Nicolas Berdiaev, visionnaire et prophète de notre temps*. Editions Présence. 1992. (Прим. пер.)

между добром и злом, которой посвящены две главы сборника афоризмов Тяжесть и благодать (*Pesanteur et la grâce*).

Как Бердяев и мать Мария, Симона также многократно обращается к имени Достоевского, она цитирует Ивана Карамазова, по словам которого нужно отвергнуть любую трансцендентальную идею, поскольку она не стоит одной пролитой слезы ребенка (Вейль 1988:90, 95). Эта черта роднит Симону с нашими русскими авторами, особенно это касается идеи теодицеи, как было показано выше. И действительно, она почувствовала, что русские до сих пор ощущают реальность такого конфликта, поскольку она наблюдала за русскими эмигрантами, работавшими на конвейере на сборке Renault, чье поведение выдавало, насколько их души страдали, когда они были вынуждены подчиняться жестоким правилам, обеспечивавшим производительность на заводе. Мать Мария тоже считала, что несчастья русских людей, эмигрировавших во Францию, были в большой мере вызваны насилием материи, лишившей их внутренней свободы и вынудившей их подчиняться ритму нечеловеческих условий (*condition inhumaine*), совершенно чуждых их природе. Это убеждение явно прослеживается и в других шести статьях, которые мать Мария посвятила «русской географии Франции».

Эдит Штайн

*Я понимаю метафизику
как постижение целостной реальности,
включая также реальность,
явленную в откровении, и, следовательно,
основанную на философии и на богословии.*
Эдит Штайн

Личность Симоны Вейль является связующим звеном для встречи сквозь время между матерью Марией и феноменологом Эдит Штайн¹⁹, ставшей католической монахиней с именем Тереза Бенедикта Креста, канонизированной Католической Церковью, что вызвало полемику со стороны еврейских кругов (Herbstrith 1990:17). Немцы причисляют Штайн к плеяде самых выдающихся интеллектуалов XX века, а Симону Вейль нередко с ней сопоставляют, в то время как фигура матери Ма-

¹⁹ Э. Штайн (1891–1942) родилась в Бреслау в еврейской семье с ортодоксальными традициями; Эдит будет сопровождать свою мать в синагогу даже после своего обращения в католицизм. Закончив с отличием школу, она изучает психологию в Университете Бреслау; она занимается феноменологией под научным руководством Гуссерля, первым ассистентом которого она станет в последствии. Через одиннадцать лет после своего обращения в католицизм (1922 г.) Эдит вступает в орден кармелиток, где ей разрешают продолжить ее научную работу. В конце 1938 года, после «хрустальной ночи», когда еврейские магазины были разгромлены, а синагоги подожжены, она переехала в кармелитский монастырь в Эхте, в Голландии. Ее сравнивают с Симоной Вейль (Przywara 1956: 458–472). По мнению некоторых ученых, между Симоной и Эдит даже существовало отдаленное родство. (Прим. авт.)

рии остается в стороне. Жизнь обеих женщин, которых роднит неукоснительная верность самим себе и своим корням, нам представляется весьма показательной для понимания экономических и духовных условий существования женщины в европейском обществе двадцатых-тридцатых годов XX века.

Одна из племянниц Эдит Штайн вспоминает свой разговор с тетей за несколько недель до того, как та взойшла на гору Кармель, и рассказывает, как Эдит ей сказала, что даже став монахиней, она останется единой со своей семьей и еврейским народом, и что став кармелиткой, она никого не покинула (Е. Stein 1987:71). Этот эпизод можно считать первым связующим звеном между этими тремя женщинами, которые, хотя и по-разному, ратовали за идентичность собственного народа.

Две параллельных жизни

*Проблема красоты как самодостаточного понятия
пересекается с природой, с результатами
творческой деятельности человека,
с религией и с тем, что, хотя и невидимо,
но символически проявляется в видимых формах.*

Ю. М. Лотман

Эдит Штайн и Елизавета Юрьевна родились в одном и том же 1891 году, на окраине соответствующих стран: Эдит в Бреслау (ныне Вроцлав, Польша), бывшем до 1945 года столицей Силезии, на восточной границе Пруссии, а Лиза – как мы знаем – в Риге, на Балтийском море (в Латвии, тогда – окраине Российской империи).

Семья Штайн, как по отцовской, так и по материнской линии, происходила из восточно-европейских евреев, а некоторые ее родственники, граждане Польши, избрали немецкое гражданство.

С детства Эдит отличалась способностью к быстрому обучению, для нее «писать сочинения было забавой» (E. Stein 1991:72); как Лиза и Симона, уже в школьном возрасте она была готова помогать тем, кому было трудно.

Ее характер нелегко подстраивался под потребности других. Будучи студенткой, она не уважала тех, кто не разделял ее идеи (Koeperke 1990:49) – в этом Лиза была на нее похожа. В автобиографии Эдит признается:

«Я всегда считала своим правом указывать пальцем, часто с насмешкой и иронией, на слабости и ошибки, короче говоря, на негативные стороны, которые поражали меня в других. Некоторые считали меня очаровательной врединой» (Stein 1990 и Koeperke 1990:56).

Обе женщины почти одновременно совершают свой религиозный выбор: Елизавета Скобцова принимает монашеский постриг в 1932 году в возрасте 41 года, и, отказавшись от традиционного монашеского пути, решает стать монахиней в миру, понимая счастье «в полнейшем отказе от себя и служении людям»²⁰.

Эдит Штайн в 1933 году, в возрасте 42 лет, восходит на Кармель – вступает в самый строгий женский монашеский орден, привлеченная мистикой Иоанна Креста²¹ и прямоотой и духовной силой святой Терезы Авильской.

²⁰ Милютин Т. П. Люди моей жизни. – Тарту: Крипта, 1997. С. 75. Цит. по: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1252> – Дата доступа: 06.04.2021 (Прим. ред.)

²¹ Святой Хуан де ла Крус (1542-1591). (Прим. ред.)

Одинаковый у них и конец жизни. Эдит была арестована немцами 2 августа 1942 года, во время большой голландской облавы, жертвой которой стала также Анна Франк. После тяжелых пыток, 7 августа она была депортирована в концентрационный лагерь, где и будет, едва прибыв в Аушвиц-Биркенау, убита 9 августа, в возрасте 51 года. Мать Мария была арестована 9 февраля 1943 года, и после двух лет, проведенных в концлагерях, во Франции и Германии, ее постигла та же судьба в концлагере Равенсбрюк – 31 марта 1945 года в возрасте 53 лет она была убита в газовой камере, как и Эдит Штайн.

Таким образом, мы наблюдаем значительные биографические совпадения. Но я считаю, что между двумя женщинами существует и большая духовная близость. Мы знаем, что любовь к ближнему была главной движущей силой матери Марии. Эдит Штайн, в свою очередь, признавалась: «Я люблю реальность человеческой души, реальность каждого отдельного человека и реальность народов» (Briefe 1991: 115). Она также любила «всем сердцем бездомных, живущих на улице» (Herbstrith 1995: 72) и, уже будучи монахиней, она разделяет судьбу тех, кто вверит ей себя, служа им в евангельском духе.

Еще одна особенность, присущая им обеим – это чувство духовного и трансцендентального материнства. Для Е. Ю. – «всеобъемлющее материнство»; для Эдит

«Материнство было духовной концепцией, озарением и созревaniem личности, которое должно характеризовать каждую монахиню» (там же 77).

Кроме того, Штайн

«старалась богословски осмыслять свою христианскую веру, понимая Духа Святого в тайне Троицы как женский элемент – в этом она следует ветхозаветной традиции, согласно которой Дух Божий – ruah – имеет женский род». (Herbstrith 1993:41)²².

Актуальность подобной аргументации находит подтверждение в недавно изданной книге *Die Weiblichkeit des heiligen Geistes* (Женственность Святого Духа), под редакцией Элизабет Мольтман-Вендель²³, в которой глубоко изучена библейская проблема ruah – Святого Духа, сошедшего в Пятидесятницу на апостолов, как нам известно из евангельских текстов. С другой стороны, указание на женское измерение по отношению к Святому Духу привлекает внимание к Софии, в том смысле как ее понимал отец Сергей Булгаков, а именно как женской эманации Троицы (эта теория доставила множество проблем русскому богослову). Подобные убеждения не были чужды и матери Марии.

Эдит, как и мать Мария, и Симона Вейль, также привлекает внимание к тревожным историческим и политическим событиям своего времени. Уже в молодые годы, Эдит пишет:

«Я стала членом новой немецкой демократической партии, и даже возможно меня скоро выберут в прав-

²² Еще одно косвенное подтверждение можно увидеть в рекомендации другу прочитать роман *Ewige Frau* («Вечная женщина») баронессы Гертруды Фон Ле Фор, посвященный проблеме духовного материнства в третьей части, озаглавленной «Zeitlose Frau». (Прим. авт.)

²³ *Die Weiblichkeit des Heiligen Geistes. Studien zur Feministischen Theologie* Hg. v. Elisabeth Moltmann-Wendel, Gütersloh 1995. (Прим. пер.)

ление партии [...] Крах системы убедил меня, что все кончено; те, кто любит свой народ, естественно, стремятся внести свой вклад в создание для него новой формы жизни [...] Я беру на себя обязательную просветительскую работу, чтобы побудить женщин бороться за право голоса» Briefe 1991:111).

Таким образом, жизнь Эдит руководствуется девизом: «Мы живем в этом мире, чтобы служить человечеству» (Коерке 1990:68). Во время Первой мировой войны с этим духом она служила медсестрой Красного Креста для своего народа (немецкого), и тогда военные события побудили ее написать следующие слова: «У меня больше нет личной жизни, вся моя энергия принадлежит этому великому событию» (Коерке 1990:86). В 1917 году она чувствовала себя грустной и угнетенной, потому что из-за своих учебных обязательств «она ничего не делает для своей страны» (Briefe I, 1976:17); в 1925 году она опубликовала эссе *Über den Staat* («О государстве»). На протяжении всей своей жизни она будет защищать демократические принципы, что выразилось, в том числе, в 1938 году в совете сестрам по ордену не голосовать за Гитлера. Такое отношение свидетельствует об ответственном и мужественном политическом сознании, подобное мы наблюдаем и у Симоны Вейль, и у Лизы в годы революции.

Воодушевленная духом демократии, Эдит Штайн в 20-е годы будет бороться за равенство между мужчинами и женщинами: сначала за право голоса, затем за партнерство. Она исходила из убеждения, что «навсегда мирная Европа» сможет появиться только в том случае, если женщина будет «способна выполнять задачи,

возложенные на нее новой конституцией Германии». С этой уверенностью она едет в Германию, Австрию, Швейцарию и Прагу в качестве странствующего секретаря католического женского движения, чтобы пропагандировать свои идеи о положении женщин. Фактически, она хотела облегчить женщинам доступ ко всем профессиям и, в частности, к университетской карьере, о которой она знала по личному опыту, а также к получению степени доктора наук²⁴. Блестящей ученице Гуссерля пришлось смириться и отказаться от своей карьеры²⁵, потому что ее учитель, хотя ее и уважавший, не признавал, что женщина может справиться с постановкой и решением философских задач²⁶.

Как и мать Мария, Эдит Штайн была убеждена, что не существует таких профессий, которые женщина не

²⁴ Она была первой женщиной, «чей голос прозвучал под древними сводами Гейдельбергского университета» (Herbstrith 1995:75). В Бреслау она была частью группы, занимавшейся продвижением образовательных и педагогических реформ, Эдит писала о социальных учреждениях; в группе демократических женщин она защищала общественную и профессиональную роль женщин. *(Прим. авт.)*

²⁵ Женщин допустили в обучение в университетах Пруссии (этого «важнейшего немецкого государства») только в 1908 году, за три года до 1911 года, когда Эдит поступила в Университет Бреслау (Коекер 1990:42–43). *(Прим. авт.)*

²⁶ По этой причине Эдит оставила пост ассистента Гуссерля, который не хотел обсуждать с ней научные проблемы, но она всю жизнь оставалась предана «Учителю». Затем Эдит неоднократно предпринимала попытки защитить докторскую диссертацию в других университетах, но к традиционным ограничениям для женщин, избравших научную карьеру, добавились личные трудности, еще более осложненные тем фактом, что Эдит была еврейкой и, более того, обратилась в католицизм. *(Прим. авт.)*

могла бы освоить и практиковать, и она это продемонстрировала в молодые годы, поступив на факультет теологии, а позднее – выдвинув свою кандидатуру на пост мэра; и опять же, активно занимаясь социальной работой.

И наконец, Эдит Штайн, Симона Вейль и мать Мария были авторами множества произведений. Как мать Мария, Эдит тоже пыталась выразить свои мысли в стихах, а также сочинять диалоги и небольшие «пьесы», которыми в молодости она развлекала друзей и родственников; а уже будучи монахиней, она писала «диалоги» для праздников в своей монашеской общине²⁷. Мать Мария писала поэмы и «мистерии», публицистические и богословские статьи; обе они занимались составлением агиографических текстов²⁸. А Симона Вейль сочинила политическую драму, вдохновленную, кроме прочих, трагедией Томаса Отуэя («Спасенная Венеция», 1682), в которой Симону привлекли темы заговора и злоупотребления служебным положением.

²⁷ Сохранились три диалога, из которых второй посвящен святому Амвросию, он был сочинен по случаю праздника настоятельницы, носившей имя святого. (*Прим. авт.*)

²⁸ Э. Штайн посвятила свои «жития» преимущественно женщинам, таким как св. Елизавета, а мать Мария предпочитала юродивых. В пьесе «Анна» мать Мария, напротив, отстаивает свой монашеский выбор перед традиционалистами. (*Прим. авт.*)

Между Востоком и Западом

*Даже когда Запад не был так увлечен
христологией, как Восток, а последний
не интересовался западными дискуссиями
о тяжести греха и благодати,
догматическое единство
никогда не подвергалось сомнению.*

Фадей Ловски

Важно упомянуть, что семья Штайн жила в Бреслау, городе между двумя мирами, соединительной линией которых была река Одер. Говорят, что в кирпичных домах этого города проступает меланхолическое очарование восточного мира, а церкви и ратуша Бреслау словно приветствуют Гданьск (Herbstrith 1987:15). На эту двойственную культурную сущность города обращает внимание высказывание отца Эриха Пшивары:

«Природным инстинктом своей расы она всегда знала, что Авраам, отец язычников и евреев, был родом из Ура, хотя она во всем своем мышлении была связана с рациональным Западом. Именно эта позиция между Востоком и Западом и есть то, что пока мешает нам понять истинную глубину фигуры и творчества Эдит Штайн». (Stein 1987:10).

Эти слова теолога, историка религий, бывшего родом из Восточной Европы, заставляют нас задуматься об отношениях между Западом и Востоком в жизни и идеологии Эдит, имея в виду, что Пшивара, вероятно, прежде всего намекает на ее еврейские корни. Эта попытка также находит поддержку у Бердяева, который в

1930 году подчеркивал близость Пшивары к феноменологической метафизической мысли, считая последнюю более близкой к русской мысли, чем к западному «рационализму» (Бердяев 1930:117), к которому принято относить Штайн. Русский философ убежден, что понятие *In-der-Welt-sein* (Бытие-в-мире), типичное для немецкой феноменологии, близко к отношению русских к быту – это замечание представляет значительный интерес для предпринятой здесь попытки, несмотря на то, что я не считаю, что способна должным образом проанализировать философские аспекты, выходящие за рамки моей компетенции.

На мой взгляд, происхождение Эдит Штайн из Восточной Европы способствовало становлению ее оригинального подхода к философскому миру: как только она познакомилась с феноменологией Гуссерля, она осознала важность *Einfühlung* (нем. эмпатии), «вчувствования», способности «всмотреться в суть человека», которую можно было бы назвать «славянской чертой» и которая, среди прочего, отличает Бердяева, как мы видели ранее. Эмпатия побуждает русского философа утверждать, что в феноменологии есть дорогие ему персоналистские прозрения. Однако он жалуется, что заметил у жителей Запада отсутствие идеи активного сотворчества, которая, возможно, была не чужда Эдит Штайн и Эриху Пшиваре (Бердяев 1930:118). Эта близость к русской мысли, которую я, как мне кажется, смогла уловить, придает западному рационализму Эдит некоторую гибкость восточного образца – еще один из элементов, повлиявший на ее склонность к мистицизму, характерному для православной религиозности.

Много было сказано и написано об обращении Эдит, о влиянии Терезы Авильской. В настоящее время, однако, наметился и другой подход, а именно – попытка исследовать ее постепенное и медленное приближение к христианству, которое продолжалось много лет, до того, как во время Первой мировой войны состоялось ее окончательное обращение. Таким образом, чтение жизни святой Терезы представляет собой кульминацию ее духовных поисков (Herbstrith 1971:70, Koepeke 1990:122 ff.; Wimmer 1991:198). Также следует иметь в виду, что речь идет об особом типе обращения – вначале Эдит была агностиком, и она стала католичкой, потому что в ней вызрела христианская идея (Gerl 1991:31). Эта точка зрения побуждает меня уделить более пристальное внимание ее постепенному присоединению к христианству во время Первой мировой войны и эпохи политических и идеологических потрясений, произошедших в странах Восточной Европы, к которым Штайн была неравнодушна:

«Сказать что-то о русской революции представляется весьма затруднительным в свете противоречивых новостей, которые мы получаем ... Революция может быть спасительной для России, только если это настоящая русская революция, а не импортированная из Западной Европы» (Briefe 1991: 46–47).

В Бреслау было принято уделять внимание политическим событиям на востоке, и Эдит следила за ними с опасением: она расспрашивала у Романа Ингардена, одного из своих коллег по феноменологическому кружку, о политической ситуации в Польше, она хотела узнать о судьбе патриотов, таких как Костюшко, Домбровский,

Чарторыйский. В другом письме она просит подругу прислать ей национальную поэму «Пан Тадеуш» поэта Мицкевича, которую она хотела бы прочитать на языке оригинала. Она просила прислать и другие польские романы, ее беспокоили отношения между Польшей и Германией. При этом она была убеждена, что тяжелые послевоенные обстоятельства в Германии несопоставимы с героической жизнью

«...польских патриотов последних 150 лет. Сохранение доверия к своему народу среди стольких превратностей – это больше, чем может вынести добродетельная гордость римлянина, неспособного вынести унижение» (Briefe 1991:102).

Но взгляд Эдит был постоянно обращен в сторону России, что подтверждают слова из ее писем, сопровождающие рассказ о найденных в доме одного друга произведениях Достоевского:

«Я сразу же погрузилась в чтение «Братьев Карамазовых» и должна признаться, что давно *изголодалась* по русскому роману» (Briefe 1991:44).

Вскоре после этого мы читаем в другом письме:

«Пожалуйста, прочтите книгу «Братья Карамазовы» целиком. Я попросила ее в подарок на день рождения (чтобы дать почитать на праздники моей сестре), и она волнует меня каждую ночь перед сном. Это действительно моя любимая книга ... Мне стоит только открыть ее, чтобы еще раз убедить себя, что Россия *не может погибнуть сейчас*, потому что *впереди у нее большое будущее*, несмотря на непреодолимый хаос, который там сейчас царит, а может, и благодаря ему. В этом хаосе

скрыты не только неизмеримые физические силы, но, прежде всего, духовные силы, которые из всех сил пытаются проявить себя зримо и, безусловно, не погибнут, пока не найдут адекватную форму, которая принесла бы плоды» (Herbstrith 1995:9; Briefe 1991:100).

Можно было бы предположить, что размышления о Достоевском способствовали созреванию религиозного сознания Эдит и что она почувствовала, что именно это сознание – подлинный герой «Братьев Карамазовых». Более того, чтение произведений Достоевского подсказало ей, что Россия наделена жизненной силой, способной сопротивляться, и что, несмотря на внешнюю видимость, Россия обладала большими ресурсами для будущего. Наконец, эти строки показывают, что она смогла приблизиться к теодицее, к изначальному аспекту идеологии Достоевского, чьи произведения пронизаны муками борьбы между добром и злом. Также удивительно, что она почувствовала потенциал «жизненных сил», которыми обладала Россия, и эта мысль сближает ее с матерью Марией и Бердяевым, но она также интуитивно выражает сформулированную Вячеславом Ивановым концепцию *идей-сил*, на которых зиждется исключительная жизненность и *энергия*, которые кристаллизуются в персонажах Достоевского. Думаю, уместно сказать, что эти идеи Штайн перекликаются с мыслями матери Марии по поводу «Братьев Карамазовых», изложенными в ее небольшой монографии, посвященной Достоевскому.

Подобные прозрения можно найти в идеях Штайн, в ее медитации, посвященной тайне Рождества, которую она сочинила уже в качестве монахини:

«Тайна воплощения и тайна зла тесно связаны. На фоне сошедшего с неба света резко выделяется темная, угрожающая ночь греха» (Herbstrith 1987:57).

Эта мысль, выраженная почти в интонации Достоевского, наводит на мысль западного философа о том, что радость колыбели не должна заставлять нас забывать о реальности страдания, о распятии.

Другие случайные находки привели меня к предположению о том, что религиозному созреванию Эдит способствовали дополнительные русские элементы. А пока ограничусь одним примером. Сын философа Б. Розенмюллера, хорошего друга Штайн во время ее пребывания в Мюнстере, говорит, что она «распространяла» русскую литературу, и посоветовала его отцу прочитать рассказ Н. С. Лескова *Запечатленный ангел*. В этой истории подчеркнута духовная прозрачность изографа, который, руководствуясь церковным канонном, создает своей рукой иконописный образ. Этот рассказ имел большой успех в Германии 1930-х годов, потому что он превозносил динамичный заряд русской духовной красоты (Rosenmüller 1990:280).

На данный момент существует несколько оснований (немного, но значительных), для того, чтобы утверждать, что восточная культура сыграла важную роль в формировании Эдит и подтверждающих точку зрения Пшивары.

Духовность

*Отблеск Твоей Божественной славы
видим нами: это свет простой, свет приятный;
как свет она открывается, как свет она, я думаю,
соединяется вся с нами, вся целиком,
с Твоими рабами*

Симеон Новый Богослов

Богатое наследие биографий, мемуаров и исследований, посвященных Эдит Штайн, демонстрирует, что в своих религиозных поисках она всегда сохраняла верность себе, внутренней свободе и истине – эти основополагающие элементы сближают ее с Симоной Вейль и матерью Марией. Следует добавить, что если следовать Терезе Авильской – святой, которой Эдит так восхищалась – можно прикоснуться к этим ценностям, благодаря внутренней молитве. Эта молитва, называемая также сердечной или Иисусовой молитвой, лежит в основе русской духовности и традиции исихастов, ее с XV века практиковали монахи-отшельники Поволжья и Паисий Величковский. Я убеждена в том, что когда мать Мария признавалась, что в некоторые моменты она чувствовала себя подавленной «разрушительной духовной свободой», «призывом, исходящим от Божьего гласа», которому она не смогла бы противостоять посреди вихря земных вод (Мать Мария 1949:31), она имела в виду подобный молитвенный опыт.

Однако Мочульский, говоря о конце тридцатых годов, добавляет, что в ее внутреннем пути есть точный мистический маршрут:

«Мать Мария заперлась в своей комнате и с утра до вечера печатала на своей машинке статью “Мистика

человекообщения”. “Это тема моей жизни, – говорит она. – Почему лестница восхождения к Богу описана так подробно и тонко? Существует бесчисленное множество руководств и инструкций по отношениям с Богом, но ничего не написано о мистике межличностных отношений. Путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. Человек создан по подобию, он – образ Бога, храм Святого Духа, нетленная икона Бога. Межличностные отношения – это великая тайна и таинство”»²⁹.

Чтобы достичь сердечной молитвы, нужно, согласно Терезе Авильской, обнять крест – это центральный жест религиозной жизни Эдит, что подтверждает ее последнее произведение «Наука креста» (*Scientia Crucis*), в котором, после темной ночи страдания, она восходит, вместе с Иоанном Креста, к мистическому Божественному свету. Этот духовный путь смог осуществиться в ней благодаря внутренней молитве, которую Эдит почти наверняка практиковала.

Путь матери Марии очень похож – перенесенные мучительные испытания привели ее к подножию креста, занявшего центральное место в ее жизни, которую можно сравнить с ежедневным распятием:

Во имя крестное, во имя крестных уз,
Во имя крестной муки, Иисус,
Я делаю все дни мои Твоими³⁰.

²⁹ Мочульский К. В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания. // Журнал «Третий час», № 1. – Париж, 1946. С. 70. (Прим. ред.)

³⁰ Мать Мария. Стихи. – Париж: Издание общества друзей матери Марии. 1949. [4]. (Прим. ред.)

Идея креста присутствует также в нескольких ее рисунках, и, по словам Милютиной:

«Композиции ее икон были всегда необычны. Например, уже позднее я видела ее икону Страстного Благовещения (иногда Страстная Пятница приходится на 25 марта). Вместо лилии в руках архангела был крест»³¹.

[Есть свидетельство, что в концлагере Равенсбрюк мать Мария начала вышивать икону Божией Матери, обнимающей крест с распятым Младенцем. Этот сюжет мог быть навеян фреской Марселя Ленуара, увиденной ею в католическом институте в Тулузе. На фреске была изображена Богородица с крестообразно распластанным Младенцем Христом. Вышивка исчезла, но осталось ее описание, благодаря соузнице м. Марии по лагерю Е. А. Новиковой, и по нему впоследствии был сделан рисунок. Сюжет этот очень символичен и значим для судьбы м. Марии и для ее мироощущения.]

В своей статье, которая называется «Прозрение в войне», она пишет:

«Перед каждым человеком всегда стоит эта необходимость выбора: уют и тепло его земного жилища, хорошо защищенного от ветра и от бурь, или же бескрайнее пространство вечности, в котором есть одно лишь твердое и несомненное, – и это твердое и несомненное есть крест»³².

³¹ Милютина Т. П. Люди моей жизни. – Тарту: Крипта, 1997. С. 74. Цит. по: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=1252> – Дата доступа: 06.04.2021 (Прим. ред.)

³² Мать Мария. Стихотворения, поэмы, мистерии. Воспоминания об аресте и лагере в Равенсбрюк. // Прозрение в

«Из своего страдающего состояния мать Мария постепенно восходит к свету Фавора, сияние которого занимает центральное место в русской духовности и представляется иконостасом – символом мистического восхождения к этому свету. Эдит входит в него, руководствуясь символическим богословием Дионисия Ареопагита, которое открыло ей, что через ангелов переполняющая любовь и блаженство Бога будут дарованы, а отчасти уже дарованы и нам» (Briefe 1977:109)³³.

По словам философа-бенедиктинца, Эдит ощущала в себе стремление достичь непрерывного созерцания Света как в жизни, так и в науке, из чего следует, что Эдит пыталась

«...охватить великое содержание человеческого существования, которое она воспринимала во всем единстве вселенной и бытия» (Herbststrith 1990:300).

Следовательно, мы можем говорить об определенном созвучии между Эдит Штайн и русским мистико-философским видением; как и мать Мария, Штайн стремилась найти духовный синтез между мистикой, творчеством, социальной работой и наукой.

Еще одну связь можно увидеть в подходе Эдит к Ареопагиту, который лежит в основе ее мистико-философской концепции:

войне. – Paris. La presse française et étrangère. Oreste Zeluck, Editeur. 1947. С. 136. (Прим. ред.)

³³ В 1938 году, выражая некоторое недоумение по поводу стихов одного знакомого, Штайн утверждает, что ангелы не являются преградой между человеком и Богом, поскольку, согласно Дионисию, они освещают все своими лучами, пронизывающими девять хоров и всю духовную сферу, которой касается прикосновение благодати. (Прим. авт.)

«Отцы церкви указывали на христианство как на свою «философию», потому что они видели в нем достижение чаяний греческих философов и использовали доктрины веры в качестве философских концепций. Таким образом, христианская философия не отличалась от богословия» (Е. Stein 1992:49)³⁴.

Отождествление философии и теологии затрагивает самую суть восточной мистической мысли, сформулированной Евагрием Понтийским: Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься — то ты богослов. В этом богословии человек, его разум и дух мистически соединяются с Богом. Мне кажется, что Эдит Штайн стремится к аналогичному синтезу, когда утверждает, что, согласно Дионисию, Даниил, Иезекииль и апостол Петр были богословами не потому, что они были авторами богословских произведений, но потому что

«...вдохновленные, охваченные Богом, они говорят о Боге, или Бог говорит через них. В этом смысле ангелы также являются богословами, и высшим среди всех является Христос, живое Слово Бога. Действительно, в конце концов мы вынуждены называть Бога “изначальным богословом”» (Stein, 1991:177)³⁵.

³⁴ Существуют также и другие упоминания отцов, которые, наряду со Священным Писанием, составляют для Штайн самый ценный духовный источник; в частности, она ценит труды Василия Великого как важные для религиозности Кармелитского ордена (Brieft II 1976: 107). (Прим. авт.)

³⁵ Эта мысль была сформулирована Э. Штайн в *Journées d'Etudes de la Société Thomiste* (1932) в ответ на вопрос о том, как, по ее мнению, можно определить христианскую философию. (Прим. авт.)

Мать Мария также склонялась к подобной духовной концепции, хотя и не столь категорично. То же самое можно сказать о Симоне Вейль, которая стремилась прийти к христианской метафизической идее, укорененной в христианской и дохристианской традиции. Интерес, проявленный к Ареопагиту, наводит меня на мысль, что духовная ориентация Штайн в целом довольно близка к мистической философии или теологии, которые в конечном итоге привели бы ее к *религиозной философии*, как ее понимали Бердяев и мать Мария. Гипотеза Пшивары об укоренённости Эдит Штайн в восточном мышлении находит, на мой взгляд, подтверждение в сопоставлении духовности Штайн и мистико-религиозного видения, типичного для русского мира.

Перевод с итальянского

Ирины Волковой

под редакцией

Наталии Большаковой-Минченко

Брат Адальберто Майнард

**«БЛАЖЕННЫ НИЩИЕ ДУХОМ».
БЫТЬ МОНАХИНЕЙ
ВО ВРЕМЕНА БОГООТСТУПНИЧЕСТВА:
МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА)**

В 1932 году митр. Евлогий (Георгиевский)¹ согласно канону и с согласия мужа Елизаветы Юрьевны – Д. Е. Скобцова, дал им церковный развод и назначил совершение монашеского пострига на 16 марта. Поначалу митрополит надеялся, что Е. Ю. станет основоположницей женского монашества в эмиграции. Однако вскоре он понял, что ее призвание – это служение в миру, монашество в миру. Митр. Евлогий совершил постриг Е. Ю. и дал ей имя Мария в честь преподобной Марии Египетской. Сестра Иоанна (Рейтлингер, 1891–1988), присутствовавшая в церкви во время пострига, вспоминала, что в проповеди, после пострига, митр. Евлогий благословил мать Марию идти вместо пустыни со зверями, бывшей местом подвига Марии Египетской, – в мир к людям, которые, порой, страшнее зверей. Еще он сказал, что местом ее аскезы будет «пустыня человеческих сердец».

«Приняв монашество, мать Мария, – пишет митрополит, – принесла Христу все свои дарования. В числе их – подлинный дар Божий – умение подойти к сбив-

¹ Управляющий русскими православными приходами в Западной Европе (с 1921); с февраля 1931 года – архиепископией православных церквей русской традиции в Западной Европе в юрисдикции Константинопольского Вселенского патриархата.

шимся с пути, опустившимся, спившимся людям, не гнушаясь их слабостей и недостатков. Как бы человек ни опустился, он этим м. Марию от себя не отталкивает. Она умеет говорить с такими людьми, искренно их жалеет, любит, становится для них “своим” человеком: она терпит их радостно, без вздохов и укоризны, силится их поднять, но умело, т.е. не подчеркивая уровня, с которого они ниспали»². [...]

«Но монашеской общины, о которой м. Мария мечтала, у нее не вышло»³.

«Есть дороги одинокие, не связанные с другими дорогами, – писала Елизавета Юрьевна в 1927 г. – И есть дороги, как бы взаимно обуславливающие свое бытие, необходимые главным образом по своей взаимной связанности. [...] Один из таких путей, обусловленный наличием другого пути, – это путь земли. [...] В путях земли много труда и пота. И трудом, и потом, и слепотой, и жалостью – земля свята»⁴.

Именно в радикальной верности земле, в жгучей близости к человеку, отрекшемуся от Бога, сегодня можно идти по стопам Христа, быть с Ним человеком, а в Нем – Сыном, послушным и возлюбленным Богом... В то время, когда на роковой волне Октябрьской революции внезапно рухнуло тысячелетнее русское христианство, когда на Западе распространялось

² *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. – М.: Московский Рабочий. Издательский отдел всецерковного православного молодежного движения, 1994. С. 495.

³ Там же.

⁴ *Мать Мария (Скобцова).* Воспоминания. Статьи, очерки. Том II. // Святая земля. – Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 182–184.

неоязычество нацистского тоталитаризма, вера тоже была призвана радикально жить по-другому. И Слово Евангелия приходит в этом очищенном переживании, оно открывает глубины, которые еще не известны, еще не поняты...

Там было молоко и мёд,
И соки винные в точилах.
А здесь – паденье и полёт,
Снег на полях и пламень в жилах.

И мне блаженный жребий дан, –
В изодранном бреду наряде.
О, Русь, о, нищий Ханаан,
Земли не уступлю ни пяди.

Я лягу в прах, и об землю лбом,
Врасту в твою сухую глину.
И щебня горсть, и пыли ком
Слились со мною в плоть едину⁵.

В новой ситуации, в эмиграции, мать Мария переосмысляет самые основы христианства, сущность христианского монашества, радикальное значение монашеских обетов – не только в материальном, но и в духовном плане. По поводу нестяжания, она пишет:

«Для многих обетование блаженства нищим духом кажется непонятым. Непонятым кажется, что подразумевается под выражением нищета духа. Некоторые изуверы считают, что есть обеднение духа, освобож-

⁵ *Монахиня Мария*. Стихи. – Берлин: Петрополис, 1937 (репр. изд. без даты). С. 11.

дение его от всякой мысли, чуть ли не утверждение греховности всякой мысли, всякой интеллектуальной жизни. Другие, не приемля такого толкования, готовы считать слово “духом” чуть ли не вставкой в подлинный евангельский текст. [...]

Обет нестяжания может быть и должен быть расширен и на духовную область, человек дающий его, должен отказаться и от духовного стяжания, что дает ему нищету духовную, за которую обещано блаженство. Но что такое духовное нестяжание? [...]

Христос учил нас полагать душу свою за други своя. Вот это полагание души, эта отдача её и есть то, что делает человека нищим духом. В общежитии же наоборот, даже при самом отрицательном отношении к стяжанию материальному, мы привыкли считать духовное бережение себя чем-то положительным. Оно же есть самый страшный, потому что «нематериальный», а духовный грех. Таким образом, духовно понимаемая добродетель нестяжания должна делать человека открытым миру и людям. Внецерковная жизнь, а частью и искаженно понимаемое христианство, приучили нас к накоплению внутренних богатств, приучили нас к внешнему любопытству, – т.е. жадность по отношению к духовному миру наших близких. [...]

Христос не знал меры в своей любви к людям, – и Он в этой любви умалил Своё Божество до воплощения и принял на себя страдания вселенной. В этом смысле Он учит нас Своим примером не мере в любви, а абсолютной и безмерной отдаче себя, определяемой положением души за други своя.

Без стремления к такой отдаче нет христианства, нет следования по пути Христову.

И не Христос, а внехристианский идеал говорит нам о накоплении внутренних и внешних богатств. Мы знаем, к чему этот идеал приводит, мы знаем царящей в мире эгоизм и эгоцентризм, мы знаем, как сосредоточены люди на себе, на своем благосостоянии, на своем душевном покое на самых разнообразных интересах. [...]

Отдавая их, отдавая себя целиком, весь свой внутренний мир, полагая душу свою, человек делается нищим духом, который блажен, потому что его есть Царство Небесное, по обетованию Спасителя, потому что он становится владельцем нетленного и вечного богатства этого Царства, и становится сейчас же, здесь, на земле, приобретая радость немерянной, самоотдающейся и жертвенной любви, легкость и свободу нестяжания»⁶.

Только нищие духом, только те, кто «полностью отрекся от всего самого себя», от всякой идеи быть кем-то: святым, кающимся грешником или церковным человеком, «могут жить во всей полноте обязательств, проблем, успехов и неудач, переживаний, недоразумений, могут броситься в объятия Божьи: тогда они уже не будут серьезно относиться к своим страданиям, но к страданиям Божиим в этом мире»⁷. Это – слова Дитриха Бонхёффера, также заключенного в тюрьму нацистским режимом, также лишённого всех планов о себе, также близкого к блаженству, которое прославляет

⁶ Мать Мария (Скобцова). Воспоминания. Статьи, очерки. Том I. // Нищие духом. – Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 231–233.

⁷ Dietrich Bonhoeffer, *Widerstand und Ergebung: Briefe und Aufzeichnungen aus der Haft*, edd. E. Bethge, R. Bethge, Ch. Gremmels, I. Tödt, Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus 1998.

русская монахиня: и он сам, подобно ей, положил свою душу за други своя только девять дней спустя.

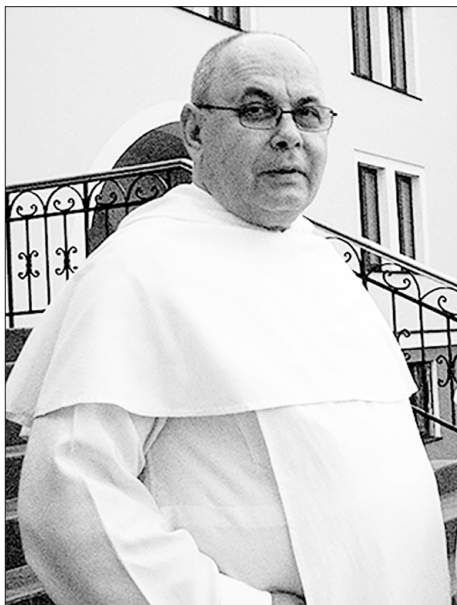
В записной книжке (31 августа 1934) матери Марии есть такие слова о двух возможных путях: «Есть два способа жить: совершенно законно и почтенно ходить по суше, – мерить, взвешивать, предвидеть. Но можно ходить по водам. Тогда нельзя мерить и предвидеть, а надо только все время верить. Мгновение безверия, – и начинаешь тонуть»⁸.

Бозе, Италия

09.12.2020

⁸ *Сергий Гаккель, прот.* Мать Мария. – Paris: YMCA-PRESS, 1992. С. 11.

IN MEMORIAM

*Священник
Александр Хмельницкий
(1942–2021)*

9 мая 2021 г. на 80-м году жизни скончался священник, монах-доминиканец Александр Хмельницкий.

Родился 21 февраля 1942 года в Москве в обычной советской семье, вне какой бы то ни было религиозной традиции. Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ в 1965 г. где изучал индийские языки; был переводчиком. В 1980 году принял крещение в Католической Церкви; в 1989 г. стал монахом Доминиканского ордена и священником.

В 1991–2001 годах служил настоятелем прихода Фатимской Божией Матери в Москве.

С 1991 по 2009 годы был главным редактором христианского журнала и издательства «Истина и Жизнь».

В 2008–2009 гг. был директором Информационной службы католической Архиепархии. С 2009 года находился на покое.

Пётр Сахаров

Пётр Дмитриевич Сахаров родился в Москве. Филолог, востоковед, литургист. Кандидат филологических наук. Участвовал в переводе на русский язык и подготовке русских изданий основных богослужебных книг Католической Церкви латинского обряда. Был одним из редакторов и автором многих статей раздела «Литургика» в российской «Католической Энциклопедии». В 1992–95 гг. работал редактором-консультантом в издательстве «Истина и Жизнь», которым руководил отец Александр Хмельницкий.

Член международной музыкально-литургической ассоциации «Unīversa Laus». Много занимался христианской журналистикой и публицистикой, в течении ряда лет возглавлял католическое радио «Дар» в Москве. Преподает литургику и гимнографию в московском Институте святого Фомы.

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ХМЕЛЬНИЦКИЙ

Я познакомился с отцом Александром Хмельницким в 1989 году. Я искал в Москве такую католическую общину, где совершалось бы уже реформированное богослужение на русском языке. Ведь в храме св. Людовика (единственном в то время действующем католическом храме Москвы) службы сохраняли еще множество дореформенных элементов, да и русский язык, если и присутствовал, то был весьма своеобразным. И оказалось, что есть в Москве уже зарегистрированная католическая община св. Владимира и что руководил ею священник Александр Хмельницкий, для которого русский язык – родной. Мессы по воскресеньям и

праздникам совершались на квартире Натальи Леонидовны Трауберг. А помимо этой общины существовал католический клуб «Духовный диалог», проводивший разные мероприятия просветительского характера, и в его деятельности тоже участвовал отец Александр. Я сразу же активно подключился и к работе клуба, и к жизни этой общины, вскоре ставшей самостоятельным приходом в честь Фатимской Божией Матери, настоятелем которого официально был назначен отец Александр. Не имея собственного помещения, этот приход проводил свои богослужения в храме св. Людовика.

Будучи священником, отец Александр был к тому же монахом Ордена проповедников, то есть доминиканцем. И это обстоятельство меня довольно долгое время очень удивляло. Я не мог понять, почему он выбрал именно этот монашеский орден. Мне казалось, что по складу своему отец Александр совершенно не соответствовал призванию этого ордена. Доминиканец в моем представлении должен был быть пламенным проповедником, который блистал бы ярким красноречием. Но отец Александр был человеком тихим и очень замкнутым, да к тому же – при всем своем бесспорном интеллектуальном потенциале и огромной эрудиции – не отличался ораторскими способностями. Зачем ему доминиканский орден? Мало ли в нашей Церкви других монашеских институтов, которые больше соответствуют его дарованиям и его подлинному призванию? Но позже я понял, что он был именно проповедником. Настоящим проповедником Христа, возвещавшим Его Благоую Весть современным людям в нашей стране. И возвещавшим ее очень интенсивно и очень плодотворно. Просто он делал это в основном не посредством

проповеди с церковного амвона, а другими, не менее важными и не менее действенными путями, где нашел подлинное применения своим талантам.

Конечно, в первую очередь, следует назвать издательство «Истина и Жизнь», созданное по его инициативе и успешно работавшее под его руководством много лет. Информационный листок «Истина и Жизнь», первоначально издававшийся на ротاپринте, вскоре стал полноценным католическим журналом. И если поначалу этот ежемесячник был предназначен только для утоления информационного голода русских католиков, то очень скоро отец Александр понял, что журнал не должен быть печатным органом местного католического «гетто», и сумел придать ему более широкий профиль, сделав его христианским журналом, говорящим о христианских ценностях через призму самых различных проблем как Церкви, так и внешнего мира, как истории, так и современности, как науки, так и художественной культуры, – журналом, который многим людям стало очень интересно читать. А помимо журнала издательство «Истина и Жизнь» публиковало много книг – включая и богослужебные книги, и просветительские, и художественную литературу.

Нельзя не упомянуть и другого важного, хотя и не столь заметного аспекта деятельности отца Александра Хмельницкого. Я имею в виду его вклад в подготовку русских переводов богослужения Католической Церкви, особенно на первоначальном этапе этой долгой работы. Вот и здесь по-своему проявилось его призвание проповедника.

*Москва
Май 2021*

СОДЕРЖАНИЕ

Найти в себе истинное христианство.....	5
---	---

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Похвала Мастеру.....	9
----------------------	---

Иеромонах Иосиф (Киперман)

Слово отцу Владимиру про отца Владимира	13
---	----

Свящ. Владимир Лапшин

Отцу Владимиру Зелинскому – к его 80-летию	16
--	----

Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон

Полвека на службе Истины:

к 80-летию о. Владимира Зелинского	18
--	----

СОВРЕМЕННЫЕ ЦЕРКОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Прот. Дмитрий Сизоненко

«Христианство только начинается»	33
--	----

Свящ. Владимир Зелинский

Наследие отца Александра Меня и

его три послания	41
------------------------	----

Владимир Френкель

Заметки на полях

<i>Христианство в нашей жизни и в истории</i>	68
---	----

Прот. Дионисий Мартышин

Свящ. Павел Бочков

Эсхатология свободы и творчества:

к богословской мысли протоиерея

Александра Меня 86

Иеромонах Иосиф (Киперман)

О Церкви Христовой..... 102

Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон

Отец Александр Шмеман: дар апостольства..... 125

Аббат Мишель ван Парейс

Церковь Христова и поместные церкви

в апокалиптические времена

(Пер. с французского) 210

СЛОВО ПАСТЫРЯ

Архим. Виктор (Мамонтов)

Проповеди..... 229

Свящ. Владимир Лапшин

Проповеди..... 274

ГРУЗИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ

У христианина должна быть поэтическая натура –

Беседа с архимандритом Адамом (Ахаладзе)..... 325

Настоящей жизни без Христа не существует – Беседа с митрополитом Ахалкалакским и Кумурдойским Николаем (Пачуашвили).....	334
--	------------

**МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА) –
К 90-летию МОНАШЕСКОГО ПОСТРИГА**

Нина Каухчишвили

Мать Мария (Скобцова).

Профиль духовности (Пер. с итальянского)..... 359

Брат Адальберто Майнард

«Блаженны нищие духом».

Быть монахиней во времена богоотступничества:

мать Мария (Скобцова)..... 401

IN MEMORIAM

Пётр Сахаров

Отец Александр Хмельницкий (1942–2021) 409

SOMMAIRE

Trouver en soi le Christianisme véritable	5
---	---

FÉLICITATIONS

Louange adressée au Maître	9
---	---

Hiéromoine Joseph (Kiperman)

Paroles adressées au père Vladimir à propos du père Vladimir	13
---	----

Prêtre Vladimir Lapchine

Au père Vladimir Zélinsky pour son 80 ^e anniversaire	16
--	----

Archiprêtre Mikhaïl Axionov-Meyerson

Un demi-siècle au service de la Vérité: À l'occasion du 80 ^e anniversaire du père Vladimir Zélinsky	18
--	----

PROBLÈMES ACTUELS DE L'ÉGLISE

Archiprêtre Dimitri Sizonenko

« Le Christianisme ne fait que commencer ».....	33
---	----

Père Vladimir Zélinsky

L'héritage du père Alexandre Men et trois de ses épîtres	41
---	----

Vladimir Frenkel

Notes en marge :

*Le Christianisme dans notre vie et dans
l'histoire.* 68

Archiprêtre Dionisy Martychine**Prêtre Pavel Botchkov**

Eschatologie de la liberté et de la création :
dans la pensée théologique de l'archiprêtre
Alexandre Men..... 86

Hiéromoine Joseph (Kiperman)

À propos de l'Église du Christ..... 102

Archiprêtre Mikhaïl Axionov-Meyerson

Le père Alexandre Schmemmann : le don
de l'apostolat..... 125

Michel Van Parys, Abbé de Chevetogne

L'Église du Christ et les églises locales
en des temps apocalyptiques (*traduit du français*) 210

PAROLES DU PASTEUR**Archimandrite Victor (Mamontov)**

Homélie..... 229

Prêtre Vladimir Lapchine

Homélie..... 274

L'ÉGLISE ORTHODOXE DE GÉORGIE

Le chrétien doit avoir une nature poétique

**Entretien avec l'archimandrite Adam
(Akhaldzé)..... 325**

Il n'y a pas de vie véritable sans le Christ

**Entretien avec le métropolite d'Akhalkalaki et
de Koumourdoï Nicolas (Patchouachvili) 334**

POUR LE 90^E ANNIVERSAIRE DE LA TONSURE MONASTIQUE DE MÈRE MARIE SKOBTSOVA

Nina Kautschichvili

Mère Marie (Skobtsova).

Profil de la spiritualité (*traduit de l'italien*)..... 359

Frère Adalberto Mainardi

« Bienheureux les pauvres en esprit »

Être moniale en temps d'apostasie :

Mère Marie (Skobtsova) 401

IN MEMORIAM

Piotr Sakharov

Le père Alexandre Khmielnitsky (1942–2021)..... 409

CONTENTS

To find true Christianity in oneself	5
--	---

CONGRATULATIONS!

Praise to the Master	9
-----------------------------------	---

Hieromonk Joseph (Kiperman)

The word to Fr Vladimir about Fr Vladimir	13
---	----

Priest Vladimir Lapshin

To Fr Vladimir Zelinsky – on his 80 th birthday	16
--	----

Archpriest Mikhail Aksenov-Meerson

Half a century on the service of Truth: to the 80 th anniversary of Fr Vladimir Zelinsky	18
--	----

CONTEMPORARY CHURCH PROBLEMS

Archpriest Dmitry Sizonenko

“Christianity is just beginning”	33
--	----

Priest Vladimir Zelinsky

Fr Alexander Men’s heritage and his three messages	41
--	----

Vladimir Frenkel’

Notes on the margin <i>Christianity in our life and in history</i>	68
---	----

Archpriest Dionisiy Martyshin**Priest Pavel Bochkov**

Eschatology of freedom and creative work:

To the theological thought of Archpriest

Alexander Men' 86

Hieromonk Joseph (Kiperman)

About the Church of Christ 102

Archpriest Mikhail Aksenov-Meerson

Fr Alexander Schmemmann: the gift of apostleship 125

Abbot Michel Van Parys

The Church of Christ and the local churches

in apocalyptic times (*Transl. from French*) 210**PASTOR'S WORD****Archimandrite Victor (Mamontov)**

Sermons 229

Priest Vladimir Lapshin

Sermons 274

GEORGIAN ORTHODOX CHURCH

A Christian should have a poetic nature –

a conversation with Archimandrite Adam**(Akhaldze)** 325

There is no real life without Christ – a conversation with Metropolitan Nikolay (Pachuashwili) of Akhalkalaki and Kumurdo.....	334
--	------------

**MOTHER MARIA (SKOBTZOVA) –
TO THE 90TH ANNIVERSARY
OF TAKING THE VEIL**

Nina Kauchtschischwili Mother Maria (Skobtzova). Spirituality profile (<i>Transl. from Italian</i>)	359
Brother Adalberto Mainardi “Blessed are the poor in spirit.” To be a nun at the time of apostasy: Mother Maria (Skobtzova).....	401

IN MEMORIAM

Pyotr Sakharov Fr Alexander Khmelnitzky (1942–2021)	409
---	------------

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия) изданы (1991–2022)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXXI
Альманах «Отчий Дом»

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге
«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»
(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге
«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин
«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге
«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова
«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция))

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталия Большакова
«Жизнь и служение
епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин
«Читая апостола Павла:
Послание к Филиппийцам,

Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,
Послание к Ефесянам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послание к Титу,
Послания к Тимофею,
Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»
Статьи. Проповеди. Беседы

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень «Благослови молитву
мою»

(«Svētī manu lūgšanu») на латышском языке
в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti» (Rīga)

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень «Сын Человеческий»
(«Cilvēka Dēls») на латышском языке
в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti» (Rīga)

Alexander Men' International Charity Society
Riga Latvia
Phone: +371 29147350
E-mail: amenfond@gmail.com